И.Д.Бацаев

СЕЛЬСКОЕ И ПРОМЫСЛОВОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ 1929-1953 гг.

Магадан
1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

И.Д.Бацаев

СЕЛЬСКОЕ И ПРОМЫСЛОВОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ 1929-1953 гг.

Магадан
1997

УДК 639.24:639.2.052.8(1-18)(571)

Бацаев И.Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929-1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. 138 с.

На основе новых данных из государственных архивов впервые выполнено обобщающее исследование по истории создания сельского и промыслового хозяйства на Северо-Востоке России. Рассмотрены особенности коллективизации в национальных округах и районах, специфика формирования сельскохозяйственного сектора в системе Дальстроя и центральных районах Камчатки, а также своеобразие развития рыболовецких колхозов и их значение в становлении рыбной промышленности Северо-Востока.

Рассчитана на историков - научных сотрудников, преподавателей, краеведов, интересна будет и массовому читателю.

Утверждено к печати Ученым советом СВКНИИ ДВО РАН
Отв. редактор чл.-корр. РАН **Н.Н.Диков**
Рецензенты: канд. с.-х. наук **А.Т. Швирст**
канд. ист. наук **И.Л.Глазунов**

ISBN 5-7442-0994-8

ВВЕДЕНИЕ

25 октября 1917 г. в обстановке массового недовольства политикой Временного правительства власть в России захватила Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков.

Произошла не просто очередная нелегитимная смена власти - началась новая эпоха с особой философией и мировоззрением. Бедный пошел на богатого, голодный - на сытого, раздетый - на одетого.

Революционная марксистско-ленинская идеология, в основе которой лежала классовая непримиримость и отчужденность, сформировала новую систему общественных отношений и особый тип государства диктатуры пролетариата. По многочисленным определениям В.И.Ленина, это была власть, опирающаяся непосредственно на насилие и не связанная никакими законами.

В переходный от капитализма к социализму период тактика террора и насилия, санкционированная государством, была возведена в ранг официальной политики и приобрела форму закона: винтовка рождает власть, а страх является эффективным элементом политики, помогая управлять человеческой средой.

В истории советской России 30-40-е гг. занимают особое место, т.к. именно в этот период в полном объеме стала осуществляться на практике ленинская теория построения социализма в СССР.

Индустриализация, коллективизация и культурная революция в рамках сталинской стратегии «большого скачка» проводились методом «штурма и натиска» - лавинообразно.

Ключевым звеном социально-экономического строительства советского государства явилась коллективизация сельского хозяйства. За счет эксплуатации крестьянства создавалась необходимая экономическая база первоначального социалистического накопления.

Преобразования аграрных отношений на социалистической основе в масштабах всей страны имели единую цель и общую направленность.

Во-первых, за счет массовой экспроприации частной собственности решалась политическая задача ликвидации остатков буржуазных классов в деревне и способствующих их возрождению капиталистических товарно-денежных отношений.

Во-вторых, в ходе массовых репрессий и раскулачивания создавалась огромная армия бесплатной рабочей силы для проведения индустриализации в стране, в т.ч. в труднодоступных районах Крайнего Севера. Только на Колыму в 1932-1941 гг. было доставлено 356 000 заключенных.

В-третьих, на основе государственной формы собственности создавалась социалистическая колхозно-совхозная система хозяйствования, полностью подконтрольная партийным и советским органам власти.

Колхозы и совхозы превращались в инструмент внерыночного (по твердым государственным ценам) изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянства.

В-четвертых, в процессе коллективизации формировался жестко централизованный аппарат подавления - административно-карательный и идеологически-пропагандистский, способный быстро реагировать на любые проявления «нелояльности».

В целом создаваемая система хозяйствования характеризовалась директивными методами управления, тотальным контролем за внутрихозяйственной жизнью колхозов и совхозов и высокозатратным финансово-кредитным механизмом.

В каждом регионе коллективизация имела свои особенности, связанные с природно-климатическими условиями, национальным составом населения, уровнем развития общественных отношений, спецификой ведения сельского хозяйства и другими факторами объективного и субъективного характера.

В наиболее отсталых в социально-экономическом отношении районах Сибири и Крайнего Севера коренное население находилось на стадии разложения первобытных отношений и социального расслоения. Однако это не означало, что здесь проводилась качественно иная аграрная политика, учитывающая местные условия.

Одним из таких «специфических» регионов, прошедших все этапы коллективизации - от прямого террора до псевдодемократизации, являлся Северо-Восток России, превратившийся в 30-40-е гг. из глухой окраины империи в крупный промышленный центр.

По формам, методам, целям и задачам, которые решались в ходе коллективизации, северо-восточный регион можно условно разделить на три группы: колымские районы (включая национальные - Ольский, Северо-Эвенский и Среднеканский), охваченные деятельностью Дальстроя НКВД-МВД СССР; Чукотский и Корякский национальные округа; центральные районы Камчатки.

Высокие темпы и особенности промышленного освоения этих территорий определяли комплекс задач по развитию их собственной продовольственной базы.

На Колыме в начале 30-х гг. формировался с долгосрочной перспективой добычи золота и других редкоземельных металлов так называемый комбинат особого типа - Дальстрой, зона влияния которого расширилась с 450 000 км^2 в 1932 г. до 3 000 000 км^2 в 1953 г.

Необходимость создания в регионе собственного сельскохозяйственного производства диктовалась объективными экономическими предпосылками, в т.ч. быстрым ростом населения, занятого в горнодобывающей промышленности (большую часть его составляли заключенные Севвостлага). Совхозы и подсобные хозяйства Дальстроя на Колыме организовывались в районах промышленного освоения и комплектовались также за счет заключенных и спецпереселенцев. Применение подневольного труда являлось основным методом развития сельского хозяйства.

После образования Дальстроя процесс коллективизации в национальных районах приобрел более осмысленный целенаправленный характер, а национальные колхозы Охотского побережья стали основой для развития местной рыбной промышленности.

В центральных районах Камчатки создание социалистического сектора сельского хозяйства было связано с выполнением решений партии и Советского правительства о превращении полуострова в мощный форпост социализма на Дальнем Востоке и крупный промышленный центр по добыче и переработке рыбы. Особенности Камчатки (географическое положение, природно-климатические условия, малонаселенность и др.) наложили свой отпечаток на процесс развития сельского хозяйства.

Колхозы и совхозы формировались за счет массового переселения крестьян из других районов страны, демобилизованных из РККА и местного населения. Здесь коллективизация имела вялотекущий характер. Основные трудности в развитии сельского хозяйства крылись в самой административной системе хозяйствования, изменившей отношение к собственности и подавлявшей инициативу и материальную заинтересованность крестьян в результатах своего труда.

В Чукотском и Корякском национальных округах в процессе коллективизации решалась в первую очередь политическая задача - утверждение советской власти путем классовой борьбы с национальным кулачеством и шаманством. Эта стратегическая линия проводилась в отношении кочевников-оленеводов не только в КНО и ЧНО, но и в национальных районах Колымы.

В протоколе 4-го Ольско-Сеймчанского районного съезда Советов (1-3 апреля 1931 г.) подчеркивалось: «Может быть, богачи будут ...укочевывать в другие места. Передайте, что это кулакам не поможет, куда ни будут кочевать, все равно там советская власть»[1].

В ходе социалистической реконструкции коренной ломке подверглись не столько формы и методы ведения полунатурального хозяйства, сколько (в широком понимании) образ жизни малочисленных народов Северо-Востока. В эти годы складывался целый комплекс новых социально-экономических проблем, которые проявились уже в середине 60-х гг.

Публикации прошлых лет по истории коллективизации на Северо-Востоке России носят фрагментарный характер и не дают общей картины происходившего здесь в 30-40-е гг. По объективным причинам они служили идеологическим обоснованием необходимости и неизбежности социалистических преобразований на региональном уровне.

История Советского государства сложна и многообразна, и ее оценки в разные периоды не могут быть однозначны. Как и любая общественно-политическая формация, социализм имел и имеет (идеологию, как и религию, нельзя просто отменить) свои положительные и отрицательные стороны, этапы поступательного развития и застоя.

Попытки противопоставления и идеализации различных концепций общественного развития по принципу «хорошо-плохо» ведут к опасному упрощению событий прошлого и к серьезным ошибкам в оценках настоящего.

В изменившейся политической обстановке мы считаем неэтичным полемизировать по вопросам коллективизации и ее конечных результатов и, понимая сложность проблемы, не претендуем в настоящей работе на

---

[1] ГАМО. Ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 63.

право истины в последней инстанции, а лишь предлагаем иную точку зрения, сложившуюся в результате изучения архивных материалов, наблюдений, полученных автором в археологических экспедициях чл.-корр. РАН Н.Н.Дикова на Камчатку и Чукотку, а также общения с замечательным ученым историком-этнографом В.В.Леонтьевым, тонко понимавшим специфику жизни, быта и культуры народов Севера. Документальную основу исследования составляют материалы Государственных архивов Магаданской и Камчатской областей, большинство из которых используются впервые.

Глава 1. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРУГАХ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

1.1. В преддверии коллективизации

Процесс формирования административно-командной системы управления народным хозяйством Северо-Востока и создания материально-технической базы для его развития (и в частности, для сельского хозяйства), несмотря на некоторые особенности, связанные с природными условиями, образом жизни и характером занятий коренного населения, явился зеркальным отражением общегосударственной политики социалистического преобразования общества.

Анализ становления и развития социалистических отношений, преобразующих общество на качественно новой основе, свидетельствует, что в истории малочисленных народов Северо-Востока нет ничего уникального, нет и тени того многообразия форм и постепенности перехода к социализму, о которых говорил В.И.Ленин.

Они прошли, «сжав» время, тот же путь развития, что и другие народы нашей страны.

Мифического скачка от «жирника до атома», из «неолита в социализм» не получилось. К 1953 г. сельское и промысловое хозяйство региона приобрело вид социалистического по формам и уровню обобществления, но оставалось полуфеодальным по методам его ведения и отношению к средствам производства.

Если исходить из схематизма марксистско-ленинской теории, то северо-восточный регион располагал всем необходимым для успешного осуществления социалистических преобразований: общество, стоящее на грани разложения первобытнообщинных отношений, при которых отсутствовали классовые противоречия, присущие рабовладению, феодализму и капитализму, а также огромная территория с неограниченными при

рациональном их использовании природно-сырьевыми ресурсами - все это теоретически создавало необходимые предпосылки для безболезненного перехода от первобытных отношений к социалистическим.

Объективные трудности освоения региона были связаны в основном с его географической изолированностью и труднодоступностью, крайне слабой развитостью внутренних транспортных связей, малонаселенностью территории и очень суровыми природно-климатическими условиями.

Субъективная причина - почти полное отсутствие промышленного производства, которое создало бы необходимую экономическую основу для социалистической реконструкции сельского и промыслового хозяйства коренного населения, а также для развития нетрадиционных отраслей в местах новопоселений, - не играла определяющей роли.

Необходимость социалистического переустройства сельского хозяйства региона чаще всего обосновывалась тем, что к моменту установления советской власти народности Севера находились на грани вымирания от болезней и постоянного голода, грабежей и насилия и только социалистические преобразования спасли эти народы от исчезновения.

Характерно, что вопроса о том, нужна ли именно социалистическая реконструкция или в данной ситуации необходима особая аграрная и социальная политика, практически не существовало. Он был решен политически однозначно в пользу социализма в том виде, как его понимало тогдашнее руководство страны: один вождь, одна партия, единый народ и определяющая воля «пролетариата»; свобода всего общества за счет ограничения свободы каждого и уравниловка вместо равенства.

В работе «К вопросам аграрной политики в СССР» И.В.Сталин отмечал: «Стало быть, вопрос стоит так: либо назад к капитализму, либо вперед к социализму. Никакого третьего пути нет и не может быть»[1].

Формальным поводом для ускорения социалистических преобразований в отсталых районах явилось объективно тяжелое положение коренного населения региона после гражданской войны, а также первобытность и чуть ли не дикость его существования.

Вывод о дикости населения и бесперспективности натурального хозяйства народов Севера справедлив лишь отчасти - ведь и русскую деревню начала века тоже называли «самой дикой», хотя это и не соответствовало действительности.

Понимание цивилизованности того или иного общества всегда относительно и определяется многими факторами. То, что одним представляется диким, является неотъемлемой частью бытия других. Это касается обычаев, характера ведения хозяйства и быта, религиозных обрядов, верований и т.д., которые имеют свой определенный, может, и непонятный для других, смысл и составляют уклад жизни народа.

А.В.Олсуфьев, посетивший Чукотку в 1892 г., отмечал: «Здесь только и можно говорить о сравнительном благосостоянии...[2] ...Главное же, в чем я вижу залог будущего благосостояния, это нравственная сила населения... ...Племя, населяющее округу, - чукчи представляет много задатков для успешной борьбы с неблагоприятным влиянием знакомства с культурным

---

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 146.

[2] *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб, 1896. С. 73.

миром; замечательное в северном племени физическое развитие, сила воли, природное знание и старательность в деле оленеводства приводят нас к заключению, что племя это, при небольшом старании оградить его от вредного влияния... не пойдет по следам... уже совершенно вымерших племен севера Сибири»[1].

По нашему мнению, основная опасность для народностей Севера заключалась не в господстве примитивного натурального хозяйства и первобытного образа жизни, а в проникновении в их среду худших элементов более развитой и во многом чуждой им цивилизации.

Активная колонизация Северо-Востока русскими и иностранными, особенно американскими и японскими промышленниками, неся в себе прогрессивные элементы новой культуры, в то же время способствовала почти полному уничтожению целых племен и народов: в Колымском округе - амаков, чавачей, шелагов, чуванцев, юкагиров, на Камчатке - камчадалов и др. Поэтому, говоря о «дикости» коренного населения Северо-Востока, нужно иметь в виду не его отсталость, а дикость тех нравов, которые были внесены извне. Например, в районах Колымы, которые издавна являлись местом ссылки уголовных преступников, громадных масштабов достигли пьянство, картежные игры, безысходная пассивность и иждивенчество населения, приведшие к катастрофическому разрушению хозяйства.

«В Гижиге и Колыме думали принести пользу населению учреждением казенных складов хлеба и соли для продажи по дешевой ценс и даже даровой раздачи в случае голода, но последствия не оправдали этой гуманной меры... жители... стали смотреть на начальника, как на спасителя... Следствием этого, в связи с другими причинами, явились лень, пороки, нищета и, наконец, быстрое вымирание и вырождение русских, которые теперь уже не представляют задатков к улучшению», - писал А.В.Олсуфьев[2].

Что касается чукчей, коряков, эвенов и др., то точных данных об их численности на момент установления советской власти не существует, и все факты об их вымирании носят поверхностный характер.

«К сожалению, вследствие сомнительности цифр метрических росписей, основанных... не на фактах рождения и смерти, а на таинствах, здесь вовсе нельзя исследовать вопросы рождаемости и смертности без опасения впасть в грубую ошибку»[3].

Конечно, нельзя отрицать того, что сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока было чрезвычайно уязвимо и стабильность общества во многом зависела от баланса природных ресурсов - наличия пушного зверя, снижения или увеличения оленепоголовья, интенсивности хода рыбы, состояния собаководства. Нарушение равновесия сразу же отражалось на условиях жизни, приводило к голоду, но в разных районах по-разному.

«Стараясь расспросами старожилов, по возможности, выяснить вопрос о прежней численности чукотского племени, я узнал, что за последние 50 лет не замечается уменьшения числа стойбищ»[4], - отмечал А.В.Олсуфьев.

---

[1] *Олсуфьев А.В.* Указ. соч. С. 73, 212.

[2] Там же. С. 69.

[3] Там же. С. 77, 78.

[4] Там же. С. 131.

Голодовки охватывали в основном оседлое население, главным занятием которого было рыболовство, охота и добыча морского зверя.

«Трудно себе представить, - писал участник экспедиции 1821 г. Матюшкин, - до какой степени достигает голод среди здешних народов... Часто с половины лета люди питаются древесной корой и шкурами»[1].

Из-за активизации американских китобоев с 1860 г. сократился подход к побережью китов и морского зверя, что сразу же поставило прибрежное население в крайне тяжелое положение.

Дестабилизация, вызванная внешними факторами, привела к резкому уменьшению запасов продукции морского промысла и, следовательно, нарушению товарного обмена между кочевниками и оседлыми.

В последней четверти XIX в. был ряд голодных лет, но особенно тяжелыми были 1877 г., 1888 г. и 1889 г., однако вымирания не произошло. Почему?

Суровые условия Севера наложили свой отпечаток на сознание людей, приучив их не к противоборству, а к взаимопомощи и объединению против стихий природы.

Описывая голодовку 1889 г., А.В.Олсуфьев на вопрос о том, что же спасло людей в таких страшных условиях, приводит ответ жителя с. Марково: «Опять Бог пособил - олень грудно пошел, да и чукчи помогли - много оленей даром раздали беднякам, не давали людям умирать с голода»[2].

История коренного населения Северо-Востока вне социалистической формации насчитывает тысячелетия, что подтверждается археологическими раскопками. В результате многовекового естественного отбора в условиях почти полной изоляции этих народов от достижений человечества возникла уникальная культура взаимодействия человека и природы, позволившая ему не только выжить, но и рационально развить свое хозяйство.

Как это ни странно, но отсутствие помощи извне, заставлявшее людей вести постоянную борьбу за существование, явилось в то же время фактором, стимулирующим развитие хозяйства, поиск новых форм его ведения, и препятствием к деградации человека.

В таких условиях натуральное хозяйство народностей Севера все больше приобретало черты общественного производства с элементами товарных отношений в форме обмена.

Особенно это характерно было для морского промысла и рыболовства, когда рыбаки и охотники объединялись в простейшие артели и вели промысел совместно.

Зачатком простейшего производственного кооперирования оседлого населения явились байдарные артели. В основе таких коллективов лежали семейно-родственные отношения, но при распределении продукции учитывались все члены общины по уравнительному принципу. «Эти братские отношения, выражение которых мы видели на каждом шагу, явились также следствием изолированности этого маленького общества, находящегося под вечным страхом голода, грозящего здесь при стечении некоторых обстоятельств невероятными бедствиями»[3].

---

[1] *Чикин С.Н.* Охрана здоровья народностей Севера. М.: Медицина, 1974. С. 23.

[2] *Олсуфьев А.В.* Указ. соч. С. 55.

[3] Там же. С. 79.

Основные средства производства - байдары, сети и др. - были собственностью коллектива или отдельных лиц и обобществлялись на сезон.

Сезонный характер имели и объединения охотников-промысловиков по добыче пушного зверя. Эта продукция играла важную роль в торговых отношениях.

Признаки производственного кооперирования отмечались также у кочевников-оленеводов. В борьбе за выживание происходило естественное объединение маломощных семей оленеводов с более крупными, а их совместная работа не носила четко выраженного характера эксплуатации. Пастухи совершенно свободно объединялись для совместного выпаса оленей (чаще всего, в критических ситуациях), но в любое время могли покинуть своего «хозяина».

Различного рода выводы-натяжки о наличии капиталистических отношений и классов у кочевников-оленеводов, по нашему мнению, не имеют под собой почвы, т.к. эти отношения были сродни тем, которые сложились в среде древних славян: их в таком случае также надо было бы признать капиталистическими.

Понятия «власть», «богатство», «эксплуатация человека человеком» к моменту установления советской власти еще не имели у народностей Севера определяющего значения. Так, например, чукчи Анадырской округи подразделялись на пять обществ; во главе каждого стоял выбранный на три года наиболее богатый оленевод - старший общества (тойон). Однако, как писал А.В.Олсуфьев: «Сами чукчи относятся совершенно безразлично к делу выбора тойона: почетное положение его не делает ни малейшей материальной выгоды, а также ни тени власти. Ясак же, за невозможностью собрать его с разбросанных членов общества... целиком вносится тойоном из собственных его средств»[1].

Зажиточная прослойка формировалась не за счет основных промыслов, а за счет торговли, посредничества, контрабанды, извоза. Исключение составляли небольшая часть населения тех районов, где были наиболее высокие заработки от лова рыбы (например, в Усть-Камчатске), и оленеводы-«тысячники». Что касается последних, то надо иметь в виду, что при чрезвычайно низкой товарности продукции оленеводства они являлись владельцами крупных стад, которые не могли быть источником обогащения. И эта их экономическая независимость, их экономическое «богатство» были лишены каких бы то ни было признаков социального и политического господства.

«В результате отсутствия спроса на продукцию оленеводства, последнее оставалось невовлеченным в товарооборот... Крайняя отдаленность рынка сбыта, низкая по сравнению с другими видами северной продукции (пушниной) рентабельность... трудность организации операций в крупных масштабах привели к тому, что торговый капитал... мало интересовался так называемой рухлядью»[2], - читаем у М.А.Сергеева.

Развитие народов Северо-Востока на стыке двух общественно-экономических формаций (первобытнообщинной и капиталистической) форми-

---

[1] *Олсуфьев А.В.* Указ. соч. С. 92.

[2] *Сергеев М.А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л., 1936. С. 399.

ровало своеобразную систему товарно-денежных отношений. Ценность вещей и денег, являвшихся товаром, имела относительный характер и определялась не их реальной стоимостью, а рациональностью и необходимостью. Что ценнее для жителя тундры - медный котел, капкан, ружье, т.е. вещи, определявшие его благосостояние и саму жизнь, или шкурка песца, которую можно добыть при удачной охоте? Все относительно!

Это специфика Севера, и поэтому стоит ли заниматься подсчетами ценности шкурки песца при торговле в тундре и на аукционе в Нью-Йорке!

«Меновая торговля... отличается особой своеобразностью. Вот как ее обрисовывают русские торговцы: «Чукче надо дать при мене ту вещь, на которую он обзарится, иначе он не согласится на мену». Не имея представления о ценности предмета как своего, так и понравившегося ему, он нередко просит вещь, стоящую либо дешевле его товара, либо гораздо дороже. Увещания и объяснения никогда не помогают, и торговцы нередко уступают товар в убыток, чтобы в другой раз с лихвой вознаградить себя в этой потере. В торговых сношениях чукчи выказывают большую недоверчивость; подозревая на каждом шагу обман и торгуясь из-за каждой мелочи, они сами не пропускают случая войти к купцу в доверие и, забрав у простака побольше в кредит, уже не являются на ярмарку»[1].

Постоянный рост торговых отношений в сочетании с усилением промышленно-предпринимательской деятельности иностранных фирм (особенно на Камчатке), несмотря на издержки, способствовал улучшению материального положения коренного населения, но в то же время резко росла и его зависимость от поставок оружия, боеприпасов, охотничьего снаряжения, предметов домашнего обихода.

В развитии торговых отношений с внешним миром все большее значение приобретали традиционные ярмарки - Усть-Бельская, Еропольская, Апукская, Ольская, Наяханская, Гармандинская и др.

На ежегодных ярмарках не только проводились торговые операции, но и решались важные вопросы межплеменных отношений.

До социалистической реконструкции народное хозяйство региона развивалось совершенно естественным путем, постепенно вовлекаясь в товарно-денежные отношения.

Комплексное натуральное хозяйство уже имело сформировавшуюся на основе разделения труда структуру отраслей и своеобразную систему производственных отношений, синтезирующую разложение патриархального уклада с переходом к классообразованию.

Сельское и промысловое хозяйство, хотя и испытывало в отдельные годы серьезные затруднения в результате ухудшения природно-климатических условий и влияния внешних факторов, связанных с колонизацией, в целом обеспечивало коренное население продуктами питания.

Резкое, а в ряде районов просто катастрофическое ухудшение состояния народного хозяйства Северо-Востока было вызвано не экономической экспансией или кризисом натурального хозяйства, а гражданской войной и периодом безвластия, т.е. внешними факторами.

---

[1] *Олсуфьев А.В.* Указ. соч. С.108, 109.

Гражданская война здесь не имела больших масштабов, но ее последствия были не менее тяжелыми.

На побережье Охотского моря белогвардейские банды разгромили фактории частных фирм, а также хлебозапасные склады и магазины, созданные еще при царском правительстве на случай голода.

Огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству в Гижигинском и Охотском уездах.

Посетивший в 1922 г. Гижигинский уезд В.К.Арсеньев указывал, что сокращение оленепоголовья достигло значительных размеров именно в последние годы. На Охотском побережье поголовье оленей, составлявшее до 1917 г. более 60 000 голов, сократилось до 20 000, а общий ущерб в Охотском уезде составил 5 млн руб. золотом.

Населению Анадырского, Чукотского уездов и Охотско-Аянского районов грозил голод. Резко ухудшилось продовольственное обеспечение в Петропавловском уезде и Усть-Камчатске.

Однако упадок в сельском и промысловом хозяйстве был не повсеместным. Кочевники-оленеводы, откочевав в труднодоступные районы, сохранили свои стада, которые стали основой для быстрого восстановления туземного хозяйства.

Разорение сельского и промыслового хозяйства Северо-Востока в этот период справедливо связывают с белогвардейскими грабежами, хотя это была уже не армия, а группы бандитов, и деятельностью иностранных фирм. В то же время умалчивается факт, как отрицательно отразились на развитии сельского и промыслового хозяйства (особенно оленеводства и собаководства) некоторые мероприятия, проводимые советской властью в первые годы советизации региона. Присущие периоду «военного коммунизма» конфискации, национализация, транспортная повинность, продразверстка, направленные против крупных оленеводов, сказались в первую очередь на беднейших слоях, разорив их хозяйства.

«Общие размеры падения сельского хозяйства за этот период не поддаются учету, - писал М.А.Сергеев, - ...на западном побережье Пенжинского залива поголовье снизилось с 70-80 тыс. до нескольких тысяч оленей. Падение отдельных стад в целом ряде районов Камчатского края достигло таких размеров, что восстановление... стало уже невозможно»[1].

В 1925 г. ВЦИК СССР принял постановление, освобождавшее коренное население от всех прямых общегосударственных налогов, а также от местных, сдерживавших восстановление народного хозяйства. Это решение было связано с негативными последствиями попытки в 1923-1924 гг. обложить население единым сельскохозяйственным налогом без учета местных условий. Разоренному войной населению (особенно на Охотском побережье) выплачивать налоги и отрабатывать многочисленные повинности было просто невозможно, и ответом на действия властей в ряде районов стало пассивное и активное сопротивление. Оленеводы Чукотки, Корякии забивали оленей и угоняли крупные стада в труднодоступные районы, а в Охотском уезде началось вооруженное выступление под лозунгом «Тунгусия - для тунгусов».

---

[1] *Сергеев М.А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л., 1936. С. 402.

Первая попытка проведения социалистических преобразований террористическими методами «военного коммунизма» потерпела неудачу.

Изменения в политике произошли не от осознания порочности репрессивных методов, а вследствие объективных причин.

В результате массовых перекочевок коренного населения слабенький аппарат органов советской власти потерял всякий контроль над оленеводами и влияние на них, прервались торговые и транспортные связи.

В дальнейшем (до 1929 г.) взаимоотношения органов власти с местным населением базировались главным образом на экономических принципах, в основу которых была заложена концепция кооперирования.

Первые кооперативы на Северо-Востоке организуются еще до советизации региона на предпринимательской основе для защиты прав потребителей. Начало кооперативного движения было положено в апреле 1917 г. в Усть-Камчатске, а деятельность первого кооператива была направлена против монополизма рыбопромышленной фирмы «Демби».

За год своей работы (с 1 апреля 1917 г. по 1 апреля 1918 г.) первое Камчатское общество кооператоров получило 47 517 руб. прибыли, что явилось хорошим примером для быстрого роста потребительских обществ по всей Камчатке. Не замыкаясь только на закупках товаров для своих членов, кооперативы быстро развернули работу по комиссионным операциям: заготовке пушнины, скупке рыбопродукции и организации небольших рыболовецких артелей. Расширение функций кооперативов диктовалось жесткой конкуренцией с иностранными фирмами.

Однако период свободного предпринимательства, ориентированный на рынок, быстро закончился. Уже в декабре 1917 г. Советы взяли под контроль производство и распределение продукции и повели борьбу с иностранными фирмами «революционными» методами.

В 1919 г. был положен конец добровольности членства и в кооперативы стали зачислять все «население поголовно». Кооперация приобрела полугосударственный характер. После восстановления советской власти этот процесс усилился. Торговля частных лиц была поставлена под контроль ревкома. Обычным явлением стали обыски и конфискации товаров под различными предлогами.

В 1920 г. после I съезда уполномоченных Камчатского союза кооператоров кооперативное движение охватило Чукотку и колымские районы.

В 1925 г. на Чукотке был организован первый потребительский кооператив, имевший свои склады в Анадыре, Усть-Белой, Марково. В 1925 г. при 5 кооперативах Чукотского района созданы пошивочные мастерские и 6 промысловых групп, охватившие 40 охотников Уэлена, Наукана, Чаплино, в 1926 г. - оргбюро чукотских кооператоров во главе с В.М.Чекмаревым, а несколько позднее - Уэленский, Дежневский и другие кооперативы. В колымских районах действовало кооперативное объединение «Север»[1].

В Ольском районе потребительские общества были созданы в Ямске (1923 г.), Тауйске (1924 г.), Оле (1923 г.). В 1926 г. они были реорганизованы в товарищества Всероссийского союза охотников.

---

[1] *Историческая* хроника Магаданской области (1917-1972 гг.). Магадан, 1973. С. 55, 56.

На Камчатке в 1923-1926 гг. в 79 населенных пунктах из 240 были организованы крестьянские общества взаимопомощи.

Занимаясь снабжением и сбытом, кредитованием, созданием основ материально-технической базы сельского и промыслового хозяйства, кооперация решала главную задачу: постепенно приобщала население к простейшему общественному производству на базе товарно-денежных отношений. Она была выгодна населению, способствовала росту его благосостояния, не затрагивая традиционных форм и методов ведения хозяйства и не разрушая исторически сложившегося уклада жизни.

В годы НЭПа наряду с положительными тенденциями в развитии кооперативного движения стали проявляться признаки администрирования и жесткого регулирования предпринимательской деятельности потребительских обществ. Например, в протоколах II съезда Советов Ольского района (6-9 апреля 1927 г.) уже отмечалось, что «...кооперативы и кресткомы... стараются улизнуть от нас, мы де сами по себе, а РИК сам по себе. В таком случае мы будем вынуждены насильно заставлять принимать наши решения»[1].

Далее. Сравнительно быстрый рост потребительских и промысловых кооперативов в 1923-1927 гг. не отражал истинного положения дел.

Председатель Ольского РИКа М.Д.Петров был вынужден признать на II съезде Советов, что «в сущности, у нас одно лишь название, что кооперативы, а никаких кооперативов нет»[2].

Постоянное вмешательство в их деятельность органов власти, государственных и торгово-промышленных организаций (Дальгосторга, Охотсоюза, АКО, Дальзаготпушнины и др.), навязывавших кооперативам кабальные договоры, часто дискредитировало саму идею кооперирования и вызывало открытое возмущение населения, направленное против советской власти в целом.

В ряде мест представители этих организаций чувствовали себя полными хозяевами, творили произвол и беззаконие. Например, заведующий Ямской факторией Дальгосторга на заседании сельсовета, стуча кулаком по столу, кричал: «Захочу - не дам вам муки и заморю вас голодом»[3]. В Ольской фактории некий Вульфсон, пользуясь тяжелым положением населения, заставлял за бесценок производить грузоперевозки и т.д.

В 1927 г. четыре тунгусских рода из девяти (1-й Долганский, 3-й Долганский, 1-й Деллянский и Отдельный Деллянский) категорически отказались от выборов родовых советов. «Они заявили, что им не нужно райисполкома, ни кооперативов, ни фельдпунктов, ни школ, что они не нуждаются ни в одной из этих организаций. Если вы не сделаете вот так-то, то против вас пойдут все тунгусы и якуты»[4].

Ольский съезд Советов заклеймил их позором и заявил, что тунгусы этих четырех родов «тем самым наложили на себя грязное пятно и противопоставили себя всем трудящимся СССР»[5].

---

[1] ГАМО. Ф. 17, оп. 1, д. 30, л. 263 об.

[2] Там же. Л. 271.

[3] Там же. Л. 263 об.

[4] Там же. Л. 261 об., 265.

[5] Там же. Л. 262 об.

По объективным причинам крайне плохо обстояло дело с кооперированием кочевого населения. В то же время образ жизни оленеводов и характер ведения кочевого хозяйства не являлись серьезным препятствием; в большей степени кочевников сдерживало недоверие к новой власти.

«Кочевники, напуганные налогами, не говорили нам правды об оленях. Кроме того, относясь критически к органам власти в прошлом... кочевники заявили о том, что они не желают того, чтобы статсведения собирал кто-либо из посланных работников РИКа или других организаций, а указанные сведения они соберут сами»[1].

Органы советской власти практически не располагали данными о состоянии хозяйства оленеводов, их численности и классовом расслоении. Впрочем, уже через два года это не помешало развернуть беспощадную борьбу с кулачеством. В этот период кулака-оленевода пытались подавлять экономически, устанавливая непосильные твердые задания по перевозке грузов, добыче пушнины (особенно в районах Колымы), рыбы, денежными и натуральными штрафами.

Оттепель НЭПа на Северо-Востоке, как и по всей стране, была недолгой. Формирование административно-командной системы в конце 20-х гг. предопределило дальнейшее направление социалистического переустройства сельского и промыслового хозяйства на совершенно иных принципах. Система государственного регулирования быстро поглотила кооперацию. 31 августа 1929 г. состоялся II съезд камчатских кооператоров, на котором был создан союз «Камчатский интеграл», объединяющий 20 районов, в т.ч. Анадырский и Чукотский. В 1928 г. бюро кооперативов этих двух районов реорганизуются в районные интегралсоюзы (РИС), в 1930 г. образуется Чукотский окружной интегралсоюз.

Процесс укрупнения и централизации структур управления кооперацией был неразрывно связан с усилением в конце 20-х гг. административно-директивных методов управления народным хозяйством Северо-Востока в целом. Свободная предпринимательская деятельность кооперативов, основанная на рыночных отношениях, была парализована системой централизованных фондов и лимитов на материальные ресурсы и товары. Огосударствление кооперации, ликвидация многообразия форм частного предпринимательства, установление монополии госторговли и создание распределительной системы - все это звенья одной цепи, прелюдия к сплошной коллективизации.

В 1930 г. на Северо-Востоке развернулась кампания по «очистке» кооперативного движения. Всем РИКам предписывалось (Постановление СНК СССР от 13 ноября 1930 г. и ВЦИК от 2 декабря 1930 г. N 331) «...вести усиленную борьбу с лжекооперативами в промысловой кооперации. ...Очистить свои ряды от кулаков и лишенцев»[2] (закон от 2 июня 1928 г. допускал членство в промкооперации без ограничений для лишенцев).

Лжекооперативами признавались следующие: а) если в них принимают участие кулаки и другие лица, не имеющие права быть членами кооператива; б) если деятельность кооператива уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства[3]. Экономическая эффективность уже не имела никакого значения.

---

[1] ГАМО. Ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 2 об.; д. 30, л. 269.
[2] Там же. Д. 186, л. 127.
[3] Там же.

Социалистической коллективизацией сельского и промыслового хозяйства прервался естественный ход развития народов Северо-Востока и начался новый этап их истории революционными методами.

1.2. Коллективизация сельского и промыслового хозяйства в Чукотском и Корякском национальных округах

Преобразования сельского и промыслового хозяйства на социалистической основе в национальных округах и районах проводились под руководством местного партийно-советского аппарата, находящегося в свою очередь под жестким многоступенчатым контролем центральных органов власти.

Своеобразие участия властных структур в социалистической реконструкции сельского хозяйства заключалось в том, что кроме партийно-советского аппарата вопросами коллективизации занимались практически все организации, участвовавшие в освоении Северо-Востока, - Дальстрой, ГУСМП, АКО, Дальрыба, Дальинтегралсоюз, Дальгосторг и др.

С теоретической точки зрения единая направленность промышленных и других организаций на социалистическое переустройство должна была способствовать быстрому преобразованию народного хозяйства отсталых национальных районов. Однако на деле ведомственный подход и узость интересов, директивная неразбериха при организации колхозов и совхозов, распыление финансов и материальных ресурсов создавали идеальные условия для злоупотреблений и беззакония.

Реконструкция народного хозяйства Северо-Востока на социалистической основе была обусловлена главным образом политической, а не экономической необходимостью.

Суть аграрной политики рассматриваемого периода состояла, во-первых, в массовом обобществлении средств производства и создании на базе государственной формы собственности коллективных хозяйств и, во-вторых, в преобразовании патриархальных отношений в социалистические. В рамках административно-командной системы было практически невозможно учитывать специфику сельского хозяйства Севера и допускать многоукладность собственности.

Формы, методы и темпы социалистического переустройства сельского и промыслового хозяйства в национальных округах и районах менялись не в результате учета специфики Севера, а из-за колебаний генеральной линии партии по аграрному вопросу и в интересах государственных монополий.

Особенность коллективизации в Корякском, Чукотском, Охотско-Эвенском национальных округах заключалась не в своеобразии ее форм и методов (аналоги можно найти без особого труда в истории многих малочисленных народов нашей страны), а в том, что вследствие простого перераспределения и обобществления средств производства при организации самоедских ничего не производящих колхозов характер труда не изменился, но изменились уклад жизни и нравственные устои общества.

Главным препятствием для социалистических преобразований считались родовые институты, формировавшие «первобытное» мировоззрение народов Севера. Обычай «отработки» жен, часто практикуемое принятие в опекунство и на иждивение, другие варианты родовой помощи (дарение, безвозмездные раздачи и пр.) признавались средством классового угнетения и жесточайшей эксплуатации трудящихся.

«Вся эта категория пережитков является вреднейшим тормозом на пути социалистического переустройства туземного общества»[1], - писал М.А.Сергеев. Такой взгляд на образ жизни народов Севера не был отдельным мнением. Даже Комитет Севера, в состав которого входили П.Г.Смидович, А.В.Луначарский, Л.Б.Красин, В.Г.Богораз, Л.Я.Штернберг, С.А.Бутурлин и др., на VII пленуме в 1930 г. отметил, что «остатки патриархально-родового строя, явление родовой взаимопомощи и формы натурального хозяйства у народов Севера чрезвычайно затемняют классовое расслоение и подлежат ликвидации»[2].

Последствия разрушения исторически сложившегося уклада жизни под видом классовой борьбы в бесклассовом обществе мы пожинаем и сейчас. Коллективизация сельского и промыслового хозяйства коренного населения, сопровождавшаяся террором и грубым разрушением северной общины, не являлась необходимостью, вытекавшей из объективно назревших предпосылок, а была навязана народам Северо-Востока.

Исконные земли и природные ресурсы, которые составляли для коренного населения не основные средства производства, а среду обитания, формировавшую образ жизни, были в одночасье объявлены государственной собственностью, а люди автоматически становились «туземным» отрядом строителей социализма.

Как жить, как работать и воспитывать своих детей, во что верить - все это было решено заранее. Поэтому, говоря об успехах социалистического переустройства, надо иметь в виду, что у народов Северо-Востока не было альтернативы: история не знает сослагательного наклонения.

В деятельности органов власти отчетливо проявлялась двуличная иезуитская политика, теоретически провозглашавшая самое бережное, осторожное отношение к переустройству местного хозяйства и безжалостно разрушавшая его на деле.

По этому поводу еще в 1929 г. председатель Камчатско-Сахалинской комиссии А.В.Шотман писал в своем докладе в центр: «Решений по ДВК принято очень много, и притом важных, правильных и хороших решений, но выполняются они из рук вон плохо. Аппараты центральных учреждений в Москве в своей практической работе не помнят об этих решениях, и вновь и вновь дальневосточным организациям приходится напоминать о них, кричать о них, добиваться подтверждения. До сих пор многие центральные работники и целые учреждения не понимали и забывали, что ДВК

---

[1] *Сергеев М.А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л., 1936. С. 183.
[2] Там же. С. 184.

является ответственнейшим участком советской национальной политики, что к нему следует относится как к самой отсталой нацреспублике или национальной области»[1].

И в дальнейшем особенности и специфику Севера в лучшем случае видели в нетрадиционности отраслей сельского и промыслового хозяйства, а не в образе жизни и уровне социально-экономического развития. Особенно наглядно это проявилось в период сплошной коллективизации, сопровождавшейся «усилением классовой борьбы» с национальным «кулачеством» и шаманством.

Основным принципом строительства социализма советская власть объявила классовую борьбу и вполне сознательно развязала «вторую гражданскую войну».

За короткий промежуток в своей послереволюционной истории народное хозяйство региона дважды подвергалось серьезным потрясениям, разрушавшим его основу. И если первая гражданская война была воспринята как проходящее стихийное бедствие, то вторая стала неотъемлемой частью повседневного существования людей.

30-е годы в истории страны и Северо-Востока - это время идеологизации общества и создания политических мифов. Если кулака нет, его надо создать, подвести часть населения под это понятие, а человеческую ненависть можно разжечь искусственно под видом классовой борьбы.

То, что классового расслоения нет, что отношения имущих и неимущих в силу специфики общества носят совершенно иной, не антагонистический характер, было очевидно изначально. Заместитель председателя Комитета Севера при ВЦИК СССР С.А.Бутурлин, например, решительно высказывался против искусственного деления туземного общества на классы и говорил, что «только не бывавшие на Севере верхогляды могут подходить к туземцам с нашей меркой и не видеть, что к туземцам она неприемлема»[2].

Материалы приполярной переписи 1926/27 г., отчеты землеустроительных экспедиций и исполнительных комитетов 30-х гг. на первый взгляд подтверждали социальное расслоение, но надо учитывать, что в своей основе они были идеологически запрограммированы на подтверждение теории классовой борьбы.

Экономист Чаунского отряда Чукотской землеустроительной экспедиции НКЗ РСФСР Лобода писал в своем отчете: «Могу привести пример, когда учитель кочевой школы проживал в стойбище кулака около года, хозяин стойбища продолжал производить впечатление просто доброго старика, не отказывающего никому в мясе и готового забить оленя для кого угодно по первой его просьбе»[3]. В конце своего отчета Лобода характеризует такое поведение хозяина как «кулацкую маскировку».

Даже стоявший на классовых позициях К.Я.Лукс отмечал, что «во всяком случае, такое мнение, что у туземцев классового расслоения нет, - высказанное или невысказанное, имеется у многих, если не у большинства

---

[1] ЦГАОР. Ф. 3316, оп. 22, д. 25, л. 112 об.

[2] ЦГАОР. Ф. 3977, оп. 1, д. 674, л. 182.

[3] ГАМО. Ф. 85, оп. 1, д. 7, л. 7 об.

руководителей наших учреждений и организаций, в результате чего классовое расслоение среди туземцев остается неизученным, а если и изучается, то при помощи цифр, взятых с потолка... так как обыкновенно наши учреждения, чьими цифрами и материалами приходится пользоваться, об этом ничего не знают»[1].

Однако, выполняя политическую линию ЦК ВКП(б), в 1931 г. Далькрайком ВКП(б) принял решение о раскулачивании в ЧНО, КНО и Охотско-Эвенском округе.

В марте 1931 г. под руководством оргбюро ВКП(б) в Чукотском округе началась экспроприация «кулацких» хозяйств. К раскулачиванию было намечено 25 хозяйств, фактически репрессировали 192 хозяйства оленеводов Бельской, Танюрерской и Туманской родовых групп[2].

В ответ последовали убой оленей, угон стад в труднодоступные районы: русские отбирают оленей, с советской властью воевать надо, она власть белых.

В апреле 1931 г. на II районном съезде Советов Пенжинского района указывалось, что «кулак бедняку враг - это нужно помнить всегда. Поскольку кулак является паразитом, он ничего не делает, а пожирает труд бедняков. Улучшить свое положение бедняк может только путем вступления в колхоз»[3].

Находились коммунисты, которые говорили, что кулака на Камчатке нет, что камчатский кулак - это парень свой «в доску», что ни о какой классовой борьбе не может быть и речи. Поэтому в резолюции II Камчатской окружной партконференции в 1932 г. отмечалось, что ни на минуту нельзя забывать о классовой борьбе, что Камчатка не является каким-то уголком социализма и классовый враг здесь еще не добит.

Кроме прямых репрессий «кулака» давили экономически. В ноябре 1932 г. Корякский окрисполком принял решение об усилении налоговой политики, в котором говорилось: «Заготовки оленей у кулацких хозяйств производить по методу твердых заданий, определив ориентированную цифру... 13 000 голов по Пенжинскому и 4000 голов по Олюторскому району»[4]. Кроме этого, было решено «установить следующие начала отоваривания оленепоставок: а) кулацкие хозяйства товаров за оленей не получают; б) середняцкие отовариваются в размере 30% стоимости проданных оленей; в) бедняцкие хозяйства и колхозы - 60% стоимости»[5].

Наряду с «кулаками» к классово чуждым элементам, на которых распространялись репрессивные меры, были отнесены шаманы, бывшие торговцы и члены их семей. Эти люди практически были поставлены вне закона.

В частности, в четырех районах КНО в 1933 г. были лишены избирательных прав 244 человека.

---

[1] ЦГАОР. Ф. 3977, оп. 1, д. 674, л. 182.

[2] *Гарусов И.С.* Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917-1952 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1981. С. 80.

[3] ЦГАОР. Ф. 3977, оп. 1, д. 115, л. 218.

[4] ГАКО. Ф. 104, оп. 1, д. 13, л. 30.

[5] Там же.

Таблица 1

Категории, лишенные избирательных прав[1]

Район	Лица, использующие наемный труд	Торговцы	Служители культа	Умалишенные	Члены семей
Пенжинский	30	6	1	3	41
Карагинский	1	-	1	-	4
Олюторский	22	-		1	48
Тигильский	31	2	5	3	42
Всего:	84	8	7	7	135

Шаманы облагались твердыми заданиями наравне с кулаками. И только 20 марта 1934 г., когда уже основная часть хозяйств подверглась разорению, вышло секретное постановление Президиума ВЦИК СССР N 100, в котором говорилось, чтобы «хозяйства служителей культа... привлекались к поставкам на тех же основаниях, по тем же нормам и в те же сроки, какие установлены для крестьян-единоличников»[2].

Попытки «богатых» оленеводов вступить в колхозы путем «доброволь-ного самораскулачивания» квалифицировались как вредительство с целью развала колхоза изнутри. Официально считалось, что «организация коллективных форм хозяйствования не могла проходить без обострения классовой борьбы... кулачество тундры от тактики прямого вредительства и террора стало прибегать к хитрым методам «тихого сапа»[3]. Например, заявление «кулака» Ятыгиргина в тузсовет и РИК Олюторского района о его «добровольном» раскулачивании и вступлении в колхоз рассматривалось как прямое вредительство, «рассчитанное на получение права голоса»[4].

По своей сути подобная тактика являлась крупномасштабной политической провокацией со стороны советской власти, стремящейся таким образом подтвердить наличие ожесточенной классовой борьбы в туземном обществе и оправдать свои преступные действия мерами революционной защиты.

Развязывание классовой борьбы в национальных округах было напрямую связано еще и с тем, что организация оленеводческих совхозов и колхозов продвигалась крайне медленно.

Оленеводческий совхоз «Анадырский» не выполнял своей задачи «показательного примерного советского хозяйства». Более того, пастухи оленесовхоза не знали, что такое совхоз, и рассуждали так: «что совхоз, что кулацкое хозяйство - одно и то же»[5]. Оленеводы отказывались продавать живых оленей для организации колхозов, так как считали, что проданный олень уносит с собой счастье стада.

Поэтому не случайно, а закономерно, что основным методом работы многие руководители избрали угрозы и запугивание. «Стиль их работы - окрик и голое администрирование. Идейный принцип, которым они руково-

[1] ГАКО. Ф. 104, оп. 1, д. 13, л. 13 (все таблицы даны в соответствии с оригиналом).
[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 12, л. 60.
[3] Там же. Д. 19, л. 13.
[4] Там же.
[5] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 94.

дятся при этом, удачно сформулировал бывший секретарь ОИКа, а ныне секретарь Усть-Бельского РИКа, который любил в разговоре выражаться: «Душа вон, кишки на телефон»[1], - отмечалось на II съезде Советов Чукотки.

Несмотря на экономическую неподготовленность (о политическом аспекте вообще говорить не приходится), курс на форсирование социалистических преобразований соблюдался неукоснительно. Основанием для этого служили прямые указания ЦК ВКП(б), ВЦИК и Далькрайкома ВКП(б).

В постановлении ВЦИК от 20 апреля 1932 г. (Положение об окружных съездах Советов) говорилось, что «основными задачами Советов являются: социалистическое переустройство сельского хозяйства на основе дальнейшей коллективизации... и неуклонное проведение политики наступления на капиталистические элементы города и деревни и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации»[2].

В директивах СНК СССР по перспективному развитию народного хозяйства Крайнего Севера указывалось, что «главной задачей является переход натурального хозяйства туземных народностей на рельсы крупного социалистического хозяйства, минуя промежуточные фазы простого товарного и полукапиталистического хозяйства. Социально-экономическая реконструкция должна пойти по линии организации крупных коллективных хозяйств, коммун, а также совхозов»[3].

Крутой поворот от кооперирования и коллективизации (причем в высшей форме) был обусловлен не стремлением местных работников аппарата побыстрее построить хотя бы первобытный социализм, не «головокружением от успехов», а беспрекословным выполнением политических установок центра.

В 1928 г. И.В.Сталин подчеркивал, что все «разговоры о том, что мы будто бы отменяем НЭП, вводим продразверстку и раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходимо решительно бороться»[4]. Однако уже в ноябре 1929 г. В.М.Молотов по поручению И.В.Сталина заявил, что «в теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации - значит заниматься ненужным делом... надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе»[5]. В своем постановлении от 5 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о резком ускорении колхозного движения.

Главным направлением деятельности партии стало «насаждение совхозов и объединение мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективные хозяйства»[6]. Естественно, что политика «насаждения» колхозов и совхозов требовала резкого усиления контролирующих функций партийно-советского аппарата.

В речи 11 января 1933 г. И.В.Сталин заявил, что «партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 237.

[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 12, л. 5.

[3] Там же. Д. 7, л. 2.

[4] *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 15.

[5] *Вопросы* истории. 1963. N 5. С. 24.

[6] *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 279.

сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами... ...Переход к коллективному хозяйству как преобладающей форме хозяйства не уменьшает, а увеличивает руководящую роль коммунистов в деле подъема сельского хозяйства»[1].

Внедрение администрирования в аграрный сектор народного хозяйства, конечно, не могло не отразиться на социалистических преобразованиях.

Первая Камчатская окружная партийная конференция в январе 1930 г. определила основной формой колхозного строительства на ближайшие 2-3 года интегральную кооперацию, но уже в апреле был взят курс на создание сельхозартелей.

Руководство КНО ориентировало своих работников на 100%-ю коллективизацию уже в 1932 г. Оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа приняло решение довести в 1932-1933 гг. коллективизацию до 84%, из них 59% должны были составить хозяйства кочевников.

В 1930 г. Далькрайком ВКП(б) и Дальинтегралсоюз дали указание Чукотскому интегралу организовать за 3,5 года 38 оленеводческих колхозов с поголовьем 114 000 оленей[2]. Стремясь выполнить поставленную задачу, местные органы советской власти действовали принудительными методами.

Колхозное движение захлестнула волна беззакония. «Заместитель председателя Марковского РИКа Витус, побывав в кочевых стойбищах Чуванско-Чукотско-Яблоневского нацсоветов, своим грубым отношением резко обозлил население. После его отъезда председатель Чуванского нацсовета приехал в Чукотский нацсовет, где было устроено совещание совместно с комсомольцами, на котором было решено просить советскую власть о том, чтобы им таких дураков, как Витус, больше не присылали. Другой работник Райинтегралсоюза, инструктор по морскому зверю Перфильевский, запугивал местное население аэропланами и бомбами. Бухгалтер Зарубин дошел до того, что начал нанимать местных женщин, обещая в месяц 100 руб., которые будут приходить к нему ночью спать. Заведующий снабжением и заготовками Уэленского интегралсоюза Коричнев, четыре раза исключенный из партии, всю работу по заготовке пушнины проводил антисоветскими методами голого администрирования... он просто приказывал, что если кто принесет пушнину в факторию ДЗП, то он будет задерживать и отбирать пушнину у него бесплатно, как контрабанду... будет арестовывать и отправлять в Анадырь. Другой работник Волковой своим грубым обращением довел чукоч до того, что они просили проезжающих передать Волковому, чтобы тот к ним не приезжал, если хочет жить»[3].

В апреле 1930 г. Тигильский райисполком КНО объявил район ударным и дал указание к 1 июля 1930 г. вовлечь в колхозы 100% населения. В селах Морошечное, Саночное, Хайрюзово были организованы коммуны. Аналогичные процессы происходили и в Охотско-Эвенском округе.

---

[1] *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 222, 223.

[2] *Гарусов И.С.* Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917-1952 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1981. С. 76.

[3] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 167, 168, 172.

При организации колхозов (а тем более коммун) обобществлялись не только основные средства производства, но и жилые дома, предметы домашнего обихода, ездовые собаки и т.д.

Среди многих партийных и советских работников по этому поводу бытовало такое мнение, что «чукчи живут первобытным коммунизмом и у них нет понятия собственности. Поэтому мы должны стада обобществлять, а не создавать никому не нужных товариществ по совместному выпасу, это только тормозит коллективизацию»[1].

В результате такой политики упадок сельского и промыслового хозяйства достиг катастрофических размеров. Проведенное в 1934 г. обследование материального положения колхозников в Корякском округе установило, что «состояние батрацко-бедняцких хозяйств граничит с полным обнищанием»[2]. В ряде районов свирепствовала цинга. Только с декабря 1933 г. по май 1934 г. в селах Каменка, Ловать, Микино, Арночка, Таловка Пенжинского района умерли 270 человек[3].

В Тигильском районе «вплоть до 1933 г. продолжали проводить сплошную коллективизацию. При этом не учитывались особенности национального района и лепили северные смешанные артели и даже коммуны... Обобществляли весь скот, рыболовный инвентарь, охотничий инвентарь (ружья, капканы, собак ездовых и охотничьих), все оленепоголовье и в некоторых случаях даже дома»[4]. Такая ситуация была характерна и для других районов.

В ответ ширилась волна возмущения произволом советской власти, которое выражалось в усилении уже традиционных форм сопротивления - в забое оленей, угоне стад, бегстве целыми семьями в глубинку и т.д. Кроме этого, зимой 1933/34 г. население Пенжинского, Тигильского и Чукотского районов активно бойкотировало перевыборы в тузсоветы. «В Шайбовейском тузсовете Пенжинского района кулак Оньк, оказавшийся даже председателем колхоза, открыто агитирует... за непереизбрание Совета: «Наш существующий Совет хорош». - То же происходит по Паль-Пальскому тузсовету в селе Лесная и др.»[5]. Шаман Тамени в Чукотском районе призывал чукчей русские законы слушать, но не выполнять.

В отчете II Корякской экспедиции ДВ КРАЙЗО, в частности, отмечалось: «Кулаки района (Тигильского) под руководством кулаков с. Тигиль (в прошлом казаки) готовили вооруженное нападение на руководителей советских и партийных организаций под лозунгом «Камчатку для камчадалов». Благодаря бдительности органов ГПУ все главари подготовлявшегося восстания были своевременно изолированы»[6].

Об усилении сопротивления коллективизации говорит и такой факт. В ноябре 1934 г. Камчатский облисполком принял специальное постановление для Корякского и Чукотского национальных округов, содержащее

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 216.

[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 19, л. 2.

[3] Там же. Д. 20, л. 46.

[4] ГАКО. Ф. 340, оп. 1, д. 1, л. 278.

[5] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 19, л. 13.

[6] ГАКО. Ф. 240, оп. 1, д. 1, л. 286.

следующее: «Проверить состояние камер предварительного заключения... ...В случае отсутствия камер отвести и оборудовать соответствующие помещения в месячный срок»[1].

Развал сельского и промыслового хозяйства, вызванный коллективизацией, и усиление антисоветских настроений среди населения связывали только с активизацией шаманства и кулачества. «Кулак пролез в ряде сельсоветов в колхозы и там повел свою работу. Из-за кулацкой антиколхозной агитации особо сильно пострадали отрасли сельского хозяйства: животноводство, оленеводство и собаководство»[2].

Упадок в этих отраслях был действительно впечатляющий, но истинные его причины и размеры стали известны только в 1934-1935 гг., когда даже самым твердолобым борцам за социализм стало ясно - наступил полный экономический крах. 10 мая 1934 г. СНК СССР совместно с СНК РСФСР принял специальное постановление «О работе Корякского окрисполкома ДВ края».

Наряду с констатацией развала сельского хозяйства округа в постановлении также отмечалось, что «одной из основных причин Президиум ВЦИК считает отсутствие внимания к организационно-хозяйственному укреплению колхозов и перескакивание через простейшие формы производственного кооперирования (товарищества) к организации артелей смешанного типа (рыболовецких и оленеводческих), взимание налогов натурой (оленями) и безвозмездное изъятие оленей у бедняцко-середняцких хозяйств, разбазаривание фондов снабжения местного населения, разрозненность действий местных советских хозяйственных и кооперативных органов. Одной из главных причин всех этих недостатков является засоренность части руководящих кадров окружных и районных органов власти и хозяйственно-кооперативных организаций чуждыми и разложившимися элементами и совершенно неудовлетворительное руководство делом выращивания кадров из коренного населения»[3].

Из текста постановления видно, что причиной провала коллективизации были вовсе не классово чуждые элементы, с которыми предлагалось не ослаблять борьбы, а сама порочная система политического терроризма. В протоколах II Чукотского окружного съезда Советов читаем: «Мы можем в любом районе, да и в окрцентре, столкнуться с самыми разнообразными нарушениями советских законов: принудительное каюрство, принудительное выселение, лишение избирательных прав без оснований, снятие со снабжения, повышение цен и т.п.»[4].

В каждом отдельном районе, поселке, колхозе ход коллективизации увязывался «с личными качествами руководителей»[5], а не с поиском наиболее рациональных форм хозяйствования и соблюдением хотя бы действующего законодательства.

Например, в протоколе N 19 (оглашению не подлежит) от 6 октября 1932 г. «О причинах срыва в морском зверобойном промысле» говорилось: «президиум окрисполкома КНО называл преступное, граничившее с явным

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 21, л. 42.
[2] ГАКО. Ф. 340, оп. 1, д. 1, л. 286.
[3] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 21, л. 10.
[4] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 237.
[5] Там же.

вредительством отношение работников треста, выразившееся в посылке вредительского, классово чуждого состава руководителей промыслов; в приемке лжеспециалистов, отсутствии... хотя бы одного специалиста, знакомого с промыслом морзверя... систематическое пьянство на глазах рабочих, полная бесхозяйственность, отсутствие какой-либо распорядительности со стороны администрации...»[1].

Деятельность нацсоветов, связанная с вопросами коллективизации, была парализована, мнение населения никто не учитывал. На Чукотке «имело место открытое шовинистическое отношение русских работников к выдвиженцам-националам». А.Куркутский, выступая на II съезде Советов Чукотки, говорил, что «многие русские используют председателей нацсоветов в качестве каюров»[2]. В результате «население своих нацсоветов не видит... они обезличены, а вместо них видны бесконечные большие и маленькие начальники Советской власти»[3]. «В Чукотском районе имеют место проявления самой необузданной грубости и угроз по отношению к местному населению и работникам-националам»[4]. Причем «в большинстве случаев приезжающие сюда люди интересуются чем угодно, но очень мало изучают народ, его нужды, его хозяйство и ресурсы края. В силу незнания вещей люди делают грубые преступные ошибки или проваливают дело... Незнание быта народности и современной социальной структуры в 1931-1932 гг. привело к крупнейшим политическим ошибкам, люди вздумали в один мах покончить с проблемой коллективизации, и, чтобы лишить кулака влияния, которым он пользовался в тундре, местные власти решили его ликвидировать. Что из этого получилось, прекрасно видно - кулака не ликвидировали, а оленей перевели достаточно»[5] - отмечалось в докладе на II съезде Советов Чукотки.

Таблица 2

Состояние оленеводства ЧНО (1926/27-1934 гг.)[6]

Районы	1926/27 гг.	на 1/1-1932 г.	на 1/1-1934 г.	конец 1934 г.
Анадырский	-	187000	127025	132268
Марковский	-	32540	27000	28620
Чукотский	-	45000	47895	50260
Чаунский	-	50000	86253	91420
В. Тундровый	-	117500	129250	130650
Итого:	556900	432040	417423	433218

В бельгийской группе кочевников Анадырского района по переписи 1926/27 г. было 181,2 тыс. оленей, а в 1933 г. осталось всего 56,7 тыс.[7]

Статистические данные не отличались точностью, и «есть основания предполагать, что фактически оленей было еще меньше, так как в 1932-1933 гг. были зарегистрированы факты массового убоя оленей, особенно

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 13. л. 1.
[2] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 248, 251.
[3] Там же. Л. 172.
[4] Там же. Л. 170.
[5] Там же. Л. 167.
[6] Там же. Л. 205.
[7] *Гарусов И.С.* Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки. 1917-1953 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1981. С. 81.

важенок. Эта отрасль хозяйства, несмотря на ее огромное значение в экономике округа, находится за пределами какого-либо внимания со стороны партийно-советских и хозяйственных органов»[1].

Несмотря на то что в 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд постановлений, требовавших приостановления сплошной коллективизации в районах Крайнего Севера, произвол и насилие продолжались до 1934-1935 гг., а в некоторых районах Чукотки и в 1937-1939 гг.

Обратимся вновь к материалам II съезда Советов Чукотки. В докладе говорилось: «Спрашивается, изжиты ли перегибы теперь? Нет... в самое последнее время в Чукотском районе имели место грубейшие извращения в политике партии... ...Там начали переводить колхозы в коммуны, и районные руководители продолжают выдумывать свою чукотскую политику, нанося делу серьезнейший удар. Сейчас наши колхозы никакой помощи не получают, наоборот, часто им мешают работать. Резолюций и теплых слов по поводу организационно-хозяйственного укрепления колхозов произнесено очень много - работы живой нет. Про оленеводческие колхозы и говорить нечего, от них просто отмахнулись»[2].

По официальным данным, на Чукотке в 1934 г. было создано 60 колхозов, в т.ч. зверобойных - 40, рыболовецких - 7, оленеводческих - 13. «Если зверобои и рыболовы от своих объединений сразу увидели практическую пользу, то оленеводы на первых порах видели только бесхозяйственность, потери, ухудшение состояния животноводства»[3].

На наш взгляд, большое количество созданных колхозов не отражает истинного положения дел. Колхозы были в основном «бумажные». Например, колхоз на Земле Гека Анадырского района состоял из 7 семейств и имел всего 130 оленей. На покупку оленей он получил 3500 руб. «Оленей купили, всех съели. Получили сахар, чай, табак и т.д., съели и покурили... ...Продать весь этот колхоз, и не хватит рассчитаться с кооперацией за полученную ссуду. Вот почему мы правы, когда утверждали, что фактически оленеводческих колхозов не было»[4], - говорил на I съезде Советов Чукотки секретарь оргбюро Далькрайкома ВКП(б) М.Целоусов. «Если до сих пор утверждали многие, что туземная беднота и батрачество... не могут понять советской власти, то это только потому, что советской власти на Чукотке не было»[5].

В процессе коллективизации серьезным деформациям подверглось кооперативное движение, стоявшее у истоков социалистических преобразований и доказавшее свою эффективность в конце 20-х гг. Интегральная кооперация утратила свою самостоятельность и предприимчивость, превратилась в придаток государственных структур, став частью распределительной системы. Отсюда зависимость, пассивность и безразличие.

«Люди привыкли работать вслепую, без плана... да и без ответственности, благо что можно напустить туману насчет своеобразных северных

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 205.

[2] Там же. Л. 218.

[3] Там же. Л. 206.

[4] Там же. Л. 94.

[5] Там же. Л. 93.

трудностей. Какой ни взять интеграл - ужас сплошной, сидят по уши в долгах, платежи государству просрочены на год и более, но в интегралах даже не известно, кому какие ссуды давались.

Торговля доведена до бессмыслицы, когда без записки в магазин войти нельзя... пичкают принудительным ассортиментом, завалом или, что еще хуже, оставляют целые участки тундры без товаров и продовольствия.

А как обстоит дело с организацией производства? Здесь положение еще хуже. Мы имели десятки рыболовецких, зверобойных и оленеводческих колхозов. Они предоставлены сами себе, и никто ими до сих пор не занимается. ...Можно прямо, со всей ответственностью сказать, что кооператоры наши дела не знают и поэтому многие дела у них из рук валятся»[1].

Развал кооперации явился прямым следствием ее огосударствления. Материально-техническое снабжение колхозов, зависимое от централизованных поставок, резко ухудшилось. Промысловый флот колхозов Чукотки, занятых морским зверобойным промыслом, в 1935 г. состоял на 74,2% из байдар и на 24,8% из вельботов постройки 1909-1914 гг. и находился в крайне изношенном состоянии.

Таблица 3

Промысловый флот колхозов ЧНО в 1934 г.[2]

Район	вельбот	байдара	шхуна	кавасаки
Чукотский	96	253	3	1
Анадырский	16	50	-	-
Чаунский	-	28	-	-
Всего по округу	112	331	3	1

Из 2700 хозяйств округа 1237 (45,7%) занимались морским зверобойным промыслом, в т.ч. 678 хозяйств (46,7%) были объединены в 10 артелей и 25 товариществ.

Рыболовство было сосредоточено в Анадырском районе. В округе работали 2 рыбоконсервных завода (один в Анадыре, другой в Майно-Пыльгино), 5 рыболовецких колхозов входили в систему ДИС. Все мясо морзверя шло в пищу населения.

Таблица 4

Добыча моржа в ЧНО (гол.)[3]

Показатели	1931	1932	1933	1934	1935
Убито	5500	5570	6420	7860	8000
Использовано	3850	3900	4500	5500	5600
Утонуло	1650	1670	1920	2360	2400

Из-за несовершенства орудий лова из 33 350 добытых за 5 лет моржей было потеряно 10 000.

«В течение ряда лет вопрос о реконструкции, техническом перевооружении промыслов ставился перед многими краевыми и центральными

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л .220, 221.

[2] Там же. Л. 202.

[3] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 3, л. 199.

организациями, но до сих пор все наши требования остаются безрезультатными»[1].

Исключительно плохо были оснащены охотники-промысловики. В результате в 1931-1932 гг. добыча пушнины резко упала. Кроме нехватки ружей, патронов, капканов на развитие пушного промысла повлияли сокращение товарооборота, недостаток товаров, замена свободной торговли продуктообменом, обобществление охотугодий и их обезличка, уравниловка в распределении доходов, замена экономических стимулов администрированием. «Районные руководители скакали во весь опор от стойбища к стойбищу с угрозами и голым нажимом»[2]. Однако это не давало эффекта, и «целые бригады охотников... пролеживали неделями и месяцами в землянках в полном бездействии, не проверяли даже поставленных капканов»[3].

Выступивший на II съезде Советов Чукотки секретарь ОК ВКП(б) Коршунов говорил, что «буквально никто не занимается вопросами организации охотников»[4].

Наряду с оленеводством, морским и пушным промыслом серьезно было подорвано и собаководство - одна из важнейших отраслей жизнеобеспечения населения.

С 1926 по 1933 г. количество ездовых собак в ЧНО сократилось с 9904 до 5500 (55,6% к 1926 г.)[5]. Причины такого резкого упадка собаководства были следующие:

владелец ездовых собак перестал быть их хозяином;

принудительное каюрство с оплатой по твердым ценам устраняло всякую материальную заинтересованность;

продажа собак запрещалась, нарты отбирались;

передача собак из рук в руки и их обезличка сделали невозможными правильный уход за животными и их селекцию;

введение твердых заданий на лов рыбы не давало возможности заготавливать корм для собак.

В результате бескормицы зимой 1932/33 г. и эпидемии чумы, вызванной плохим уходом, произошел массовый падеж собак.

Развал хозяйств, ликвидация свободной торговли и огосударствление кооперации нанесли серьезный ущерб материальному положению коренного населения. Делегат II съезда Советов Чукотки Пананто сказал в своем выступлении: «Сейчас все бедняки радуются Советской власти, но оленесовхоз взял у наших людей 100 оленей, а денег не уплатил. Сейчас во всей тундре бедняки не имеют денег и товары покупать не могут (!)»[6]. Нарсудья Ткаченко отметил, что «состояние домов и комнат туземцев отвратительное... кругом антисанитарное состояние»[7].

Несмотря на явную катастрофу в народном хозяйстве, руководство ЧНО было полно «нового» оптимизма и не сомневалось в правильности

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 203.
[2] Там же. Л. 189.
[3] Там же. Л. 190.
[4] Там же. Л. 189.
[5] Там же. Л. 286.
[6] Там же. Л. 241.
[7] Там же.

выбранного пути, что явствует из резолюции II съезда Советов Чукотки: «Под руководством нашего вождя т. Сталина наши Советы, колхозы и совхозы, наши колхозники двинут вперед дело животноводства на Севере так, что план восстановления животноводства в два ближайших года будет не только выполнен, но и перевыполнен. Да здравствует ЦК ВКП(б) и наш мудрый учитель и вождь т. Сталин»[1].

Провал первого этапа коллективизации на Чукотке можно было бы, как обычно, объяснить отдельными просчетами и ошибками, допущенными в отдельных районах, отдельными работниками, однако подобная ситуация сложилась и в КНО, и в Охотско-Эвенском округе.

На состоявшемся 10-14 апреля 1934 г. III пленуме окрисполкома КНО отмечалось резкое ухудшение дел в сельском и промысловом хозяйстве округа за период сплошной коллективизации. Развал хозяйства произошел в результате «грубейших нарушений и искривлений политики партии и правительства... выразившейся в перескакивании простейших форм кооперативно-колхозного строительства (производственные товарищества) к высшим формам смешанных артелей и ставке на ликвидацию кулачества... в распространении самообложения на середняка, проведении принудительных закупок оленей для совхозов, затронувших интересы бедняка и середняка, которые в большинстве были лишены экономической базы дальнейшего роста их хозяйств»[2]. Заместитель председателя ОИКа Нилов, выступая на пленуме, говорил, что «имеющиеся факты искривления коллективизации имеют огромнейшие отрицательные результаты на всех видах хозяйственных показателей округа»[3].

В Корякском округе, как и на Чукотке, и в Охотско-Эвенском округе, в период коллективизации отмечались «неоднократные случаи нарушения революционной законности, в основном при закупке оленей, когда у бедняка из 5 оленей брали два, а в Куюлвоямский тузсовет приезжали такие работники, которые только запугивали туземцев ружьями, оленей забирали, а денег не платили»[4].

Основной ущерб был нанесен оленеводству. «За период зима 1931/32 г. - зима 1932/33 г. только по трем тузсоветам Пенжинского района (села Куюлвоям, Пал-Пал, Ассавейм) поголовье кулацких стад, за вычетом закупленных оленей в совхозы и изъятых по самообложению, уменьшилось на 70%»[5].

Такое уменьшение оленепоголовья в «кулацких» стадах (учитывая, что их удельный вес составлял 35-40% и более) оказало свое влияние на общее положение дел в оленеводстве.

Массовое обобществление оленепоголовья на базе раскулачивания привело к его стремительному падению в единоличном секторе, которое не компенсировалось ростом колхозных и совхозных стад.

---

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 292.

[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 14.

[3] Там же. Л. 28.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 14.

Таблица 5

Состояние оленеводства в КНО (1926-1933 гг.)[1]

Категории хоз-в	1926/27	1931	1932	1933
Всего по округу (гол.)	249300	172745	142578	119146
В совхозах	-	1444	26042	28952
В колхозах	-	29218	43446	43796
Единоличники	249300	142083	73090	46398
Пенжинский район	122471	112120	84000	63278
совхозы	-	-	17450	19599
колхозы	-	1000	8000	9000
единоличники	122471	111120	58550	34679
Олюторский район	83582	28458	26513	26105
совхозы	-	1094	8120	8953
колхозы	-	1597	7529	9088
единоличники	83528	25767	10864	8064
Тигильский район	41258	27687	27235	24398
совхозы	-	-	-	-
колхозы	-	17641	24546	21803
единоличники	41258	10046	2689	2595

В КНО, так же как и на Чукотке, в процессе раскулачивания образовывались большие стада, которые перегоняли в места организации колхозов. В результате олени гибли от бескормицы, травежа хищниками, терялись в тундре.

Кроме этого, бесхозность собственности стала поводом для организации многочисленных праздников. В документах окрисполкома неоднократно отмечалось, что «в оленколхозах продолжается проедание обобществленной части стада. В колхозах господствует бесхозяйственность и обезличка»[2].

Колхозники работали без оплаты и даже не знали, из каких источников производят выплату их заработка.

Не лучше было положение и в оленеводческих совхозах. В совхозе «Пенжинском» «расчет с оленеводами не производился, поэтому оленеводы считают, что олени не куплены, а равно не выплачена зарплата пастухам. Пастухи не знают, за что они работают, у кого работают»[3].

Директор Олюторского оленсовхоза Софронов говорил на III пленуме ОИКа, что «оленеводство шло у нас на самотек ... качественное состояние оленей очень низкое»[4]. Интересная деталь - на пленуме, кроме всего прочего, подчеркивалось, что «надо укомплектовывать участки совхозов переводчиками»[5].

Оленеводческие совхозы «Анадырский», «Пенжинский», «Олюторский» (организованы АКО в 1930-1931 гг., в 1931 г. переданы в Оленеводтрест, в 1933 г. вновь вошли в систему АКО) «не осуществляли своей ведущей роли в переустройстве коллективного и единоличного хозяйства»[6].

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 14.
[2] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 281.
[3] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 25.
[4] Там же. Л. 26.
[5] Там же. Л. 27.
[6] Там же. Л. 15.

По тем же причинам, что и на Чукотке, количество ездовых собак в КНО сократилось с 17 300 в 1926 г. до 9320 в 1933 г.[1], в т.ч. в Пенжинском районе на 3820 (53,2%), Тигильском на 4124 (56,5%), в Олюторском на 664 (23,3%) и в Карагинском на 370 (20,1%).

С принятием в 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников нового устава сельхозартели сплошная коллективизация в национальных округах была формально приостановлена. Раскулаченным частично возвращались уцелевшие стада и выплачивалась компенсация, подавляющее количество колхозов было вновь преобразовано в простейшие товарищества, часть их из-за массового выхода членов распускалась.

Реорганизация колхозов в национальных округах и районах носила бюрократический характер и проводилась директивными методами. Так, например, 27 августа 1935 г. президиум Корякского окрисполкома постановил «немедленно приступить к развертыванию кампании по проработке нового примерного сталинского устава сельхозартели»[2]. Сложнейшее дело в действительности превратили в кампанию. «В районах отнеслись к проработке устава, как к очередной быстро проходящей кампании... в большинстве случаев положив его под сукно»[3].

При реорганизации колхозов «уполномоченные подходили к этому делу на местах сухо-официально, зачитыванием новых уставов и только. Никакой разъяснительной работы... не проводили»[4]. А в некоторых районах «работники не имели на руках даже примерных уставов, и поэтому приходилось самим выдумывать таковые»[5].

Формально коллективные хозяйства были переведены на новый устав в 1938 г., а на практике эту работу продолжали вплоть до 1953 г.

Основной смысл нового устава заключался в попытке поднять общественное производство на основе личной заинтересованности колхозников в укреплении хозяйства.

Однако на практике сталинский устав оказался очередным обманом крестьянства. Принципы администрирования и директивные методы управления были несовместимы с демократизацией и экономической самостоятельностью. Поэтому основные положения устава никогда не выполнялись. Когда положение с сельскохозяйственным производством становилось критическим, система создавала видимость борьбы внутри себя за восстановление демократических принципов колхозного строя.

В 1937-1938 гг. впервые с начала коллективизации в колхозах прошли отчетно-выборные собрания.

Реальная польза устава заключалась в частичном восстановлении права собственности на подворное хозяйство и домашний скот. Однако, получив право владеть (которое, кстати, существовало испокон веку и было отнято в период коллективизации), крестьянин не имел права распоряжаться своей собственностью. Более того, земля, пастбища, олени, собаки и прочее сразу

---

[1] ГАМО. Ф. 164, оп. 1, д. 16, л. 21.

[2] Там же. Д. 26, л. 112.

[3] *Камчатская* правда. 1935. 2 авг.

[4] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 21.

[5] ГАКО. Ф. 340, оп. 1, д. 1, л. 279.

же ставились на строгий учет и превращались в дополнительный источник прибыли, которую изымало государство путем проведения налоговой политики.

Правда, учитывая бедственное положение национальных округов ДВК, СНК СССР принял решение начиная с 1934 г. освободить население Чукотского и Корякского округов «от обязательной поставки сельхозпродукции... мясосдачи и отменить всякие твердые задания сроком на 10 лет»[1].

Некоторая стабилизация сельского и промыслового хозяйства в связи с приостановкой сплошной коллективизации была прервана начавшейся кампанией «усиления классовой борьбы» и разгрома «врагов народа». Хотя, надо сказать, затишье было относительным, поскольку классовая борьба никогда не прекращалась.

В 1935 г., выступая на XVI съезде ВЦСПС, председатель Камчатского облисполкома М.П.Мельников говорил: «Еще не сломлено сопротивление классового врага в восточной тундре и ряде других глубинных мест. Там он вместе с шаманом оказывает сопротивление социалистическому строительству, пользуясь тем, что мы еще в глубь тундры полностью не проникли»[2].

Газета «Камчатская правда» сообщала о расстреле «шпиона»: «Органами НКВД раскрыта шпионская деятельность бывшего председателя колхоза в с. Сопочная Тигильского района Усачева Г.И... ...Он установил связь с агентурой иностранного государства и занимался шпионажем. В руководстве колхозом Усачев проводил вредительскую линию на развал хозяйства. В целях лучшего сокрытия своей гнусной вредительской деятельности пробрался в ряды ВКП(б). Суд приговорил Усачева к расстрелу»[3].

В 1937 г. чукотские шаманы Тамени, Анкауге, Таюге, Хатлю были репрессированы за антисоветскую деятельность, а в 1938 г. привлечены к уголовной ответственности.

В период политического психоза коренное население подвергалось усиленной идеологической обработке. От его имени на состоявшемся в 1936 г. съезде Советов Олюторского района было принято обращение, в котором говорилось: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Наша область, в которую мы входим, носит название, связанное с воспоминанием плохой жизни империалистического угнетения малых народностей, местом ссылки лучших борцов за пролетарскую революцию. Мы обращаемся с просьбой к тебе войти ходатайством в правительство переименовать Камчатскую область твоим именем - Сталинская область»[4].

В 1937 г. в с. Палана состоялось собрание колхозников, в резолюции которого отмечалось: «Мы только начали счастливую жизнь, к которой стремились десятки лет, а эти негодяи хотели отнять земли у колхозов... Требуем, чтобы троцкисты были выловлены все до единого и преданы суду»[5].

На фоне поиска «врагов» в 1938-1940 гг. вновь началось раскулачивание, наибольших масштабов оно достигло на Чукотке. Новому раскула-

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 16.
[2] *Камчатская* правда. 1935. 24 апр.
[3] Там же. 14 июня.
[4] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 30, л. 12.
[5] *Камчатская* правда. 1937. 4 февр.

чиванию подверглись оленеводы, которые были занесены в списки «кулаков» еще в 1932-1933 гг. В 1939 г. в Восточно-Тундровом районе к числу «кулаков» было отнесено по разным оценкам до 40% населения, в Чукотском районе началась массовая конфискация оленьих пастбищ и т.д.

Классовый подход соблюдался неукоснительно. «Кулак» Пелепель, например, житель Земли Гека, за «сопротивление» колхозному пастуху Кльнеуту, угонявшему его оленей, был осужден на 5 лет лишения свободы с поражением в правах, оштрафован на 400 оленей и 200 телят и заключен в Анадырскую тюрьму[1].

Новая волна произвола, преобразований товариществ в колхозы и даже коммуны была остановлена только после прямого запрета этих действий крайкомом ВКП(б) от 31 января 1940 г.

С 1937 г. на Северо-Востоке началась планомерная работа землеустроительных экспедиций, которым отводилась важная роль в коллективизации сельского хозяйства. Однако на первых порах деятельность землеустроителей нанесла больше вреда, чем пользы.

В отчете Чукотской землеустроительной экспедиции НКЗ РСФСР в 1939 г. отмечалось, что «пьянство и азартные игры в отрядах продолжались по-старому, но никто к ответственности за это не привлечен»[2].

Начальник Чаунского отряда Котов фальсифицировал «подписные листы... представляющие из себя не пожелания населения, а филькины грамоты, поставил на утверждение нацсовета и, пользуясь темнотой местного населения, в большинстве своем не владеющего русским языком, 14/VII-1938 г. добился формального их утверждения»[3].

Помощник наркома и начальник экспедиции НКЗ РСФСР Кучаев в 1939 г. отмечал, что «игнорируя население и нацсоветы, отряд землеустроительное обследование сорвал, и составлять проект на основе разобранных выше документов будет прямым обманом и извращением землеустроительной политики Советской власти и партии»[4].

В результате идеологической войны и возобновления раскулачивания сельское хозяйство национальных округов не развивалось, а в ряде районов приходило в упадок. В КНО с 1933 г. по 1936 г. поголовье оленей сократилось с 120 479 до 99 327.

В Тигильском районе «оленеводство в 1937-1938 гг. имело значительную убыль поголовья. В 1936 г. поголовье оленей в районе составляло 29 912 голов, а в 1938 г. только 21 250 голов. Табуны товарищества им. Кирова в 1938 г. целый месяц паслись без пастухов»[5].

В решении окрисполкома N 37 от 8 февраля 1939 г. отмечалось, что «состояние коллективизации в районе неудовлетворительно... даже уставы товариществ и артелей не зарегистрированы в райисполкоме, из полученных кредитов использовали лишь 20,2%»[6].

---

[1] *Камчатская* правда. 1937. 1 июня.

[2] ГАМО. Ф. 85, оп. 1, д. 12, л. 152.

[3] Там же. Л. 164.

[4] Там же. Л. 168.

[5] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 34, л. 77.

[6] Там же.

В 1939 г. ни один район КНО не выполнил план по заготовке пушнины и мехсырья[1]. Карагинский район к десятой годовщине КНО пришел с очень низкими показателями, особенно в сельском хозяйстве[2].

Газета «Корякский большевик» писала: «А что дают наши колхозы трудящимся? Очень мало. Рыбкоопы (Паланский, Воямполский, Тигильский, Хайрюзовский) не выполняют планы децентрализованных заготовок... колхозы считают для себя «невыгодным» продавать по государственной цене продукты... в погоне за прибылью забывая об интересах государства... В надежде на завоз мы мало уделяем внимания созданию собственной продовольственной базы»[3]. Что касается роли оленеводства в обеспечении населения мясом, то «продукция оленеводства оседала в тех районах, которые занимались оленеводством, а промышленные центры, наши воинские части не получают этой продукции»[4].

Аналогичное положение было и в сельском хозяйстве Чукотки. Обследование Чаунского района в 1939 г. показало, что «пользование обобществленным инвентарем носит случайный характер... в товариществах нет не только организации труда, но и даже его учета. Постоянного совместного выпаса оленей у колхозников не существует... труд колхозников в Чаунском районе мало чем отличается от труда единоличников»[5]. В то же время официально считалось, что в районе действует 9 смешанных оленеводческих артелей (156 хозяйств), в которых было объединено 35,9% всех хозяйств, в т.ч. 79,4% оседлых, 50 полуоседлых и 25,9 кочевых.

В конце 30-х гг. опять же директивными методами стала раскручиваться кампания по переводу кочевого населения на оседлость. В 1940 г. Хабаровский крайисполком принял решение N 192, а Камчатский облисполком решение N 253 от 25 апреля 1941 г. о массовом переводе кочующего населения на оседлый образ жизни.

В 1939-1941 гг. мероприятия по принудительному оседанию проводились в колхозах Тигильского, Карагинского и Анадырского районов, однако безуспешно.

На совещании в крайкоме ВКП(б) 19 марта 1940 г. говорилось: «Мы сейчас рубим домики... нам до сих пор не прислали ни килограмма гвоздей, ни стекла, ни печных приборов. В сельхозснабе, который находится во Владивостоке (!), не знают об этом, нужно прямо сказать, что там ничего не делают»[6].

Оседающие семьи оленеводов селились в палатках и землянках.

Работа по оседанию была прервана войной и возобновилась в 1944-1945 гг.

В условиях военного времени «удалось построить около 200 домов, но хозяйства, переведенные на оседлость в 1940-1945 гг., оказались хозяйственно неустроенными и не имели основных признаков оседлости»[7].

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 37, л. 56.
[2] Там же. Д. 38, л. 172.
[3] *Корякский* большевик. 1940. 28 июня.
[4] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 64.
[5] ГАМО. Ф. 85, оп. 1, д. 7, л. 19.
[6] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 49.
[7] Там же. Д. 8, л. 173 об.

В 1945 г. вели кочевой образ жизни 3760 семей, в т.ч. в ЧНО - 2281 семья (10 699 человек), в КНО - 1471 семья (5146 человек).

Сама идея перевода кочевников на оседлый образ жизни была обоснована благими намерениями, но совершенно не соответствовала способу ведения оленеводства и укладу жизни кочевого населения. В процессе оседания в первую очередь решалась задача политическая, а не экономическая. «Следует помнить, что оседание - это один из показателей ленинско-сталинской национальной политики в действии, которая ставит в центре своего внимания ликвидацию фактического неравенства...»[1].

Важным этапом развития сельского хозяйства национальных округов стали 1941-1945 гг. Несмотря на усиление директивных методов управления, ужесточение налоговой политики, сельское и промысловое хозяйство внешне стабилизировалось и даже получило некоторое развитие.

Таблица 6

Динамика оленепоголовья в КНО (на 1/1)[2]

1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
125460	138688	133963	145462	154309

В ЧНО общее поголовье оленей за годы войны сократилось с 436 729 голов в 1940 г. до 414 016 голов в 1945 г., но в то же время резко возросло в колхозах (с 37 978 до 107 090) и в совхозах (с 13 972 до 32 504)[3].

Некоторое повышение производства в сельском и промысловом хозяйстве Северо-Востока в 1941-1945 гг. было связано не с формами организации и эффективностью социалистического сектора, а главным образом с патриотическим подъемом, энтузиазмом населения и жесткими мерами военного времени.

В 1940 г. был введен единый сельскохозяйственный налог, а с января 1941 г. - обязательные мясопоставки государству. Кроме этого, с началом войны взимался военный налог с каждой семьи: для колхозников он составлял от 270 до 360 руб., единоличники платили на 70% больше. Широкое распространение получили добровольно-принудительные (плановые) военные займы, кампании по сбору денег, продовольствия, пушнины в фонд обороны и РККА.

«Оленеводы-пастухи отдавали заработанное ими оленье мясо, охотники - пушнину, с гордостью несли на заготовительные пункты: «Это для фронта»[4].

По далеко не полным данным только население Корякского округа сдало в фонд обороны наличными 21 891, облигациями 13 127, продуктами и товарами в твердых ценах 4324 тыс. руб., а всего почти 40 млн руб. Для Советской Армии была сшита 51 тыс. экз. теплой одежды и т.д.

Мы не останавливаемся подробно на военном периоде, т.к. он достаточно освещен в работах других авторов. Отметим следующее. Важный период в жизни страны еще раз показал, что административно-командная

---

[1] *Корякский* большевик. 1940. 10 июня.
[2] ГАКО. Ф. 9041, оп. 1, д. 1, л. 2.
[3] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 523, л. 349.
[4] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 168.

система действенна и необходима только в экстремальных ситуациях, когда требуется максимальная мобилизация всех материальных и людских ресурсов для достижения единой цели. Военно-директивные методы эффективны лишь при определенных условиях и в короткий промежуток времени. Постоянное их применение ведет к перенапряжению и застою, является причиной снижения материального благосостояния народа. Например, систематическое увеличение мясопоставок и расширение колхозного сектора в годы войны привело к резкому сокращению оленепоголовья в индивидуальном хозяйстве. В Корякском округе и Быстринском районе за этот период количество оленей у единоличников сократилось на 41,5%. В 1942-1944 гг. стада колхозников уменьшились: в Тигильском районе с 26 296 до 13 824 голов, в Пенжинском с 18 617 до 11 723, в Карагинском с 5900 до 4990, в Олюторском с 14 541 до 11 733. Колхозники потеряли более одной трети своих стад.

У колхозников КНО в 1945 г. на семью приходилось по 16-19 оленей, т.е. в среднем по 4 на человека, а это уже нищета.

На Чукотке количество оленей в частном секторе сократилось с 297 947 до 160 567 голов.

В годы войны процесс огосударствления собственности протекал чрезвычайно быстро. Планомерное наступление на личную собственность продолжалось и в дальнейшем.

16 мая 1945 г. бюро Камчатского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О состоянии и мероприятиях по дальнейшему развитию оленеводства в области». Было принято решение сократить определенное уставом 1935 г. количество оленей, являющихся личной собственностью колхозников с 200 до 75 голов. В результате уже в конце 1947 г. в единоличном секторе на Чукотке оно сократилось до 122 809, а в Корякском округе до 2866 голов[1], В Корякском округе «безоленность составляла 36% к общему числу колхозников»[2]. В 1953 г. в колхозах Чукотки из 2692 хозяйств 1973 имели личных оленей[3].

В 1946-1953 гг. положение оленеводческих колхозов и совхозов не улучшилось. В докладе Корякского окрисполкома за 1947 г. отмечалось, что «в результате безразличного отношения к оленеводству... отдельные колхозы находятся исключительно в тяжелом положении»[4].

Не оправдывало себя и совхозное производство. В годы войны в Корякском округе было создано три новых оленеводческих совхоза: «Пареньский» (1941 г.), «Таловский» (1944 г.), «Соболевский» (1945 г.).

«Наши совхозы, казалось бы, должны работать лучше колхозов как высшая форма социалистического хозяйства, однако показатели совхозов выглядят хуже, чем у колхозов»[5].

В 1947 г. убытки в оленеводческих совхозах КНО составили 400 тыс. руб.[6] «Совхозы, сдающие госпоставки, были вынуждены перегонять стада

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 29, л. 74.
[2] Там же. Д. 35, л. 3.
[3] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 55, л. 23.
[4] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 173.
[5] Там же. Л. 160 об.
[6] Там же. Д. 35, л. 4.

на восточный берег округа, где навигация еще продолжается в октябре. Перегон до 2 тыс. км»[1].

Практически бездействовала созданная в период коллективизации зооветеринарная сеть. На территории Камчатской области формально имелось 2 райветлечебницы, 17 зооветучастков, 6 зооветпунктов, Камчатская областная и Чукотская межрайонная ветлаборатории. Ни одно ветучреждение не было укомплектовано специалистами. «Особенно плохо со специалистами в национальных округах. В ЧНО, КНО, Быстринском районе нет ни одного ветврача и зоотехника с высшим образованием. Снабжение медикаментами, биопрепаратами, инструментами поставлено очень плохо»[2]. В 29 ветучреждениях вместо 96 специалистов работал всего 31.

Характерно, что оленеводство в этот период не обеспечивало мясом население промышленных центров и рабочих поселков. В докладной записке о развитии народного хозяйства Корякского национального округа в 1948 г. отмечалось: «Несмотря на значительное поголовье, оленеводство округа носит потребительский характер, и его продукция идет на внутреннее потребление, главным образом для нужд коренного населения. Только совхозы дают товарную продукцию. Колхозы и совхозы не занимаются строительством коралей, забойных пунктов. Ни в одном колхозе нет племенных стад. В колхозах почти не ведется капитальное строительство»[3].

В справке «О состоянии и мерах по улучшению хозяйства и культуры в ЧНО за 1950 г.» сообщалось, что «серьезные недостатки имеются в основной отрасли хозяйства Чукотки - оленеводстве. Ведется примитивно и носит потребительский характер. Вследствие отсутствия пастбищ... неправильно выбраны для многих колхозов места для оседания»[4].

В 1950 г. в ЧНО еще имелось 264 индивидуальных хозяйства, на долю которых приходилось 38% всего оленепоголовья[5].

Во многих колхозах Чукотского и Анадырского районов оленеводство не развивалось совсем и источниками существования колхозников были промысел морского зверя и рыболовство[6].

Прошло еще несколько лет, и что же изменилось?

В 1953 г. председатель Камчатского облплана Черник в докладной записке инструктору ЦК КПСС П.Е. Сотникову писал, что «оленеводство по-прежнему носит потребительский характер. Сдаваемая совхозами продукция обычно в пункты потребления не вывозится и в значительном количестве приходит в негодность, не решены вопросы переработки оленьего мяса и его транспортировки»[7].

Только из Апукской базы облрыболовпотребсоюза ежегодно не вывозились тысячи центнеров оленьего мяса.

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 35, л. 4.

[2] Там же. Д. 29, л. 77.

[3] Там же. Д. 35, л. 4, 5.

[4] Там же. Д. 45, л. 25.

[5] Там же. Л. 25.

[6] Там же.

[7] Там же. Д. 69, л. 442.

Таблица 7

Остаток на 1/1 (в ц)[1]

1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
7180	7044	7200	8678	11880

В 1951 г. потребителям было доставлено с этой базы только 800 ц оленины, в 1952 г. - 180. За 1949-1952 гг. убытки базы достигли более 6 млн руб. Соответственно ухудшалось и финансовое положение совхозов.

В 1952 г. в КНО и Быстринском районе из 31 колхоза, занимавшегося оленеводством, и 5 совхозов только 7 колхозов и 1 совхоз выполнили свои планы. В послевоенный период оленеводство находилось в застое и не развивалось.

Таблица 8

Динамика поголовья оленей[2]

Категории хоз-в	ЧНО		КНО	
	1945	1953	1945	1953
Всего	414016	408422	169199	162286
Колхозы	107090	294176	52522	76459
Совхозы и подсобные хозяйства	32504	40478	69699	70942

«Установленная система взаиморасчетов с колхозниками за выпас личных оленей привела к искусственному увеличению доходов колхозов за счет удержания средств с колхозников за выпас личных оленей и к сокращению поголовья оленей личной собственности. Если на начало 1953 г. у колхозников ЧНО было 87 513 гол. оленей, то уже на 1 января 1954 г. осталось 79 031 гол.»[3].

Кроме этого, в 40-50-е гг. продолжалась практика насильственного обобществления личных оленей для покрытия гигантских непроизводительных отходов в колхозном секторе. Не ослаблялась и репрессивная политика в отношении единоличников. В 1951-1952 гг., например, на основании приговора военного трибунала в/ч N 01535 у пяти единоличных хозяйств было конфисковано 3860 оленей.

В ходе обследования экономического состояния колхозов и совхозов было выявлено совершенно неудовлетворительное состояние всех отраслей сельскохозяйственного производства и в первую очередь оленеводства.

В 1953 г. в колхозах ЧНО «более 16% всего поголовья оленей было потеряно, пало и затравлено хищниками. Только потери без вести составили 26 100 гол.»[4]. В колхозах «Турваургин», им. Маленкова, им. Жданова, им. 1 Ревкома Чукотки, им. Ленина и др. резко снизилась эффективность общественного оленеводства.

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69, л. 443.

[2] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 523, л. 349; ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69, л. 138; ГАКО. Ф. 64, оп. 1, д. 43, л. 177.

[3] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 8, л. 16.

[4] Там же. Л. 14.

В решении N 293 от 5 августа 1954 г. Магаданского облисполкома отмечались «...слабый рост общественного хозяйства многих колхозов, неудовлетворительное трудовое участие колхозников в общественном производстве»[1].

Аналогичное положение было и в колхозах Корякского округа, где ежегодно «...около 35% трудоспособных колхозников не вырабатывали минимума трудодней»[2].

Несмотря на принятое в 1946 г. постановление о ликвидации нарушений устава сельхозартели, в организации производства и соблюдении демократических норм колхозной жизни практически ничего не изменилось. В справке «Об итогах хозяйственной и финансовой деятельности колхозов области за 1953 г.» сообщалось, что «во многих колхозах, особенно в колхозах ЧНО, допущены грубые нарушения устава сельхозартели и демократических прав колхозников»[3]. Общие собрания колхозников не проводились, отсутствовал учет труда, а оплата производилась от случая к случаю.

В среднем на трудодень начислялось 20-30 руб., «а фактически колхозники получали значительно меньше, т.к. большая часть денег была зачтена им в цене потребленного мяса и мехсырья. Многие колхозы мало или совсем не выдавали мяса и другой продукции на трудодень»[4]. В 1953 г. в колхозах ЧНО на один трудодень в среднем выдавали 1,16 кг мяса и 370 г рыбы.

Уровень жизни колхозников был очень низким и фактически зависел от их собственного натурального хозяйства. В ЧНО 2315 колхозных семей, переведенных на оседлость, не имели домов и жили в ярангах и землянках. Во многих национальных селах не было пекарен, бань, бытовых учреждений и т.д.[5]

В 1950 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) А.Н.Ефимов докладывал председателю СМ СССР Булганину, что «все население Корякского округа переведено на оседлый образ жизни»[6].

Но что это была за оседлость?

«В безлесых районах округа (Олюторский, Карагинский), а также южной части Пенжинского района около 600 семей местной национальности жили в землянках»[7].

В 1950 г. в Олюторский и Карагинский районы было доставлено 90 стандартных домов для колхозников, а в 1952 г. на III сессии Корякского окрисполкома в связи с этим отмечалось, что их «строительство идет крайне медленно. Плохо работают отделы сельского хозяйства и колхозного строительства как при окрисполкоме, так и в районах... ...План строительства по оседанию из года в год остается невыполненным»[8].

«Материальное обеспечение колхозников в национальных селах Кохтане, Ковране и др. практически отсутствовало. Домашняя обстановка бедна.

---

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 8, л. 14.
[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 35, л. 7.
[3] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 8, л. 16.
[4] Там же.
[5] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 45, л. 25.
[6] Там же. Л. 92.
[7] Там же. Л. 95.
[8] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 45, л. 32.

Мебели в домах за исключением топчанов нет. Постелью служат оленьи шкуры. Села, по существу, разрушаются. Об ухудшении материального положения колхозников свидетельствует и тот факт, что за последние годы значительно сократилось поголовье оленей в личной собственности. За последние 10 лет ни один колхозник этих сел не построил ни одного дома»[1].

Не лучше было положение и в совхозах - «...те же юрты и землянки, в которых живут по 4-5 семей. Туберкулез, трахома, накожные заболевания - постоянные спутники в пастушечьих бригадах. Медицинская помощь оленеводам, находящимся в бригадах, совершенно не оказывается»[2].

В 1948-1955 гг. на Северо-Востоке работало несколько комплексных экспедиций крайздравотдела и Минздрава РСФСР, материалы которых полностью опровергали благополучные реляции о полном успехе в деле социалистического переустройства хозяйства и быта коренных жителей Севера.

Начальник экспедиции Минздрава РСФСР И.Ю.Ласков писал в своем отчете: «Села Чукотского района находятся в абсолютно антисанитарном состоянии... Позорный процент детской смертности... доходящий в ряде кочевых пунктов до 52,9%... является основным фактором, который может непосредственно угрожать вымиранию чукотского населения.

Как правило, дети сразу помещаются в оленьи мешки с подложенным мхом или травой. Дети не купаются длительное время. Мы встретили в оленеводческой бригаде N 3 колхоза им. Ленина с. Лорино ребенка 6 месяцев, который ни разу не мылся... был покрыт весь твердыми корками. Такую же картину мы наблюдали во многих селах - в Инчоуне, Яндракиноте и др. Большинство коренного населения находится в состоянии хронически текущего первичного туберкулеза. Значительно распространено заболевание сифилисом среди населения сел Наукан, Уэлен, Ингиун, Журмино, Яндракинот. Вступлению в брак близких родственников... население не придает значения, легкость взглядов на половую жизнь.

Экспедиция вскрыла крайне неблагополучное положение с обслуживанием местного коренного населения... Сельские советы, партийные организации и правления колхозов... равнодушно, по-казенному относятся к нуждам медицинских работников... Органы здравоохранения продолжают работать скверно»[3].

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что проводимая десятилетиями политика социально-экономического развития народов Севера в рамках социалистического способа производства потерпела неудачу.

Решив политическую задачу по форме, административно-командная система потерпела экономическое поражение по содержанию.

В 1953 г. коллективизация в национальных округах была завершена. В социалистический сектор сельского хозяйства Чукотки вошли 66 колхозов и товариществ и один оленеводческий совхоз; в Корякском округе было создано 46 колхозов, в т.ч. 35 рыболовецких и 6 оленеводческих совхозов.

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 35, л. 5, 6.

[2] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 54, л. 80.

[3] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 4, л. 129, 136, 141-143, 148.

Однако эффективность колхозно-совхозной системы оказалась крайне низкой и высокозатратной.

Преобразование первобытнообщинных отношений в социалистические методами грубого администрирования и прямого террора нанесли серьезный ущерб экономике и культуре народов Севера.

Развитие экономики политическими методами формировало целый комплекс предпосылок длительного кризиса народного хозяйства в национальных округах Северо-Востока.

1.3. Рыболовецкие колхозы Камчатки и Чукотки в период коллективизации

Первые простейшие объединения по лову рыбы и добыче морского зверя возникли на Камчатке, Чукотке и Охотском побережье в середине 20-х гг.

Для оседлого населения Карагинского, Тигильского, Пенжинского, Олюторского, Анадырского, Чукотского районов рыболовство издавна являлось основным занятием и источником доходов. В 1927 г., например, 57% оседлых коряков занимались рыболовством, носившим потребительский характер.

Главным поставщиком товарной рыбной продукции до социалистических преобразований были иностранные фирмы, захватившие все основные промыслы Камчатки. В 1923 г. в прибрежных водах Камчатки вели лов рыбы 298 японских и только 8 русских судов и шхун. Из 27 кон-сервных заводов 26 принадлежали японцам.

Занимаясь безжалостным грабежом морских и речных рыбных ресурсов Камчатки, японцы только в 1924-1926 гг. ежегодно вывозили рыбопродуктов на 25-30 млн руб., большая часть которых экспортировали в Англию, Америку, Китай[1]. Захватив в устьях нерестовых рек 490 рыболовных участков из 526, они почти полностью перекрыли ход рыбы в глубь полуострова, что серьезно повлияло на состояние хозяйств местного населения.

В 1928 г. благодаря введению концессий и развитию советской рыбной промышленности удалось взять рыбные промыслы под контроль государства, но засилие японцев (даже на промыслах АКО они составляли 53,6%)[2] оставалось.

Создание государственного сектора в рыбной промышленности сыграло большую роль в развитии экономики северо-восточного региона.

В 1927 г. в Усть-Камчатске начал свою деятельность мощный рыбоконсервный завод, давший экспортной продукции на 3 млн руб. В дальнейшем были созданы Авачинский, Жупановский, Усть-Камчатский, Шубертовский, Анапкинский, Оссорский, Карагинский, Макарьевский, Русаковский, Хайлюлинский и другие рыбокомбинаты.

---

[1] *История* СССР. 1968. N 3. С. 112, 119.

[2] *Большаков М.* Камчатская область. М.; Л., 1936. С. 118.

К 1933 г. все частные промыслы, за исключением концессионных, ликвидировали, а на добычу и обработку рыбопродукции была установлена государственная монополия. В 1935 г. на Камчатке работало 19 рыбокомбинатов и 16 заводов, но качество их продукции было низким[1].

Параллельно с созданием государственного сектора среди населения разворачивалось и производственное кооперирование. В национальных районах основу простейшего производственного кооперирования составляли промысловые группы охотников на морского зверя и байдарные артели. В 1927 г. в Ольском районе пять единоличных хозяйств организовали рыболовецкую артель «Долой частника».

Первые промысловые артели формировались при кооперативах на договорной арендной основе и имели сезонный характер, но уже в 1928 г. в селах Нутепельмен, Чаплино, Сиреники создаются постоянные объединения на принципах производственных товариществ.

На Камчатке в 1927 г. было организовано 25 рыболовецких артелей.

В национальных округах и районах коллективизация в морском и рыболовном промыслах проводилась все теми же директивными методами, но протекала более спокойно и была завершена в короткие сроки.

Компактность проживания оседлого населения, хроническая бедность и зависимость от средств производства, находящихся в руках государственных организаций, способствовали быстрому объединению коренного населения в простейшие производственные артели.

Наряду с рыболовством и морским промыслом коренное население занималось оленеводством, охотой на пушного зверя, извозом, а в некоторых колхозах КНО и Быстринского района - животноводством и огородничеством.

Продукция пушного промысла, имевшая высокую товарность, была на втором месте после рыболовства.

В центральных районах Камчатки, где колхозы формировались за счет переселенцев, основное внимание уделялось добыче товарной рыбы, а земледелие и молочное животноводство были подсобными.

Особенность коллективизации в морском и рыболовном промыслах заключалась в том, что с момента своего образования рыболовецкие колхозы сразу же попадали в полную экономическую зависимость от государственных рыбопромышленных монополий.

Дальрыбаксоюз, АКО, Облинтегралсоюз, Дальрыба были обязаны оказывать необходимую помощь рыболовецким колхозам. Согласно Положению о секторе рыболовецких колхозов АКО предписывалось кроме совместной с колхозами разработки организационных и правовых вопросов и контроля за их выполнением «максимально способствовать улучшению материально-технической базы колхозов и развитию их социальной сферы»[2].

На деле же государственные рыбопромысловые организации, преследуя узковедомственные интересы, не выполняли своих функций, а стремились превратить колхозный лов в дешевый источник рыбопродукции.

---

[1] *Камчатская* правда. 1935. 24 апр.

[2] ГАКО. Ф. 106, оп. 1, д. 500, л. 53.

В протоколе N 19 от 6 октября 1932 г. Корякского окрисполкома отмечалось, что в Пенжинском районе, «забрасывая рабочих на промыслы с расчетом оставления их на зимовку, не обеспечили промыслы плавсредствами, пригодными для лова лососевых; не забросили стройматериалов, необходимых для жилищного строительства, не обеспечили рабочих продуктами питания и теплой одеждой»[1]. За срыв путины 1932 г. руководящий состав Пенжинских промыслов был привлечен к суду.

«Государственный социалистический сектор, заботясь о выполнении только лишь своих промфинпланов, абсолютно не интересовался и не помогал колхозному сектору»[2]. На рыбных промыслах обычным явлением были захват колхозных водоемов, навязывание кабальных договоров колхозам при сдаче ими сырца госпромышленности, плохое обеспечение колхозной путины катерами и безмоторными плавсредствами. Рыболовецкие колхозы неоднократно попадали в трудное экономическое положение из-за того, что бригады АКО вели хищнический лов рыбы в устьях рек и даже на нерестилищах.

На III пленуме Корякского ОИКа в 1934 г. одной из причин бедственного положения рыболовецких колхозов назывался «факт полнейшей несогласованности в работе с колхозной системой по вопросам поднятия и развития отсталого колхозного промысла, противопоставлением колхозу развитой техники лова не для примера и освоения колхозами... практики госпромыслов, а для защиты собственных ведомственных интересов, для обеспечения плана при помощи ограничения лова колхозника»[3]. Председатель Пенжинского РИСа Смирнов говорил на пленуме, что «если посмотреть, с чем колхозы ежегодно выходили на рыбную путину, так и смотреть жалко. Как протекало руководство колхозами со стороны РИКа и РИСа? Здесь нужно прямо сказать, что это было не руководство, а голое администрирование»[4]. Секретарь Карагинского РК ВЛКСМ Гуторов сообщал, что «на участках, где в основном проводилась рыбная путина, соли не было, погиб такой ценный продукт, как икра. На... обращения к... АКО последние тоже помощи не оказали»[5].

Вместо помощи в колхозы присылали уполномоченных, которые действовали методами грубого администрирования. Типичной была ситуация, о которой говорила на пленуме делегат от Олюторского района КНО Янглав Анна: «РИК всегда ругает артель, что не выполняем планы, но РИК и РИС никогда не интересуются, что есть в колхозе. Уполномоченный, присылавшийся к нам на путину, не считается ни с тузсоветом, ни с колхозом»[6].

В Большерецком районе в рыболовецких колхозах «с планированием свистопляска, фактически имеются два плана: план утвержденный Дальинтегралсоюзом, и план АКО; люди не знают, чем руководствоваться. В

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 13, л. 1.
[2] Там же. Д. 22, л. 23.
[3] Там же. Л. 6, 8.
[4] Там же. Л. 22.
[5] Там же. Л. 21.
[6] Там же. Л. 20.

плохом состоянии плавсредства, кунгасы завоза 1929 г. Моторы старые, ремонт кустарный, запчастей нет. Нет керосина, бензина. У колхозников почти совершенно нет спецодежды, нет дождевиков, сапог, теплых курток»[1].

Плохо обстояло дело и с обеспечением колхозных промыслов товарами первой необходимости. В Пенжинском и Тигильском районах в 1936 г. отмечался «крайне недостаточный завоз северного ассортимента и отсутствие внимания со стороны снабженческих организаций (палатки, складные печки, койки, столы). За целый ряд лет не завезли ни одного из указанных предметов»[2].

На I пленуме Восточно-Камчатского рыбаксоюза, состоявшемся 2-3 декабря 1938 г., говорилось: «В отношении снабжения колхозов продуктами питания никакого обслуживания нет»[3].

Кроме этого, в рыболовецких колхозах практически отсутствовал учет труда, нарушались сроки оплаты выловленной рыбы. «Директора рыбокомбинатов отказывались платить колхозам за сданную продукцию... ...Возник долг АКО рыболовецким колхозам. Трем колхозам Пенжинского района КНО АКО было должно 165 000 руб. за 1935-1936 гг.»[4].

Такое отношение к рыболовецким колхозам рождало ответную реакцию. В 1934-1935 гг. на Камчатке происходил массовый выход из колхозов. В Тигильском районе, например, отмечался «факт организационного развала рыбартелей, определивший массовый выход... перед путиной»[5].

В 1934 г. на Камчатке и Чукотке было создано 96 рыболовецких и морзверобойных колхозов, но их экономическое и организационное положение оставляло желать лучшего.

Таблица 9

Колхозы ЧНО в 1934 г.

Районы	Зверобойные			Рыболовецкие		
	кол-во	хозяйств	человек	кол-во	хозяйств	человек
Анадырский	7	73	365	5	102	385
Марковский	-	-	-	2	81	431
Чукотский	24	429	2465	-	-	-
Чаунский	9	103	380	-	-	-
В. Тундровый	-	-	-	-	-	-
Всего:	40	605	3210	7	183	816

«Все рыболовецкое и почти все зверобойное население коллективизировано»[6], - отмечалось на II съезде Советов Чукотки.

Положение рыболовецких колхозов несколько улучшилось с принятием в 1935 г. нового устава рыболовецкой артели. Однако взаимоотношения с государственным сектором оставались на прежнем уровне.

[1] *Камчатская* правда. 1935. 8 июня.
[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 26, л. 98.
[3] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 2, л. 83.
[4] *Камчатская* правда. 1937. 15 авг.
[5] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 22, л. 6.
[6] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 214.

Комбинаты АКО хронически не выполняли договорные обязательства по обеспечению колхозов плавсредствами, бочкотарой, солью и, самое главное, по приемке рыбопродукции. «Колхозные рыбаки были вынуждены возить рыбу на карбасах по 300-400 шт. за 10-14 км на веслах. Заказы колхозов срывались. За 1937-1940 гг. в колхозы не было завезено ни одного кунгаса и катера»[1].

Особенно тяжелым было положение на Чукотке.

Таблица 10

Материальная база колхозов и комбината АКО Анадырского промыслового района[2]

	Катера	Кунгасы	Невода	Карбасы	Чаны
Комбинат АКО	10	48	48	-	410
колхозы*	1	18	5	7	-
Добыча рыбы (ц)	1938 г.	1939 г.	1940 г.		
Всего	61025	70572	61040		
в т.ч. колхозы	15915	20794	17070		

* 6 колхозов - 400 трудоспособных.

Для выполнения плана ежегодно приглашали с материка 700-900 человек.

Вместо развития колхозного промысла АКО предпочитало завозить на время путины дешевую сезонную рабочую силу с материка. Только с 1930 г. по 1932 г. на промыслы АКО приехало (с обратной доставкой на материк) 3825 человек. И в дальнейшем на Камчатку ежегодно прибывали до 15 000 сезонных рабочих, но только единицы оседали в колхозах. В 1935 г. А.Микоян потребовал «прекратить текучесть кадров, особенно на Камчатке, закрепить кадры, перейти от сезонности к оседлости»[3].

На рыбных промыслах колхозники и сезонные рабочие жили в крайне тяжелых условиях: в землянках, сараях, порой им приходилось обустраиваться буквально на голом месте: не было ни стройматериалов, ни питания.

Для государственных рыбопромышленных организаций основным показателем их работы была добыча рыбы, а человек - «винтик системы» - рассматривался как средство производства, причем очень дешевое.

Газета «Камчатская правда» писала: «На завоз рабочих с западного берега были направлены исключительно грузовые пароходы, совершенно не приспособленные для перевозки пассажиров. «Шатурстрой» повез людей, как говорили на самом пароходе, «навалом». Люди были размещены в трюме прямо на голом железе. Не было устроено нар, не было организовано горячей пищи. Не было даже уборных. Железные стены трюмов отпотевали, вода сочилась по стенкам, скапливалась на дне и во время качки окатывала людей. На пароходе находилось до 1000 человек рабочих, женщин и детей»[4].

Несмотря на подобные «издержки», завоз сезонников был гораздо выгоднее для ведомств, чем развитие материальной базы колхозов и их социальной сферы.

[1] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 40, л. 12.
[2] Там же. Л. 12.
[3] *Камчатская* правда. 1935. 9 авг.
[4] Там же. 11 янв.

Переселенческая программа выполнялась крайне плохо. За 1939-1947 гг. из 739 переселенческих хозяйств выбыли за пределы области 683 хозяйства, в т.ч. 502 из рыболовецких колхозов и системы Главкамчатрыбпрома. Переселение и оседание происходило непланово, без соответствующей подготовки и учета возможностей обеспечения людей нормальными условиями жизни. В 1939-1947 гг. построили всего 467 домов[1], а переселенцев насчитывалось 3023 человека. В 1946 г. из 127 хозяйств, переселенных в рыболовецкие колхозы, получили жилье (бараки) 105, а в системе Главкамчатрыбпрома из 1020 хозяйств только 22[2].

Срыв переселенческой программы объяснялся многими причинами: нехваткой стройматериалов, финансовыми трудностями и т.д., но главная - безразличное отношение к переселенцам представителей органов советской власти, бездумно выполнявших директивы, а также ведомственная разобщенность.

Кстати, попадая в тяжелые условия и не имея средств на обратную дорогу, переселенцы были вынуждены вливаться в общественное производство как минимум на год.

В предвоенные годы вопиющую бесхозяйственность нежизнеспособной системы списывали на деятельность противников социализма. «Враги народа всеми средствами старались задушить становление Камчатки, не допустить оседания кадров. Подлая рука коснулась и рыболовецких колхозов, пытаясь сорвать их организационно-хозяйственное укрепление»[3].

Оргбюро Камчатского рыбакколхозсоюза в протоколе от 21 января 1937 г. констатировало «засоренность ряда колхозов антисоветскими элементами - врагами народа, разоблачение которых проходит еще недостаточно энергично (колхозы «Рыбак», «Ударник», «Пионер Запада», «Декабрист» и др.)... ...Нужно изучить состояние каждого колхоза, очистить окончательно колхозы от врагов народа»[4].

Все дело было во «врагах народа», а «разгромив осиные гнезда троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, наш народ победно шагает по пути социализма»[5].

Однако спустя еще 15 лет положение с развитием социальной сферы рыболовецких колхозов практически не изменилось. «Из 2891 хозяйства рыбартелей в 1947 г. дома имеют 1382 хозяйства (47%), в т.ч. 376 хозяйств живут в землянках и 733 не имеют совершенно никаких построек», - отмечалось в докладе Камчатского облисполкома в 1947 г.[6]

В Карагинском и Олюторском районах с каждого сруба снимали по 3 венца и использовали их для другого строительства. Привезенный в Палану лесоматериал для 15 домов не был принят, его выгрузили на прибойную полосу, а во время шторма он был унесен в море[7].

Постоянная нехватка средств приводила к тому, что «рыболовецкие колхозы не имели возможности не только вести новое строительство, но и обеспечивать капитальный ремонт»[8].

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 368.
[2] Там же.
[3] *Камчатская* правда. 1937. 15 авг.
[4] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 2, л. 5.
[5] *Камчатская* правда. 1938. 17 янв.
[6] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 232.
[7] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 55, л. 217.
[8] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 326, л. 21.

В 1953 г. из 2740 колхозных семей 1248 (45%) не имели домов, а в колхозах КНО около 60% колхозников жили в землянках. Из 59 колхозов 33 не имели бань, клубов, школ и только 23 колхоза были электрифицированы.

Плохие бытовые условия и нестабильность заработков породили постоянную текучесть кадров. Так, в «Паланском рыбаксоюзе, объединявшем 13 колхозов и 9 рыбоферм, в 1950 г. выбыло 59 хозяйств, вступило 66. Из колхоза «Расцвет Севера» вышло 20 хозяйств, «Путь Севера» - 12 хозяйств и т.д.»[1].

«Число хозяйств в районах (Пенжинский, Тигильский) не увеличивалось, а, наоборот, уменьшалось. Постоянную часть членского состава всех рыболовецких колхозов в национальных округах составляли коренные жители, которые жили и работали в колхозах»[2].

Большой вред стабилизации в трудовых коллективах наносил административный принцип назначения председателей колхозов по партийной принадлежности, по протекции и т.д. Только за три года (1950-1953) в 59 рыболовецких колхозах сменились 74 председателя, в т.ч. 42 как не обеспечившие руководство и допустившие грубые нарушения устава.

Таблица 11

Динамика численности населения, занятого в р/б колхозах Камчатки[3]

Год	Р/б колхозы	Р/б фермы	Итого	Всего население
1937	42	15	57	5592
1938	50	18	68	6852
1939	50	15	65	6881
1940	51	21	72	8860
1941	52	29	81	10450
1942	53	30	83	12269
1943	54	29	83	12056
1944	57	-	57	11184
1945	57	32	89	10644
1946	61	19	80	10665
1947	63	26	89	10572
1948	63	26	89	9825
1949	63	26	89	9946
1950	62	34	96	10227
1951	62	34	96	9584
1952	61	34	95	9864
1953	59	34	93	9624
1954	57	1	58	9270

За 1945-1949 гг. из рыболовецких колхозов окончательно выбыл из-за плохих бытовых условий 2051 человек. Кроме этого, текучесть рабочих кадров была связана с тем, что в послевоенные годы в колхозы вступило много освобожденных из лагерей Дальстроя, и «пока колхозы получали доходы, они удерживались в колхозах, но достаточно было колхозам оказаться

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69.

[2] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 326, л. 28.

[3] Там же. Д. 19, л. 55.

в пролове, как эти «колхозники» покинули колхозы. Значительная часть их была выслана органами как неблагонадежных граждан для проживания в этой местности»[1].

Не способствовало закреплению кадров и постановление 1946 г., установившее так называемое снабжение рыбартелей по группам. «Государство не гарантировало снабжения колхозов продовольственными и промышленными товарами в порядке установленных месячных норм на каждую душу населения, а продавало эти товары колхозникам только в прямой пропорции против вылавливаемой и сдаваемой государству рыбы, не принимая во внимание количество членов семьи рыбака. Периодические недоловы рыбы при этой системе снабжения заставляли опытных но многодетных рыбаков уходить из колхозов на другие работы»[2]. Так, «в 1951 г. из рыболовецких колхозов Соболевского, Усть-Камчатского районов выбыло 810 трудоспособных колхозников, причем отлив из колхозов продолжался и в 1952 г.»[3].

Подобное решение было ярчайшим примером административной системы в действии, когда трудовая активность человека стимулировалась не выгодой, а принуждением.

Однако длительное внеэкономическое принуждение не давало большой пользы. Рыболовецкие колхозы отличались крайне низкой трудовой дисциплиной. В связи с этим на I пленуме Восточно-Камчатского рыбаксоюза в 1937 г. отмечалось: «На безобразия председателей колхозов в рыбаксоюзе не обращают никакого внимания. Труддисциплина в колхозах никуда не годится. В колхозах процветали пьянки, невыход на работу и невыполнение плана»[4].

Основные положения устава рыбартели в части соблюдения демократических принципов никогда не выполнялись.

В 1939 г. газета «Камчатская правда» в статье «По большевистски проведем отчетно-выборную кампанию рыболовецких колхозов» писала: «Сплошь и рядом нарушается колхозный устав, ущемляются интересы колхозников, всяк и всякий распоряжаются колхозным добром как своим собственным. Иногда некоторые председатели колхозов унижают достоинство колхозников, попирают их права, грубо обращаются и обругивают»[5]. Колхозный рыбак превратился в бесправного наемного рабочего.

Отсутствие экономических стимулов, социальная неустроенность, бесхозяйственность, произвол администрации, жесткая регламентация внутрихозяйственных отношений серьезно ограничивали возможности рыболовецких колхозов и сдерживали их развитие.

Кратковременная кампания по борьбе с нарушениями устава в 1946 г. не внесла кардинальных изменений в колхозную жизнь.

Внешне широкий размах стахановского движения и социалистического соревнования не мог заменить личную материальную заинтересованность. Проблема повышения производительности труда оставалась одной из главных.

---

[1] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 326, л. 28.

[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 233.

[3] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 326, л. 316.

[4] Там же. Д. 2, л. 83, 86.

[5] *Камчатская* правда. 1939. 21 окт.

В 1949 г. 810 колхозников не выработали даже минимума трудодней. Возникает вопрос, может быть, лов рыбы был экономически невыгоден? Факты говорят об обратном.

Несмотря на то что объем добычи рыбы колхозами в сопоставлении с общим планом в разные годы был подвержен сильным колебаниям, он все же составлял от 40 до 55% в доле общей товарной продукции. Суть проблемы заключалась в том, что, сдавая государству продукцию на миллионы рублей, колхозы не имели права распоряжаться вырученными средствами. Отсюда неразвитость социальной сферы, несоответствие в оплате труда и примитивная материально-техническая база колхозов.

Таблица 12

Динамика добычи рыбы колхозами и рыбофермами[1]

Год	Количество, тыс. ц	% выполнения плана
1937	278,2	134,2
1938	306,7	108,3
1939	382,7	126,5
1940	352,4	98,1
1941	458,8	114,4
1942	618,2	129,3
1943	781,4	122,0
1944	787,6	110,0
1945	773,8	95,4
1946	722,6	91,3
1947	975,5	111,1
1948	721,7	73,6
1949	1059,2	92,1
1950	574,2	59,0
1951	840,3	43,6
1952	559,4	90,7
1953	844,3	101,7

Например, рыболовецкие колхозы, не имея собственного флота для активного лова рыбы, находились в экономической зависимости от государственной системы МРС (МРЗС), являвшейся монополистом средств производства.

В 1939 г. Наркомат рыбной промышленности СССР издал распоряжение N 44-р, в котором говорилось, что «рыболовецкими колхозами сдается, а МРС принимается: орудие лова, вспомогательные материалы, сетеснастные материалы, моторные суда, парусно-гребной флот, ремонтные мастерские и склады»[2].

В годы III пятилетки планировалось увеличить количество МРС до семи, однако этот процесс затянулся до начала 50-х гг. МРС (МРЗС) создавались как хозрасчетные предприятия (по типу МТС) с самостоятельным балансом. Основой их деятельности являлось «обслуживание средствами производства рыболовецких колхозов, а также оказание организационной и

[1] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 40, л. 57.

[2] Там же. Л. 37.

технической помощи колхозам в выполнении плана добычи и сдачи государству рыбы. Кроме этого, при МРС должны были создаваться производственные цеха, коммунальные предприятия, культурно-бытовые учреждения»[1]. Однако из-за слабой технической базы МРС и МРЗС не справлялись со своими функциями.

Краткая историческая справка (1952 г.)

1. Петропавловская МРС организована в 1932 г. в с. Сероглазка (3 км от г. Петропавловска-Камчатского). Обслуживала шесть колхозов, сдававших сырец Авачинскому и Жупановскому рыбокомбинатам.

2. Пловерская МЗС организована в 1936 г., Мечигменская - в 1948 г. Обслуживали шестнадцать колхозов Чукотки, занятых добычей морзверя.

3. Усть-Камчатская МРС организована в 1939 г. в устье р. Камчатка. Обслуживала семь колхозов. Добытый сырец лососевых сдавался Усть-Камчатскому и Шубертовскому рыбокомбинатам. Активный лов составил 8%.

4. Карагинская МРС (зал. Анапка) организована в 1944 г. Обслуживала десять колхозов. Основная продукция - сельдь и лососевые - сдавалась Анапкинскому, Оссорскому, Карагинскому, Макарьевскому, Русаковскому, Хайлюлинскому и Укинскому рыбокомбинатам. Активного флота не имела.

5. Корфская МРС организована в 1941 г. на косе бух. Сиротная Корфского залива. Обслуживала семь колхозов. Продукция сдавалась Корфскому рыбокомбинату. Активного флота не имела.

6. Усть-Большерецкая МРС организована в 1950 г. Обслуживала восемь колхозов.

7. Паланская МРС организована в 1950 г. Обслуживала четырнадцать колхозов.

В 1952 г. на Северо-Востоке действовали семь МРС и две МРЗС, однако эффективность этой системы была невысокой.

В справке на имя председателя Камчатского облисполкома И.И.Сиротина отмечалось, что «состояние материально-технической базы далеко не обеспечивает стоящих перед МРС задач... Техническая оснащенность берегового судоприема... не способна обеспечить нормальную работу МРС (в Петропавловской МРС суда вытаскивают на узкую косу воротом или трактором). Механические мастерские имеют только Петропавловская, Усть-Камчатская и Карагинская МРС, но станочное оборудование, комплектовавшееся за счет списанной техники, пришло в полную негодность. Судоремонтные мастерские МРС требуют ремонта и реконструкции. Мощность электростанций не может удовлетворить потребности МРС»[2].

Ни одна станция не имела закрытых кунгасных мастерских для строительства и ремонта безмоторного флота и сетепошивочных мастерских. Склады для хранения орудий лова были только в четырех МРС. Очень медленно развивалась социальная сфера МРС. Достаточно сказать, что, кроме Петропавловской, ни одна МРС не имела бань, клубов, библиотек.

В конечном итоге все это отрицательно влияло на производство.

---

[1] ГАКО. Ф. 106, оп. 1, д. 500, л. 117.

[2] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 326, л. 77.

Из-за отсутствия флота для активного рыболовства в колхозах и МРС «многие председатели и правления колхозов ориентировались на выполнение плана только за счет вылова лососевых рыб преимущественно в реках, нанося серьезный ущерб рыбным запасам»[1].

Рыбокомбинаты и МРС из года в год очень плохо обеспечивали бесперебойный прием рыбы от колхозов и подачу плавсредств на промыслы. Например, «в 1952 г. колхозы недополучили от МРС 9 ставных неводов и 26 судов активного лова. В 1953 г. Петропавловская МРС недодала 8 рыболовных ботов. В Тигильском районе 4 краболовных мотобота были получены от Паланской МРС с опозданием на 30 дней. В Усть-Большерецком МРС 7 промысловых судов для колхоза «Красный труженик» простояли без дела 47 дней и т.д.»[2]. «Вследствие плохой технической оснащенности Гижигинского рыбокомбината, Пенжинского, Паланского рыбозаводов колхозам приходится обрабатывать рыбу самым примитивным способом. А очень часто из-за незавоза соли и недостатка чановой емкости большое количество рыбы вообще не обрабатывается»[3].

В результате «большинство рыболовецких колхозов развивается очень слабо. Добыча рыбы не растет из-за использования пассивных орудий лова и зависит от подхода рыбы к берегам, активный лов составляет всего 8%. В области создано 7 МРС, но они имеют очень слабую материальную базу и промысловый флот»[4], - отмечалось в отчете Камчатского облисполкома в 1953 г.

Таблица 13

Добыча рыбы 1950-1953 гг.[5]

Год	Всего, ц	Р/б колхозы, ц	Уд. вес р/б колхозов, %
1950	1033,5	574,2	55
1951	2098,9	840,3	42
1952	1236,7	559,4	44
1953	2062,6	844,3	40

Денежные доходы рыболовецких колхозов в начале 50-х гг. не увеличивались. В 1952 г. только 16 колхозов получили прибыль в сумме 375 тыс. руб., а остальные 43 дали убыток 2014 тыс. руб.[6] Денежные доходы рыболовецких колхозов по годам составили, тыс. руб.: 1950 - 34591, 1951 - 44289, 1952 - 39610.

Аппарат управления МРРКСов, созданный для лучшей координации работы колхозов с госпромышленностью, был, как правило, оторван от колхозов и не знал истинного положения дел на промыслах, особенно Усть-Большерецкого, Карагинского, Паланского и Анадырского МРРКСов[7].

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 55, л. 243.
[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69, л. 162.
[3] Там же. Д. 35, л. 3.
[4] Там же. Д. 69, л. 161.
[5] Там же. Л. 160.
[6] Там же. Л. 165.
[7] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 55, л. 243.

Органы административного управления рыболовецкими колхозами начали формироваться на Северо-Востоке в середине 30-х гг. На основании постановления бюро Камчатского обкома ВКП(б) 1 ноября 1936 г. было создано оргбюро Камчатского областного союза рыболовецких колхозов, подчиненных Дальневосточному краевому рыбакколхозсоюзу. В состав облрыбакколхозсоюза входили два межрайрыбакколхозсоюза: Западно-Камчатский и Восточно-Камчатский, образованные в 1937 г.

В Восточно-Камчатский МРРКС вошли рыболовецкие колхозы Петропавловского, Усть-Камчатского, Карагинского, Олюторского и Анадырского районов, а в Западно-Камчатский - Пенжинского, Тигильского и Большерецкого. По производственной линии они были закреплены за государственными рыбопромышленными предприятиями. Так, например, колхозы Пенжинского района «Маяк Севера» (с. Гижига) и «Артель Севера» (п-ов Тайгонос) вошли в Охотско-Аянский трест, «Пареньское товарищество» (с. Парень) и «Микинское товарищество» (с. Микино) обслуживали Пареньскую базу АКО, колхозы «Красный Октябрь» (с. Ковран), им. Сталина (с. Хайрюзово) и, кроме того, из Тигильского района Кработрест, колхозы «17 партсъезд» (с. Облуковино), «Калинина», «Ударник» - Крутобереговский комбинат АКО и т.д.[1]

По линии развития оленеводства, молочного животноводства, земледелия рыболовецкие колхозы подчинялись районным, окружному и областному управлениям сельского хозяйства. Таким образом, создавалась система двойного и даже тройного подчинения.

В 1941 г. с целью укрепления централизованного руководства Восточно-Камчатский и Западно-Камчатский МРРКСы были слиты с облрыбакколхозсоюзом. В марте 1945 г. областное управление было вновь разукрупнено и созданы 4 МРРКС: Карагинский, обслуживающий колхозы Карагинского и Олюторского районов, Паланский - колхозы Тигильского и Пенжинского районов, Усть-Большерецкий - колхозы Усть-Большерецкого района, Анадырский - колхозы Анадырского и Чукотского районов.

С 1 июля 1952 г. МРРКСы были ликвидированы на основании приказа Министерства рыбной промышленности СССР N 167п от 7 мая 1952 г. в связи с образованием в 1950 г. рыбопромышленных трестов и управления МРС Главкамчатрыбпрома.

(В 1956 г. Камчатский облрыбакколхозсоюз был упразднен и его функции переданы вновь образованному Камчатскому управлению по делам рыболовецких колхозов и МРС Главкамчатрыбпрома (приказ Министерства рыбной промышленности СССР N 40п от 2 июля 1956 г.). В 1960 г. Камчатский облрыбакколхозсоюз был вновь организован на основании постановления СМ РСФСР N 1799 от 28 ноября 1960 г. с подчинением Главкамчатрыбпрому при Всероссийском Совете Народного Хозяйства. В 1974 г. на базе облрыбакколхозсоюза создается Камчатское межколхозное объединение рыболовецких колхозов)[2].

Многочисленные реорганизации управленческих структур, проведенные в 1935-1953 гг., предусматривали усиление бюрократической власти аппарата,

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 3, л. 69.

[2] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 2, л. 2, 9; д. 241, л. 23, 24, 32; д. 248, л. 301; д. 507, л. 189; ГАКО, ф. 88, оп. 1, д. 302, л. 152, 153.

являвшегося опорой административно-командной системы. Однако созданная система управления больше мешала, чем помогала развитию рыболовецких колхозов. Так, председатель Камчатской областной плановой комиссии И.Черник писал в своем докладе в 1948 г.: «Во-первых, существующая система двойного руководства колхозами, рыбакколхозсоюзом, с одной стороны, и органами сельского хозяйства - с другой, явно порочна... межрайрыбаксоюзы уделяют внимание только рыбодобыче. Совершенно не интересуются оленеводством и полеводством. Земельные органы прямо влиять на оленеводство и сельское хозяйство... не могут, а также не уделяют внимание рыбному и зверобойному промыслу в колхозах на уставе сельхозартели. Таким образом, ни рыбакколхозсоюз, ни сельхозорганы развитием отраслей... не занимаются. Во-вторых, Корякский окрисполком не конкретно руководит колхозами. Не знает экономического состояния, не определены хозяйственные направления каждого колхоза. Не занимается устранением нарушений устава»[1].

В конце 40-х - начале 50-х гг. в тяжелом социально-экономическом положении находились не только хозяйства Корякского национального округа, но и рыболовецкие артели, расположенные на побережье Чукотского и Берингова морей.

В этот период в ЧНО «действовало 14 рыболовецких колхозов, в т.ч. по национальному составу: эскимосских - 2 («Ленинский путь», «Новая жизнь») и чукотских - 12»[2]. Эти колхозы были организованы в 1929-1935 гг. в форме северносмешанных товариществ и переведены на устав рыбацкой артели только в 1949-1950 гг.

Рыболовецкие колхозы ЧНО

«Новая жизнь»	«Ленинский путь»
«Новая заря»	«Красная заря»
«Красный охотник»	«им. Сталина»
«Красная звезда»	«Чегитун»
«Красный Север»	«Сешан»
«Вперед»	«Нешкан»
«Нутепельмен»	«Товарищ»

В 1953 г. в рыболовецких колхозах ЧНО было 2636 человек (569 хозяйств), в т.ч. трудоспособных мужчин 677, женщин 748, подростков 205, т.е. практически все население[3].

Официально зарегистрированные как рыболовецкие колхозы, они в основном занимались добычей морского зверя, удельный вес которой достигал 71%, оленеводством, пушным промыслом и извозом. До 90% всего трудоспособного населения добывали и перерабатывали морзверя.

Продукция морского зверобойного промысла шла в основном на питание колхозникам, отопление и освещение яранг, корм ездовым собакам, а шкуры - для изготовления одежды и жилья.

Рыболовство развивалось только в тех колхозах, которые имели на своей территории внутренние водоемы, - это колхозы «Чегитун» (р. Чегитун),

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 35, л. 8.

[2] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 50.

[3] Там же.

им. Ленина (р. Игильквеем), «Красная заря» (р. Нунямовеем), «Красный Север» (р. Мамка), «Новая заря» (р. Яндракинотвеем), «Нешкан» (Нешканская лагуна), «Уэлен» (Уэленская лагуна), «Красная заря» (зал. Поутэн), «Единство» (оз. Ачен).

Таблица 14

Добыча рыбы и морского зверя колхозами ЧНО[1]

Вид	1938 г.		1952 г.	
	гол.	цент.	гол.	цент.
Морж	2244	17952	2507	17234
Лахтак	1401	2802	2693	5136
Нерпа	19011	9505	20462	10226
Белуха	8	40	11	55
Кит	5	350	36	2700
Рыба	-	1362	-	289
Итого:		32011		35640

Добыча рыбы летом велась в основном ставными сетями, а зимой крючками. Большая ее часть использовалась для внутреннего потребления, и только незначительное количество сдавалось торговым организациям - Чукотской райторгконторе, Провиденскому отделению Чукотторга и Провиденской торгконторе ГУСМП.

В рамках сложившейся системы хозяйствования главной причиной, сдерживавшей развитие рыболовецких колхозов ЧНО и отрицательно влиявшей на социальное положение коренного населения, являлась крайне примитивная материально-техническая база. В 1953 г. в 14 колхозах имелось 17 вельботов, 47 больших байдар, 5 руль-моторов иностранных марок, 25 ед. разного нарезного оружия, 272 дробовых ружья, 9 закидных неводов, 112 разных сетей, 36 гарпунов. Совершенно не было бочечной тары, чановых емкостей, складских помещений и ледников. Мясо морзверя хранилось в обычных ямах.

«В результате плохой материальной помощи в оснащении колхозов тарой, консервирующими материалами... добыча рыбы в колхозах ведется примитивными способами, обработка рыбы, кроме подсоливания, совершенно не производится. В связи с таким положением рыболовство имеет низкий удельный вес в общественных хозяйствах колхозов», - отмечалось в справке «О наличии рыбных водоемов и развитии рыболовства в Чукотском районе»[2].

В 1945-1953 гг. в целях развития рыболовецких колхозов Чукотки Советское правительство приняло ряд решений и постановлений, однако ни одно из них не было выполнено в полном объеме.

Решить проблему пытались за счет создания в ЧНО сети моторно-зверобойных станций, действовавших на уставах МРС. С этой целью в 1945 г. Главкамчатрыбпром реорганизовал Пловерскую МЗС, приняв ее из ведомства

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 51.
[2] Там же. Л. 33.

ГУСМП. В 1946 г. организуется специальная экспедиция на Чукотку для изысканий и разработки экономического обоснования строительства 5 новых МЗС (в т.ч. Крестовской в Анадырском районе, Сердце-Каменской, Колюченской, Мечигменской, Уэленской в Чукотском районе) и 5 рыбопромышленных комбинатов. Однако фактически в 1948 г. была создана только Мечигменская МЗС.

В 1950 г. на основании постановления СМ СССР N 4184 от 28 сентября организован Чукотский рыбопромышленный трест, объединивший действующие предприятия: Майно-Пыльгинский и Анадырский рыбокомбинаты, Анадырские угольные копи, Пловерскую и Мечигменскую МЗС. Трест в организационном и хозяйственном отношении оказался не эффективным и в 1952 г. был ликвидирован. Майно-Пыльгинский рыбокомбинат вошел в состав Анадырского, а Пловерская и Мечигменская МЗС были подчинены управлению МРС Камчатского бассейна[1].

Руководство МРС «...долгое время не имело ни малейшего представления о том, чем же занимаются подчиненные ему МЗС»[2].

Официально две моторно-зверобойные станции обслуживали 22 колхоза (в т.ч. 14 рыболовецких), предоставляя им вельботы, руль-моторы, оружие, боеприпасы и горючее. Для выполнения этой задачи станции имели в своем распоряжении 2 шхуны, 3 сейнера, 8 катеров, 144 зверобойных вельбота, 10 кунгасов и сетеснастное снаряжение. Однако «катера и сейнера МЗС использовались только для обеспечения внутренних потребностей или сдавались в аренду разным организациям вместо обслуживания колхозов»[3].

Во время путины колхозы были вынуждены закупать горючее и боеприпасы у сторонних организаций по очень высоким коммерческим ценам, используя свои внутренние возможности.

Взаимоотношения МЗС с колхозами строились на договорной основе. По своему содержанию договор - это очень любопытный документ. Так, обслуживание колхозов МЗС осуществлялось в соответствии с примерным договором, утвержденным постановлением Экономического совета при СНК СССР от 11 февраля 1938 г. для моторно-рыболовецких станций, который совершенно не соответствовал условиям Крайнего Севера и содержал ряд абсурдных положений. Например, «...договор предусматривал обязательную сдачу колхозами всего морского зверя и реализацию его вновь колхозу, но уже с наценкой в 10% на скупные цены». Таким образом, получалось, что «...колхоз предоставлял МЗС сведения о количестве добытого зверя, а МЗС, пользуясь предположительным весом одной головы зверя, оформляла документы на скуп от колхозов добытого зверя и на реализацию этого же количества зверя вновь колхозу с наценкой в 10%, хотя никто из работников МЗС не видел скупаемого и продаваемого зверя»[4].

В результате только в 1951-1952 гг. МЗС незаконно взыскали с колхозов более 400 тыс. руб., в т.ч. Мечигменская МЗС 316 тыс. руб. В 1952 г. задолженность колхозов МЗС достигла 2 млн руб.

---

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 127.

[2] Там же. Л. 42.

[3] Там же. Л. 52.

[4] Там же. Л. 45.

Система элементарного учета добычи морского зверя в колхозах и МЗС имела условный характер и создавала все предпосылки для воровства и бесхозяйственности.

Зверобойные бригады колхозов забивали морзверя без разбора, часть мяса выбрасывали в море, а в отчетах показывали все количество добытого зверя, которое в свою очередь подсчитывалось в МЗС по средней (произвольной) норме веса одной головы.

Таблица 15

Приемный вес одной головы морзверя (ц)[1]

Вид	Пловерская МЗС	Мечигменская МЗС
Морж	6	8
Лахтак	1,5	2
Нерпа	0,3	0,5
Белуха	5	8
Кит	от 20 до 50	100

Таким образом, колхозы, имея условные планы, условно их и выполняли, а МЗС фиксировали искаженную отчетность, получая незаработанную прибыль.

В справке «Об организационно-хозяйственной деятельности рыболовецких колхозов ЧНО» от 24 апреля 1953 г. отмечалось, что «более 50% морзверя на колхозный склад не попадает, а расхищается колхозниками, поэтому фактическую добычу в колхозах установить невозможно»[2].

Практически рыболовецкие колхозы Чукотки были брошены и влачили жалкое существование. 27 октября 1953 г. исполнительный комитет Хабаровского краевого Совета пришел к выводу, что «состояние рыболовецких колхозов Чукотского района требует немедленного вмешательства Министерства промпродтоваров СССР в отношении их укрепления, а также укрепления материально-технической базы МЗС и Анадырского рыбзверокомбината.

14 колхозов вследствие отсутствия сбыта мяса и жира ведут почти натуральный характер жизни, а колхозники совершенно не получают денежных доходов»[3].

В такой ситуации «колхозники» забросили так называемое общественное производство и работали в основном на себя.

В 1952 г. в рыболовецких колхозах ЧНО не выработал минимума трудодней 861 человек (72,5%) и совершенно не участвовали в коллективном труде 224 человека (18,7%).

Среди руководящих работников МЗС и колхозов отмечалось повальное пьянство и расхищение социалистической собственности.

В 1952 г. в колхозе «Красная заря» председатель Гиу вместе со счетоводом Эттылином присвоил и пропил выданную колхозу ссуду на строительство колхозных домов в сумме 13 677 руб. В колхозе «Товарищ» было расхищено продукции на 44 тыс. руб. Счетовод колхоза им. Сталина Кэнуди

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 54.
[2] Там же. Л. 53.
[3] Там же. Л. 66, 97.

продал в пос. Лаврентия 1,8 т оленьего мяса, а деньги совместно с колхозниками колхоза «Красная заря» пропил. Председатель колхоза им. Сталина Тэки, продав оленье мясо, деньги присвоил и пропил. «Растраты и хищения имели место и в других колхозах... Были случаи хулиганств и бандитизм»[1].

Кадровая проблема стояла очень остро. В МЗС не было квалифицированных капитанов флота. В Мечигменской МЗС капитаном работал шофер Морозов, в Пловерской - некто Агеев, по специальности судоплотник, с образованием 3 класса.

Плавсостав МЗС не имел дипломов или разрешений на право вождения самоходного флота. «...По их вине большинство катеров в навигацию было выведено из строя»[2].

Из 14 председателей колхозов 2 человека имели образование 6-7 классов, 8 до 3 классов, неграмотных было 4. В 7 колхозах общие собрания отстранили председателей колхозов за пьянство и растаскивание колхозного имущества.

Выпускники Анадырской школы колхозных кадров «совершенно не знали элементарных правил ведения колхозного учета и, хуже того, в своей работе допускали расхищение денежных и натуральных средств, занимались пьянством»[3].

Применяемые меры административного и уголовного воздействия не давали эффекта.

Положение начало изменяться в лучшую сторону только во второй половине 50-х гг., когда была предпринята первая попытка реформирования административно-командной системы методами экономического стимулирования при значительном росте капитальных вложений в сельское и промысловое хозяйство Чукотки.

Подсобное сельское хозяйство в рыболовецких колхозах стало развиваться в начале 30-х гг. в рамках единой аграрной политики, направленной на создание собственной продовольственной базы на Северо-Востоке России.

Рыболовецкие колхозы Камчатки и Чукотки, так же как и сельскохозяйственные, по объективным причинам имели, как правило, многоотраслевую структуру.

В колхозах центральных и южных районов п-ова Камчатка наряду с промышленной добычей рыбы развивались молочное животноводство, свиноводство, птицеводство, растениеводство, а в КНО и ЧНО - в ограниченных масштабах оленеводство.

Однако, получая основную прибыль от добычи рыбы и находясь в полной экономической зависимости от предприятий рыбной промышленности, рыболовецкие колхозы под разными предлогами саботировали подсобное хозяйство.

Основной формой стимулирования сельскохозяйственного производства длительное время являлись меры административного принуждения - снятие со снабжения продовольствием и предметами первой необходимости, приостановка поставок строительных материалов, техники и т.п.

---

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 62, 71.

[2] Там же. Л. 71.

[3] Там же. Л. 63.

В постановлении N 24 от 5 ноября 1932 г. президиум Корякского окрисполкома потребовал «не допускать снабжения оленьим мясом тех предприятий, колхозов и промыслов, которые не выполняли решение I съезда Советов об организации у себя свиноводства и молочного животноводства. Как исключение снабжать тех, кто вложил средства в развитие животноводства ...ввести снабжение по минимальной норме... и предупредить... что снабжение оленьим мясом и с 1933 г. будет производиться лишь при наличии мероприятий, обеспечивающих развитие собственной мясо-молочной базы»[1].

27 августа 1935 г. окрисполком дал жесткое указание всем советским органам власти «вести решительную борьбу с иждивенческими настроениями на получение завозных продуктов с материка»[2].

Уклонения или ссылки на объективные трудности расценивались как проявление вражеской деятельности, направленной на подрыв социалистической системы.

В результате в середине 30-х гг. практически во всех рыболовецких колхозах центральных районов Камчатки и частично КНО были созданы молочно-товарные и свиноводческие фермы.

Наиболее интенсивно развивалось подсобное сельское хозяйство в период войны, но уже в конце 40-х - начале 50-х гг. в связи с резким увеличением планов добычи рыбы и ослаблением директивных методов управления производство сельскохозяйственной продукции в рыболовецких колхозах резко снизилось.

Таблица 16

Динамика обобществленного скота в рыболовецких колхозах Камчатки (гол.)[3]

Год	Лошади	КРС	Коровы	Свиньи	Олени
1937	279	706	248	440	1280
1938	315	788	291	378	3179
1939	362	843	334	242	5185
1940	411	970	379	237	7171
1941	430	1122	421	138	8150
1942	505	1366	507	178	11543
1943	493	1299	458	82	13492
1944	615	1252	475	38	13619
1945	653	1609	395	-	22438
1946	668	1146	410	8	22262
1947	642	1054	396	5	26225
1948	710	1372	402	5	28264
1949	702	1909	542	32	31748
1950	701	2011	643	36	38911
1951	775	2289	708	60	38953
1952	840	2112	763	46	44058
1953	751	1312	525	31	43416
1954	608	923	423	33	30537
1955	593	904	349	101	34450
1956	632	811	348	114	20805

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 13, л. 29.

[2] Там же. Д. 28, л. 121.

[3] ГАКО. Ф. 283, оп. 1, д. 19, л. 59 об.

Свое отношение к развитию сельского хозяйства председатели колхозов выражали таким образом: «Рабочей силы в колхозах, - говорили они, - имеем очень мало, ее не хватает на добычу рыбы, лов которой с каждым годом все увеличивается, поэтому надо сокращать сельское хозяйство. Если мы провалим план по рыбе, нас снимут с работы, а если не выполним план по сельскому хозяйству, нас слегка поругают»[1].

Урожайность картофеля и капусты в колхозах была очень низкой и колебалась в 1937-1953 гг. соответственно от 24 до 75 и от 17 до 91 ц/га[2].

Крупнейшая рыболовецкая артель Усть-Камчатского района им. XVIII партсъезда за три года (1950-1953), затратив 564 ц семенного картофеля, получила урожай 412 ц.

Посевные площади в рыболовецких колхозах, возросшие в 1937-1953 гг. со 153 до 476 га, уже в 1954 г. были сокращены до 182 га.

В решении I сессии третьего созыва Камчатского областного Совета от 13 января 1951 г. «О состоянии и мерах улучшения работы в рыболовецких колхозах области» подчеркивалось, что «во многих колхозах укоренилось неправильное отношение к подсобным отраслям хозяйства... что рыболовецким колхозам нет необходимости заниматься развитием полеводства, животноводства... в результате установленные по этим отраслям планы не выполняются и являются нереальными.

В 1950 г. план посева рыболовецкими колхозами был выполнен на 93%, по урожайности - на 40%, а животноводство продолжает оставаться малопродуктивным и имеет большой падеж и вынужденный забой, в результате чего план доходов от сельского хозяйства был выполнен всего на 21%»[3].

Еще хуже обстояло дело в национальных округах. Так, например, в докладной записке «О состоянии народного хозяйства Корякского национального округа» в 1948 г. отмечалось, что «колхозы, находящиеся на рыболовецком уставе, совершенно не развивают оленеводство, хотя от рыбы вследствие плохой базы получают незначительные доходы»[4].

В 1950 г. секретарю крайкома ВКП(б) А.Н.Ефимову докладывали, что «серьезные недостатки имеются в главной отрасли хозяйства Чукотки - оленеводстве. Во многих береговых колхозах Чукотского и Анадырского районов нет оленей, единственный их источник существования - промысел морского зверя. Эти колхозы экономически слабые»[5].

На 1 января 1953 г. оленеводством на Чукотке занимались 12 рыболовецких колхозов. В общественном секторе насчитывалось 69 960 оленей, в личном 5766. Общие доходы от оленеводства составляли всего 8,7%.

Характерно, что несмотря на принудительные меры обобществления, основная часть оленей во многих колхозах являлась личной собственностью. Например, в колхозе «Нутепельмен» в колхозном стаде было 274 оленя, а

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 129, л. 11; д. 35, л. 6.

[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 164.

[3] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 55, л. 244.

[4] ГАКО, Ф. 67, оп. 1, д. 35, л. 6.

[5] Там же. Д. 45, л. 25.

у колхозников 1363; в колхозе «Товарищ» - 496, а в личном пользовании - 1116.

Соотношение личного и общественного интересов было достаточно показательным. В 1952 г., например, непроизводительные отходы от колхозного стада составляли 1941 олень (27,5%), в денежном выражении - 864,7 тыс. руб. Из них пало и затравлено хищниками 538, вынужденно забито 325, пропало «без вести» 1078 оленей.

В колхозе «Нутепельмен» потери оленей «без вести» составили 880 голов (76% от всего стада), в колхозах «Новая жизнь» - 203, «Нешкан» - 275, им. Сталина - 263 и т.д.

В 1952 г. «в колхозе им. Сталина... стадо в количестве 1000 оленей подогнали к поселку и бросили... ...Стадо было разогнано собаками, 55 оленей бросились со скалы и разбились... ...Некоторые пастухи-оленеводы сами заинтересованы в неправильном учете оленьего поголовья... Для них и других крупных оленеводов создается благоприятная обстановка для хищнического забоя оленей»[1].

В то же время «в 1952 г. не было случая непроизводительных потерь оленей, находящихся в личном пользовании»[2]. Колхозная, т.е. ничья, собственность рассматривалась коренным населением как дополнительный бесплатный источник дохода.

В целом сельское хозяйство рыболовецких колхозов, достигнув в 1953 г. относительного пика развития, в дальнейшем во многих колхозах было ликвидировано.

«Явно извратив постановление правительства от 1953 г. об упразднении планирования сельского хозяйства в рыболовецких колхозах, многие руководители колхозов, районов при попустительстве области вообще решили ликвидировать сельское хозяйство»[3], - отмечалось в стенограмме областного совещания работников сельского хозяйства от 27 января 1957 г.

Глава 2. КОМБИНАТ ОСОБОГО ТИПА

Планомерное промышленное освоение районов Колымы началось на рубеже 30-х гг. 13 ноября 1931 г. по решению ЦК ВКП(б) Совет Труда и Обороны СССР принял секретное постановление «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районах Верхней Колымы «Дальстрой»[4], который создавался на базе Верхне-Колымского приискового управления «Цветметзолото»[5].

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 10, л. 56; ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 35.
[2] Там же. Л. 55, 56.
[3] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 129, л. 10.
[4] *Козлов А.Г.* Из истории колымских лагерей // Краевед. зап. Магадан: Кн. изд-во, 1991. Вып. XVII. С. 61.
[5] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 1596, л. 48.

Основные направления деятельности Дальстроя были сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г., где, в частности, говорилось: «Всемерно форсируя разведку по колымским приискам... использовать все возможные способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготавливая базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов»[1]. Исходя из этого, перед трестом ставились две главные задачи: разработка недр с добычей и обработкой всех полезных ископаемых края; колонизация района разработок и организация всевозможных предприятий и работ в интересах успешного выполнения первой задачи[2].

На протяжении всего периода деятельности Дальстрой развивался «...как мощная комплексная и многоотраслевая народнохозяйственная структура, которую И.В.Сталин в свое время охарактеризовал как «комбинат особого типа»[3].

В районах непосредственного подчинения Дальстрою вводился особый порядок управления. В населенных пунктах Колымы, за исключением г. Магадана и пос. Зырянка и Нера, органы советской власти не создавались, а административные функции осуществляли горнопромышленные и отраслевые управления, которые относились к Главному и Политическому управлениям Дальстроя. В постановлении Совета Труда и Обороны от 28 сентября 1932 г. «О Колыме» Хабаровскому крайисполкому предписывалось «...не позднее 15 ноября с.г. перевести центр Охотско-Эвенского округа в г. Охотск с передачей всего недвижимого имущества Дальстрою»[4]. В 1934 г. президиум Далькрайисполкома (в соответствии с решением Советского правительства) принял постановление N 1152 от 28 сентября о ликвидации Охотско-Эвенского национального округа.

Автономный статус Дальстроя на Северо-Востоке значительно повысился после передачи его в 1938 г. в ведение Наркомвнудел СССР и последующего его преобразования в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Согласно приказу НКВД СССР N 00363 от 29 июня 1938 г. в состав ГУСДС вошли 22 отраслевых отдела, 10 производственных управлений, в т.ч. Южное, Северное, Западное, Индигирское ГПУ, Московское управление с отделениями в Ленинграде, Мурманске, Новосибирске, Владивостоке, Иркутске, Одессе и судостроительная верфь в Качуге. Вся полнота власти на Колыме окончательно перешла в руки НКВД, а начальник ГУСДС получил неограниченные полномочия в зоне деятельности Дальстроя, которая в 1932-1953 гг. постоянно расширялась - от «побережье Охотского моря с устья реки Тауй до села Гижиги, далее граница Корякского и Чукотского национальных округов, государственная граница Якутской АССР, верховье притоков реки Тауй»[5].

В 1936 г. перед Дальстроем была поставлена задача охватить к 1940 г. геологоразведочными работами весь бассейн р. Колыма, часть бассей-

---

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 1596, л. 48.
[2] Там же. Д. 1, л. 2.
[3] Там же. Д. 1596, л. 53.
[4] Там же. Д. 1, л. 145 об.
[5] Там же.

на р. Индигирка, а также бассейна главных притоков Индигирки - рр. Нера и Мома. В 1939 г. началось освоение Чаунского и Чукотского районов, а в 1940 г. - бассейна р. Анадырь. В 1941 г. Дальстрою передавалось побережье Охотского моря (от Пенжинской губы до Охотска) и весь бассейн р. Яна.

29 января 1951 г. специальным указом ПВС СССР была установлена окончательная граница «владений» Дальстроя, которая проходила «по правому берегу реки Лена от Арктического побережья до Алдана, далее по Алдану до 60 параллели, по ней до 138 меридиана и по всему меридиану на юг до берега Охотского моря. В 1953 г. территория районов Дальстроя достигла 3 млн км^2, что составляло более одной седьмой части всей территории СССР»[1].

На этом громадном, совершенно необжитом пространстве заключенные строили автодороги, прииски и рудники, горно-обогатительные фабрики и ремонтно-механические заводы. Только за 1932-1942 гг. «общие капитальные вложения в строительство Дальнего Севера составили 2 млрд 263,9 млн руб.[2] Необходимые грузы и этапы заключенных поступали на Колыму из портов «Дальнего Востока (Находка, Ванино, Владивостока и Сахалина); Запада и Севера (Ленинград, Мурманск, Архангельск, Тикси), а также из портов Черного моря»[3]. Кроме этого, активно использовался Лено-Индигирский водораздел от железнодорожной станции Усть-Кут. Внутренние транспортные связи осуществлялись по Колымской трассе Магадан - Аркагала - Нера протяженностью 1042 км и железной дороге Магадан - Уптар - Красавица протяженностью 98,9 км.

Специфической особенностью «комбината особого типа» являлось массовое применение труда заключенных во всех без исключения отраслях производства и сфере обслуживания. На основе приказа ОГПУ N 237 от 1 апреля 1932 г., подписанного Г.Ягодой, создается Северо-Восточный ИТЛ.

За предвоенные годы в Севвостлаг «доставлено 356 тыс. заключенных, часть которых по освобождению вывозилась с Колымы, другая часть... оставалась работать в Дальстрое по вольному найму»[4].

В 1940 г. рабочую силу поставляли уже 7 управлений лагерей УСВИТЛа: Заплаг, Севлаг, Юглаг, Юзлаг, Теньлаг, Дорлаг, в состав которых входили 354 лагерные зоны. В 1953 г. в системе Севвостлага было 26 лагерей и 168 лагпунктов, 392 жилые и 189 производственных зон. В тяжелейших условиях Севера за счет жесточайшей эксплуатации труда заключенных Дальстрой наращивал добычу золота, успешно выполняя государственные планы.

Таблица 17

Золотодобыча Дальстроя[5]

Год	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942
Химически чистое золото, кг	511	791	5515	14458	33360	51515	62008	66314	80028	75770	73144

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 1596, л. 49.
[2] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 5, л. 5.
[3] Там же. Д. 340, л. 101.
[4] Там же. Д. 5, л. 49.
[5] Там же. Д. 6, л. 9.

В годы войны, несмотря на снижение численности рабочей силы с 216,4 тыс. человек. в 1940 г. до 167,7 (на 1 июня 1944 г.), предприятиями Дальстроя было добыто 241 т химически чистого золота, 36 т серебра, 11 934 т олова в концентратах и 178 т вольфрама.

В целом за годы деятельности «комбината особого типа» добыто и сдано государству 1011 т химически чистого золота[1].

2.1. Сельское хозяйство Колымы

Формирование социалистического сектора в сельском и промысловом хозяйстве районов Колымы и Охотского побережья в 1931-1953 гг. неразрывно связано с деятельностью крупнейшего на Северо-Востоке треста особого назначения «Дальстрой».

По решению ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1932 г. на трест кроме задач промышленного освоения было возложено непосредственное руководство партийно-советской, административной и хозяйственной работой с местным, коренным населением Ольского, Среднеканского (образован в 1924 г.) и Северо-Эвенского (образован в 1932 г.) административных районов.

Планомерное крупномасштабное промышленное развитие районов Колымы сопровождалось большим притоком трудоспособного населения, основную часть которого составляли заключенные УСВИТЛа ОГПУ СССР.

Уже в 1933 г. количество снабжаемого Дальстроем населения, включая коренное, увеличилось на 60,7%, а поставки товаров всех видов только на 26,9%.

В 1933 г. в Охотско-Колымский район было доставлено пароходами 81 405 т различных грузов, в т.ч. 38 820 т продовольствия.

Однако этого было недостаточно, и на приисках, особенно в горных районах, ощущалась острая нехватка продовольствия. Обычным явлением были голод и цинготные заболевания.

Короткий период навигации и малый тоннаж пароходов не позволяли наладить бесперебойное круглогодичное снабжение быстро растущего населения Колымы и Охотского побережья.

Таблица 18

Запасы продовольствия на базах Дальстроя на 1/1-1934 г. (в тоннах)[2]

Наименование	Кол-во	В днях
Мука	8586	230
Крупа	774	180
Жир животный	166	137
Жир растительный	145	208
Консервы	406	140

[1] *Бацаев И.Д.* Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 60, 69.

[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 402, л. 130.

Если учитывать, что нормы питания устанавливались приблизительно, то становится ясно, что не обеспечивался даже прожиточный минимум заключенных и вольнонаемных.

Соотношение месячных норм и фактического потребления можно проиллюстрировать на следующем примере.

Таблица 19

Обеспечение приисков на 1/1-1934 года[1]

Товары	Норма в месяц на одного едока	Утинка фактич. обеспеч. в месяц
Мука, кг	23	1,0
Макароны, кг	1	0,3
Сушеные овощи, кг	1	0,3
Соль, кг	0,5	35,3
Крупа, кг	3	1
Жир живот., кг	0,5	-
Жир растит., кг	1,2	0,3
Мясо свежее и соленое, кг	1,5	0,2
Рыба свежая и соленая, кг	5	0,1
Фрукты сушен., кг	0,5	0,1
Чай, г	0,125	36
Сахар, кг	1,2	10
Махорка, кг	0,4	11,0
Папиросы, пачек	10	-
Спички, кор.	-	-
Молоко, консерв. б.	1	5,3
Консервы	10	-

На предприятиях Дальстроя нередко складывалась такая ситуация, о которой сообщала газета «Орочельско-Эвенская правда»: «Среднекан голодает 13 дней. Еще тяжелее положение 400 утинских рабочих. Голодовка не снята с повестки дня. Остановлены все работы. Малейшее промедление - новые пытки голода для рабочих приисков, новая остановка работ»[2].

Таблица 20

Распределение коренного населения по районам[3]

Районы	Всего коренного населения	Тунгусы	Якуты	Камчадалы	Юкагиры
Тауйский	738	356	-	192	-
Ольский	1544	710	145	639	-
Эвенский	1794	1618	-	175	-
Среднеканский	1614	839	639	-	136
Всего:	5690	3523	784	1057	136

Примечание. Русских здесь проживало 190 человек.

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 402, л. 131.
[2] *Орочельско-Эвенская* правда. 1931. 31 дек.
[3] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 402, л. 34 об.

В 1932-1935 гг. в районах деятельности треста было построено 39 поселков, в т.ч. 9 национальных центров с населением 34 717 человек.

Реально сложившаяся ситуация, а также перспективы расширения сферы деятельности Дальстроя потребовали от руководства обратить серьезное внимание на развитие собственного сельскохозяйственного производства.

Начальник планово-финансового отдела треста Л.М.Эпштейн отмечал, что «Дальстрой обязан был задуматься над тем, каким образом эту армию рабочих и служащих Колымы прокормить ...при намеченных больших масштабах работ...»[1].

Выступая на II межрайонном съезде Советов Колымы, первый директор Дальстроя Э.П.Берзин подчеркивал, что «говоря о сельском хозяйстве, необходимо помнить, что в 1932-1933 гг. в это дело мало верили. Думали, что на Колыме ничего не может вырасти»[2].

Для такого подхода были основания, т.к. «сельское хозяйство Колымы, особенно полеводство и растениеводство, требовали больших капвложений для проведения крупных мелиоративных работ по осушению местности - полей, заболоченных в летний период от таяния вечной мерзлоты и отрицательно влияющих на урожайность; работ по отводу рек, паводковых и дождевых вод со склонов гор, размывающих поля посевов и т.д.»[3].

Кроме этого, предстояла большая работа по селекции сельскохозяйственных культур, пригодных для условий Крайнего Севера. В 1933 г. в Тауйском районе на участках «Талон» и «Балаганное» агроном М.С.Отарова начала научные исследования.

«В 1933-1934 гг. было заложено сортоиспытание 6 видов белокочанной капусты... проведена работа по сортоиспытанию зерновых, ячменя и овса. В 1935 г. уже были организованы опытные участки в совхозах под руководством агронома Сонина.

В Тауйском сельхозкомбинате было проведено испытание картофеля, капусты, овса, ячменя. Аналогичные опыты были поставлены в Дукчанском, Ольском, Таловском совхозах»[4].

Кроме этого, агроном В.Э.Фербей провел агрометеорологическое и сельскохозяйственное обследование правобережной части долины р. Таскан. «Геоботаниками Антоновой и Шиницыным были обследованы районы р. Колымы, Сеймчана и др.»[5].

Однако все эти исследования велись разрозненно, носили случайный характер.

«Лишь с приездом на Колыму в 1936 г. А.А.Тамарина была организована Колымская сельскохозяйственная опытная станция, одновременно являющаяся Северо-Восточным филиалом Всесоюзного института растениеводства»[6].

---

[1] *Новая* Колыма. 1987. 24 нояб.

[2] ГАМО. Ф. 51, оп. 1, д. 4, л. 20.

[3] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 642, л. 64.

[4] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 131, л. 77.

[5] Там же.

[6] Там же.

С 1936 г. КОС начала плановую научно-исследовательскую работу.

Создание собственной сельскохозяйственной базы на Колыме планировалось осуществить в несколько этапов:

«1. В первую очередь должны были быть созданы совхозы Дальстроя в непосредственной близости от Колымы, чтобы отказаться от завоза овощей из центральных районов Союза.

2. Создание сельскохозяйственных предприятий уже в самом районе Дальстроя по побережью, которое отличается более мягким климатом.

3. И только после этого должен начаться этап сельскохозяйственного освоения в глубинных районах, в тех местах, где будет сосредоточена основная масса рабочих»[1].

Однако на практике сельскохозяйственный сектор Дальстроя формировался одновременно с развитием промышленного производства.

«Первые совхозы в своем большинстве возникали стихийно, находили среди гор подходящую площадь и строили совхоз. Совхозы располагались на заболоченной местности почти в большинстве - торф с илом или песком... ...Вложенные большие средства на раскорчевку, перепашку полей... в первые годы не давали урожайности... ...Требовали больших привозных и местных удобрений для того, чтобы сделать их пригодными для выращивания сельскохозяйственных культур»[2].

По объективным причинам 1932-1937 гг. были наиболее трудными в истории сельского хозяйства: в эти годы создавались и организационно-хозяйственно укреплялись совхозы Дальстроя и национальные колхозы.

Социалистический сектор сельского хозяйства формировался на основе двух форм собственности - государственной и колхозно-кооперативной. В 1932-1933 гг. появились первые совхозы Дальстроя: «Дукча», «Тауйский», «Сеймчан» и «Талая».

Совхоз «Дукча» являлся базой снабжения населения Нагаево-Магаданского района.

3 января 1935 г. приказом N 6 по Дальстрою было создано УМР - руководящий центр сельского хозяйства и рыбозверобойного промысла. В апреле 1936 г. УМР реорганизовано в два управления: ПУСПХ и КУСПХ.

Первое было образовано на базе Тауйского рыбокомбината и объединяло Ольский, Ямский и Наяханский промхозы, Дукчанский совхоз и Хасынский леспромхоз. В состав второго вошли совхозы «Эльген» (СГПУ), «Сеймчан» (ЮГПУ) и оленеводческий «Талая» (УМР)[3].

Основные задачи ПУСПХ и КУСПХ - изучение в районах почвенных, климатических, агрохимических и экономических условий, оказывающих влияние на развитие сельского хозяйства; развитие животноводства, оленеводства, полеводства, огородничества; испытание в северных условиях сельскохозяйственных машин и электрификация сельскохозяйственного производства.

---

[1] *Колыма*. 1936. N 4. С. 29.

[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 642, л. 65.

[3] *Козлов А.Г.* Преобразования сельского и промыслового хозяйства Колымы // Краевед. зап. Магадан, 1984. С. 48.

В августе 1938 г. оба управления были реорганизованы в управление рыбопромыслового хозяйства (пос. Веселая) и управление сельского и лесного хозяйства (совхоз «Дукча»). Первое объединяло рыбпромхозы, второе - совхозы.

В результате произошло выделение сельского хозяйства в самостоятельную отрасль. На управление сельского и лесного хозяйства возлагалось руководство сельскохозяйственной деятельностью всех управлений и организаций районов Колымы и Охотского побережья.

С 1934 г. базой для развития сельского хозяйства становится Тасканская долина, «расположенная вблизи крупной горной промышленности. Долина исключительно благоприятна... ...Несколько десятков тысяч га лугов и земель... которые сравнительно с небольшими для Крайнего Севера капитальными затратами могут быть использованы и превращены в поля. Продукция этой долины помимо Тасканского горнопромышленного района может легко доставляться вниз по Колыме в районы Утинки и Оротукана»[1].

В это же время началось освоение богатой лугами Сеймчанской долины, которая в дальнейшем стала базой кормопроизводства. С большими трудностями развивалось животноводство. В 1933 г. в совхозы «Эльген» и «Сеймчан» было завезено 30 коров, в 1935 г. в совхоз «Сеймчан» доставили 82 яка с целью выведения мясо-молочного скота для вьючных перевозок[2]. В 1936 г. все совхозы КУСПХ имели 146 яков, 236 свиней, 59 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 21 корову.

Что касается оленеводческих совхозов «Талая» (организован в 1932 г.), «Буксунда» (организован в 1936 г.), «Челбанья» (организован в 1937 г.), то они на первом этапе выполняли роль транспортных структур: на оленях перевозили более 50% грузов Дальстроя.

Начало планового развития животноводства относится к IV кварталу 1936 г., когда в совхозы КУСПХ было завезено 208 голов крупного рогатого скота.

Если обратиться к истории, то животноводством на побережье Охотского моря и в долине р. Колыма занимались со времени появления здесь русских первопроходцев. Крупный рогатый скот был главным образом у жителей пос. Тауйск и Ола, среди которых преобладали якуты.

По данным Приполярной переписи 1926/27 г., в Ольском районе было учтено 293 головы крупного рогатого скота, в т.ч. 177 коров. Крупный рогатый скот имелся и у якутского населения, кочевавшего в долине р. Берелех и по Сеймчано-Буюндинской впадине. Местный скот нельзя было считать ни мясным, ни молочным. Это была просто тягловая сила. Продуктивность коров не превышала 400 кг молока в год.

В результате селекционного отбора наиболее приспособленными к условиям севера оказались коровы холмогорской породы. Однако завозимый в совхозы и подсобные хозяйства Дальстроя крупный рогатый скот подбирался во Владивостоке без разбора, и на Колыму попадали коровы ярославской, остфризской, бестужевской и других пород, часто погибавшие в непривычных суровых природно-климатических условиях.

---

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 471, л. 3.

[2] Там же. Л. 4.

За 1933-1937 гг. на Колыме было организовано 10 совхозов, в Приморье 5 совхозов и свыше 300 подсобных хозяйств. В Приморье была создана Владивостокская агробаза, ставшая на первых порах важным поставщиком сельскохозяйственной продукции.

Организационно-хозяйственные мероприятия по созданию собственной продовольственной базы на Северо-Востоке дали хорошие результаты. Доля местного производства продукции постоянно возрастала.

В 1936 г. «впервые стала возможным выдача сравнительно значительных масс овощей для удовлетворения нужд Магадана и трассы. В фонд снабжения Дальстроя было передано 1480 т картофеля, капусты и др. овощей.

Объем товарной продукции мог быть и больше, но начавшийся в конце мая (1936 г.) разлив рек принял характер стихийного бедствия, затопив старопахотные участки совхозов «Эльген» и «Сеймчан»... ...Разлив рек Эльген и Таскан по совхозу «Эльген» и рек Колымы и Сеймчана по совхозу «Сеймчан» принял такие размеры, что затопило и прекратило какие бы то ни было сообщения на территориях указанных совхозов, смыло парники»[1].

Таблица 21

Валовая и товарная продукция совхозов Дальстроя (картофель и др. овощи, т)[2]

Показатели	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Валовая продукция Дальстроя	6978,9	11865,9	15919,2
Из них товарная	6618,1	10907,4	14117,2
Приморское управление	975,2	2725,0	4624,0
в % к итогу	14,0	23,0	29,0
в т.ч. товарная	720,6	2211,0	
в % к итогу	10,9	20,3	27,0
Горное управление	31,0	483,0	3722,0
в % к итогу	0,4	4,1	23,4
в т.ч. товарная	15,0	238,7	3110,0
в % к итогу	0,2	2,2	22,0
Колонпоселки	204,0	942,4	2328,0
в % к итогу	2,9	7,9	14,6
в т.ч. товарная	113,9	742,2	1955,0
в % к итогу	1,7	6,8	13,8
Владивостокская агробаза	5768,6	7717,5	5246,0
в % к итогу	82,7	65,0	33,0
в т.ч. товарная	5768,6	7717,0	5245,0
в % к итогу	87,2	70,7	37,2

В течение двух лет доля местного валового производства возросла до 67%, а товарного до 62,8%.

Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции было достигнуто за счет создания новых совхозов, подсобных хозяйств промышленных предприятий, но главным образом за счет усиления эксплуатации труда заключенных и роста их численности в системе сельского хозяйства.

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 460, л. 166.

[2] Там же.

В 1936 г. в КУСПХ из 2729 человек, занятых в сельском хозяйстве, 2433 были заключенными, в ПУСПХ из 3443 человек - 2845 заключенных. В 1940 г. количество заключенных в совхозах увеличилось до 6623.

Их труд широко применялся на раскорчевке лесных массивов под пашню, осушении болот, заготовке сена, в капитальном строительстве и т.д.

В период промывочного сезона «полноценная рабсила из совхозов снималась, и они укомплектовывались главным образом за счет слабосильных рабочих и женщин... что отражалось на выполнении норм выработки»[1]. В овощеводстве в горнопромышленных районах работали заключенные 2-й и 3-й категории[2]. Например, «в совхозе «Эльген» на 1/1-1941 г. трудилось 150 чел. вольнонаемных (в т.ч. бывших заключенных 125 чел.) и 1244 чел. заключенных, из них мужчин 308 и женщин 936 чел.

	Мужчины	Женщины	Всего
Годные к ТФТ	52	246	298
То же к СФТ	26	403	429
То же к ЛФТ	195	210	405

Из общего количества заключенных женщин имелось: кормящих матерей - 137 чел., из них не работали - 60 чел., слабосильных и разутых - 53 чел.

Совхоз находился в весьма трудном положении по причине большого процента слабосильных, инвалидов и кормящих матерей, которые приносят производству только ущерб и убытки»[3].

В капитальном строительстве «за недостатком механического и гужевого транспорта приходилось перемещение материалов производить людьми, иногда на значительное расстояние - до 1,5 км. Основная масса строителей з/к з/к являлись неполноценными (инвалиды, забракованные на работах, требующих физически здоровых рабочих)»[4].

В 1932-1937 гг. за счет мобилизации внутренних ресурсов всех предприятий Дальстроя и была создана материальная база для дальнейшего развития сельского хозяйства.

Таблица 22

Совхозы и подсобные хозяйства Дальстроя[5]

Наименование	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Пашня на конец года, тыс. га	-	0,02	0,1	0,4	1,5	2,1
Теплиц, тыс. м^2	-	0,1	0,1	1,0	3,3	13,4
Парников, тыс. рам	0,2	0,3	1,6	3,6	6,6	11,3
КРС, тыс. гол.	0,1	0,7	0,9	1,2	1,8	2,4
Свиней, тыс. гол.	0,1	0,5	2,3	3,6	8,4	8,7
Лошадей, тыс. гол	1,3	2,1	2,1	3,0	4,1	5,6
Птицы, тыс. гол	-	0,4	0,6	1,1	3,7	5,5
Оленей, тыс. гол.	2,8	4,7	7,2	9,6	14,9	18,3

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 642, л. 70.
[2] Там же. Д. 471, л. 5.
[3] ГАМО. Ф. 108, оп. 1, д. 31, л. 40, 41.
[4] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 402, л. 10; ф. 108, д. 31, л. 52.
[5] Там же. Д. 12, л. 13.

В то же время, несмотря на рост валового производства, увеличение посевных площадей и поголовья продуктивного скота, сельское хозяйство «...по методике ведения хозяйства находилось в экспериментальном состоянии... было подвергнуто случайностям и стихийности»[1].

Удельный вес собственной сельскохозяйственной продукции в общем объеме потребностей Дальстроя по отношению к завозимой был невелик.

Объем сельскохозяйственной продукции, т (1938 г.)

	Завозимое	Местного производства
Мясо	1600	355
Овощи	9000	4300

Наряду с развитием подведомственного сельского хозяйства на Дальстрой была возложена задача создания национальных колхозов. До образования Дальстроя коллективизация в Ольском, Среднеканском и Северо-Эвенском районах проводилась теми же методами, что и на Чукотке: бесконтрольное обобществление и забой оленей, транспортные повинности, произвол в так называемой борьбе с национальным кулачеством.

О периоде сплошной коллективизации журнал «Колыма» писал: «Грубые ошибки, политические ошибки самого оргбюро ВКП(б) привели к тому, что беднота и середняки не поддержали советских и партийных организаций...»[2].

С организацией Дальстроя ситуация несколько улучшилась.

Председатель Тасканского сельсовета якут Винокуров говорил на II межрайонном съезде Советов Колымы: «Мы раньше так полагали, что все русские плохие люди, они только обманывают, а вот теперь как приехал Берзин, он доказал, что русский человек не такой, он старается о нас»[3].

Э.П.Берзин придерживался такой точки зрения, что «реконструкция хозяйства кочевника состоит не в том, чтобы украсить юрту кочевника, оббить ее фанерой, поставить печку, а в том, чтобы подвести под это дело экономическую базу, чтобы он сам видел, что ему выгодно»[4].

Таблица 23

Национальные колхозы на 1 апреля 1933 г.[5]

Районы	Всего хозяйств	Оседлые	Кочевые	Колхозы, артели	Товарищества
С-Эвенский	349	26	323	1	3
Ольский	363	169	194	3	5
Тауйский	216	137	79	3	1
Колымский	340	140	200	-	5
Итого:	1268	472	796	7	14

В 1933 г. коллективизацией было охвачено 45,3% хозяйств, в основном оседлого населения, а в 1936 г. в колхозы объединилось уже 77% хозяйств всех категорий.

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 642, л. 65.
[2] *Колыма.* 1936. N 4. С. 20.
[3] ГАМО. Ф. 61, оп. 1, д. 4, л. 13.
[4] ГАМО. Ф. 51, оп. 1, д. 4, л. 41.
[5] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 405, л. 35.

По официальным данным, коллективизацию в районах Колымы завершили в 1941 г., когда все колхозы были переведены на устав сельскохозяйственной и рыболовецкой артели. На практике небольшие группы оленеводов продолжали вести традиционный образ жизни до начала 50-х гг. В приказе по ГУСДС от 16 сентября 1941 г. подчеркивалось, что «основные стада оленей в районах Колымы находились в индивидуальном пользовании колхозников»[1].

Однако в годы войны, используя добровольно-принудительные меры, частный сектор практически ликвидировали и в колхозах и совхозах сосредоточилось 90% оленепоголовья.

Таблица 24

Поголовье оленей в хозяйствах Дальстроя

Район	1938 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.
Северо-Эвенский				
всего	12633	16489	22586	32332
колхозы	880	1193	10437	15628
колхозники	9322	10276	5149	1072
совхозы	-	5000	7000	15632
единоличники	2431	20	-	-
Ольский				
всего	25161	31844	31773	34215
колхозы	4043	4774	19028	23001
колхозники	8650	7597	3627	2238
совхозы	9770	5339	9123	8976
единоличники	2689	14134	-	-
Среднеканский				
всего	4767	7529	18841	15981
колхозы	-	527	4941	8888
колхозники	-	853	505	149
совхозы	1641	4149	13395	6944
единоличники	3126	2000	-	-

Вне поля зрения советской власти оставалась только Рассохинская группа оленеводов, откочевавшая в тайгу еще в 1932-1933 гг. Они скрывались 18 лет, и только «в марте-апреле 1951 г. находящаяся в бегах группа кочевников (50 чел., 15 000 гол. оленей) подкочевала к Камешковскому сельскому совету и изъявила желание перейти на оседлый образ жизни»[2].

Вступив в колхоз, кочевники сразу же встретились с обманом. Председатель колхоза «Путь Ленина» Заикин, пользуясь их наивностью, закупил у них 1500 оленей по цене 50 руб. за оленя (реальная стоимость была 200 руб.). Для ликвидации конфликта потребовалось вмешательство начальника АГО ДС Д.А.Жучаева.

С момента образования национальные колхозы Колымы активно включились в сферу экономических интересов Дальстроя. Колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов, учитывая навыки населения и потребности развивавшейся рыбной промышленности, специализировались на добыче

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 55.

[2] Там же. Д. 57, л. 3.

рыбы и морского зверя. Кроме этого, в колхозах постепенно развивались молочное животноводство и растениеводство.

В 1938 г. в колхозах Среднеканского района было сосредоточено 80% крупного рогатого скота от общего количества (1640 голов) в колхозном секторе. Становление молочного животноводства в национальных колхозах было связано не только с серьезными материальными трудностями, но и с ломкой психологии коренного населения. «Раньше орочи смотрели на свинью, корову так: раз нельзя ее запрячь в нарты, то она для хозяйства не годится»[1].

Целенаправленная работа по развитию животноводства началась в 1939 г., когда руководство национальными колхозами было передано непосредственно АГО Дальстроя.

Однако основными поставщиками сельскохозяйственной продукции являлись совхозы и подсобные хозяйства предприятий, которые из года в год наращивали производство.

Колхозы и совхозы Колымы сыграли важную роль в период войны, когда резко сократились поставки продовольствия с материка. В эти годы основная задача сельскохозяйственного производства заключалась в постоянном наращивании продукции с максимальным использованием природных ресурсов. Отсутствие концентратов компенсировалось увеличением заготовок собственного сена и силоса. За счет этого совхозы Приморского управления были полностью обеспечены кормами. На Охотском побережье в качестве добавок к кормам использовались морские водоросли и рыба. Много заготавливалось и перерабатывалось ягод, грибов[2].

«Потребности в овощах были покрыты за счет собственной продукции совхозов Дальстроя в Приморье и на Колыме, но нормы снабжения овощами были низкие... для вольнонаемных в среднем 7,5 кг, для з/к з/к на горных работах в среднем 4 кг, для остальных категорий 2,5 кг»[3].

В начале войны непосредственно сельским хозяйством занимались 10 совхозов на Колыме, 5 - в Приморье (совхозы N 1, 3 ст. Дубининская, N 2 ст. Надеждинская, N 4 ст. Возжаевка, N 5 ст. Хоральск) и свыше 310 подсобных хозяйств почти на всех предприятиях[4].

В 1942-1944 гг. за счет собственного производства потребности в мясе удовлетворялись на 46-48%, исключая лагеря УСВИТЛа.

Повышение эффективности сельскохозяйственного производства в совхозах и подсобных хозяйствах было достигнуто за счет экстенсивных факторов.

Предпринятые меры по увеличению посевных площадей, росту поголовья крупного рогатого скота, принудительной концентрации оленей в колхозах и совхозах за счет резкого сокращения частного сектора, а также широкая кампания помощи фронту в разных видах, перевод совхозов и колхозов на режим военного времени позволили поднять валовое производст-

---

[1] ГАМО. Ф. 51, оп. 1, д. 4, л. 19.

[2] ГАМО. Ф. 147, оп. 1, д. 4, л. 3 об.

[3] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 4225, л. 31.

[4] Там же; Д. 4238, л. 104.

во сельскохозяйственной продукции. Однако качественные показатели оставались на низком уровне, особенно в совхозах.

Таблица 25

Совхозы Колымы (без Приморья)[1]

Урожайность	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Картофель, ц/га	93	96	57	91	47
Капуста, ц/га	217	310	194	247	140
Удой на одну корову, кг	2934	2247	1487	1200	1268

В 1946-1953 гг. сельское хозяйство Дальстроя находилось в застойном состоянии. Резко возросла затратность сельскохозяйственного производства, практически прекратилось капитальное строительство и даже элементарное совершенствование материально-технической базы.

В докладной записке о пятилетнем плане развития Дальстроя в 1950 г. сообщалось, что «развитие сельского хозяйства отстает от быстрого роста основной промышленности Колымы... ...Особенно тяжелое положение на предприятиях Чаун-Чукотского, Индигирского, Омсукчанского управлений и т.д.

Состояние сельского хозяйства Дальстроя таково, что без проведения значительных капвложений рост выхода сельскохозяйственной продукции обеспечить невозможно, тем более, что капвложения требуются не только для расширения производственной базы, но и для восстановления амортизированных сельхозпостроек и сооружений и замены изношенных механизмов»[2].

В этот период «потребность населения в овощах за счет местных совхозов покрывалась не более как на 25-30%, по мясу и молоку и того меньше. Товарная продукция колхозов по овощам была настолько незначительна, что она даже не подлежала никакому учету»[3].

Таблица 26

Экономические показатели колхозов Ольского, Среднеканского и Северо-Эвенского районов[4]

Показатели	1940 г.	1952 г.	1940 г.	1952 г.	1940 г.	1952 г.
	Ольский район		Среднеканский район		Северо-Эвенский район	
1	2		3		4	
Неделимые фонды, тыс. руб.	3099	18879	349	14524	676	10179
Денежные доходы, тыс. руб.	5082	6918	802	5418	1325	3557
в т.ч.						

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 190, л. 48, 49, 50.
[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 1448, л. 86.
[3] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 52, л. 94.
[4] Там же. Д. 64, л. 40, 41.

Окончание табл. 26

1	2		3		4	
животноводство	537	897	170	2047	42	262
оленеводство	242	1714	48	295	47	689
рыболовство	3416	2310	124	121	917	1290
растениеводство	263	441	70	644	9	23
Валовой сбор, ц						
картофель	1201	3997	134	818	15	41
овощи	5	10	5	17	-	20

В 1947 г. в ведении АГО Дальстроя находилось 20 колхозов, расположенных в Ольском, Среднеканском и Северо-Эвенском районах.

Таблица 27

Колхозы Колымы[1]

Район	Место расположения	Кол-во трудоспособных			Устав
		муж.	жен.	всего	
Ольский:					
Путь Севера	Ола	46	26	72	р/б артель
Новая жизнь	Гадля	44	24	68	»
Новый путь	Бараборка	78	48	126	»
1 Мая	Сиглан	50	42	92	»
Пробужденный Север	Армань	77	37	114	»
Рассвет	Тауйск	130	72	202	»
Пятилетка	Ямск	87	47	134	»
Рассвет	Гаданжа	69	55	124	»
Оленевод	Тахтоямск	61	47	108	смешанный
Вперед	Туманы	39	29	68	р/б артель
Итого:		681	426	1107	
Среднеканский:					
Красный богатырь	Таскан	45	17	62	с/х артель
Искра	Н. Сеймчан	70	19	89	»
III пятилетка	Балыгычан	46	17	63	»
Светлая жизнь	Нелемное	60	35	95	»
23 год Октября	Эсчан	47	27	74	»
Сталинец	Оротукан	75	26	111	»
Итого:		343	151	494	
Северо-Эвенский:					
Север	Наяхан	15	5	20	р/б артель
Новый путь	Таватум	98	71	169	»
Путь Ленина	Гарманда	120	106	226	»
Рассвет	Камешки	89	80	169	»
Итого:		322	262	548	
Всего по районам		1346	839	2185	

В 1952 г. посевные площади в колхозах по сравнению с посевными площадями 1940 г. уменьшились в 2,5 раза, а поголовье крупного рогатого скота, согласно отчетам, увеличилось в 3,5 раза, но с учетом личного

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 20.

сектора - только на 45%. Об «эффективности» колхозов говорит тот факт, что «половина колхозов не обеспечивала потребность в картофеле и овощах даже своих колхозников»[1].

В документах неоднократно подчеркивалось, что состояние дел в сельском хозяйстве «тем более неудовлетворительно, если принять во внимание, что наши колхозы и колхозники полностью освобождены от обязательных поставок продуктов сельского хозяйства и от уплаты подоходного налога государству, что в значительных размерах кормят скот за счет привозимых из центральных районов кормов»[2].

В то же время отмечались факты, когда из-за элементарной бесхозяйственности многие колхозы: «III пятилетка», «Сталинец», «Светлая жизнь», «Рассвет» и др., с большими сложностями и убытками реализовывали свою продукцию - сливки, молоко, картофель, капусту. «В этих колхозах было распространено мнение о бесполезности увеличения производства сельскохозяйственной продукции»[3].

Одной из главных причин неудовлетворительного положения в растениеводстве и животноводстве руководство Дальстроя считало полное отсутствие в колхозах даже примитивной механизации. Все работы выполнялись вручную. Действительно, на Колыме не было ни одной МТС, а трактора и сельхозмашины колхозам не продавались, т.к. они не являлись товаром.

В 1953 г. колхозы владели на правах аренды всего 3 тракторами, 4 автомашинами, 4 электростанциями и очень старым промысловым флотом[4].

«Оленеводство, рыболовство, морской зверобойный и пушной промыслы в большинстве колхозов велись примитивно, с помощью аркана, ножа, кустарных гарпунов, байдар из шкур морзверя, собачьего и оленьего транспорта»[5].

В послевоенные годы некоторые из колхозов оказались на грани экономического краха. Например, в колхозах Северо-Эвенского района в ходе проверки «был выявлен развал финансовой дисциплины и недопустимо большая дебиторская задолженность, которая возросла с 134 432 руб. в 1940 г. до 847 687 руб. в 1949 г.

В то же время стоимость трудодней колхозников снизилась в колхозе «Путь Ленина» с 48 до 16 руб.; «Новый путь» с 39 руб. до 18 руб.; «Рассвет» с 32 руб. до 9 руб.; «Север» с 50 руб. до 32 руб.

Низкие заработки в колхозах привели к значительному сокращению оленей, находящихся в личном пользовании колхозников»[6].

В Среднеканском районе «при анализе хозяйственной деятельности колхозов были обнаружены массовые примеры бесхозяйственности и массового расхищения имущества колхозов»[7].

В приказе АГО от 23 мая 1952 г. «Об итогах хозяйственной деятельности колхозов Ольского района» отмечалось, что «финансовая деятельность и

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 40.
[2] Там же. Л. 4.
[3] Там же. Л. 45.
[4] Там же. Д. 37, л. 36.
[5] ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 58, л. 72.
[6] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 49, л. 50, 55.
[7] Там же. Д. 64, л. 12.

финансовое состояние колхозов... крайне неудовлетворительно. Колхозы «Пятилетка», «Вперед», «Пробужденный Север» проели полностью средства неделимого фонда и не имеют никаких денежных средств»[1].

Положение оказалось настолько серьезным, что председатели колхозов были вынуждены постоянно авансировать своих колхозников, спасая их от голодной смерти, но они таким образом совершали тяжелое преступление.

В 1952 г. за растраты были привлечены к уголовной ответственности как «враги колхозного строя» бывшие руководители колхоза «Пятилетка» А.Кочеров, Ф.Ф.Ковальский, Данилов, П.И.Данилов, Е.Н.Бахов и А.Г.Цой, колхоза «Рассвет» Родителев и Алексеев, колхоза «Вперед» А.Трифонов, И.Н.Шахурдин и др.[2]

После этого категорически запретили выдавать ссуды колхозникам, а также производить выплату задолженности колхозников по подписке на займы.

Социально-бытовое положение колхозников было крайне тяжелым. Проведенное в 1952 г. обследование выявило, что «...значительная часть семей колхозников проживает скученно в одном домике по 3-4 семьи, причем часть домов не оборудована, без кирпичных печей, с железными времянками, которые дымят и создают невыносимые условия для нормальной жизни людей. Кроме этого, нет вторых окон, двери не утеплены, стены плохо проконопачены и не оштукатурены, в квартирах холодно. В значительной части квартир колхозников примитивная мебелировка - топчан, скамейка и грубо сколоченный стол... постельными принадлежностями служат оленьи шкуры. На 1184 хозяйства имеется только 600 домов»[3].

Особенно тяжелыми были условия жизни в Тауйском колхозе «Рассвет», «Победа», в Тахтоямске, Гаданже, Ямске.

Такими вот оказались плоды политики насильственного оседания, проводимой с начала 30-х гг.

В 1932-1939 гг. строится 105 двухкомнатных домов, в 1940-1942 гг. - 233, а в годы войны строительство прекращается. За 1945-1950 гг. колхозы своими силами построили 60 домов, в т.ч. в Ольском районе - 30, Среднеканском - 10 и Северо-Эвенском - 20. Однако коренное население отказывалось добровольно переходить на оседлый образ жизни в таких домах.

Вследствие того, что выбор хозяйственных центров для оседания проводился неправильно, население поселков Наяхан, Хурчан, Меренга, Колтук, Эсган в 1932-1939 гг. «побросало все возведенные для них постройки и снова начало кочевой образ жизни»[4].

Характерно, что руководство Дальстроя не только не учитывало специфических условий труда и быта коренного населения, но и не понимало этой проблемы.

Ответ искали, как обычно, во вредительстве: «С целью дискредитации... а главное подорвать у населения веру в целесообразность перевода (на

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 55, л. 21.
[2] Там же. Л. 23.
[3] Там же. Д. 64, л. 34.
[4] Там же. Д. 52, л. 80.

оседлость. - **И.Б.**) сидевшие тогда у руководства враги народа и кулачество навязывали населению места для оседания в глухой тайге, затопляемые водой и находящиеся от экономических баз на расстоянии 70-80 км»[1].

Порочная политика продолжалась на Колыме и в 50-е гг. В ходе укрупнения колхозов коренное население селилось в необустроенных центральных усадьбах, где для многих из них не было привычной работы. В результате потомственные охотники становились скотниками, истопниками, подсобными рабочими и т.д. В поселках быстро развивалось пьянство.

Начальник АГО Д.А.Жучаев в своем отчете сообщал: «Значительная часть орочей, камчадалов и якутов имеют болезненное пристрастие к спиртным напиткам... ...Они расходуют на покупку спиртного до 70% своего заработка»[2].

Часть коренных жителей просто деградировала, лишенная обычной обстановки. Снижалась их рождаемость, и росла смертность. В 1948 г. Д.А.Жучаев писал председателю исполкома Хабаровского краевого Совета, что «АГО ДС располагает весьма плачевными данными по естественному приросту коренного населения (орочей, чукчей, якутов, юкагиров и камчадалов)»[3]. В 1936 г. в Северо-Эвенском районе проживали 1452 человека коренного населения, в т.ч. орочей 1389, камчадалов 73. На 1 января 1948 г. их осталось только 789 человек, в т.ч. орочей 732. Лишь в 1947 г. от эпидемий умер 161 человек.

В среднем каждый год в течение 11 лет коренное население уменьшалось на 61 человека. В Среднеканском районе за 4 года (1944-1948) оно сократилось с 820 до 764 человек. Аналогичное положение было и в Ольском районе.

«Эти данные говорят о катастрофическом положении с естественным приростом коренного населения Колымских районов»[4].

Основной причиной был туберкулез, который поразил 75-80% коренного населения.

Данные факты выявила медицинская экспедиция Министерства здравоохранения РСФСР, обследовавшая национальные районы Колымы с 23 июля по 20 ноября 1951 г. Было установлено, что «больничная сеть крайне плохо оборудована. Нет рентгеновских установок, лабораторий, необходимые медикаменты либо отсутствуют либо их мало. Питание больных совершенно неудовлетворительное»[5]. Из-за плохого медицинского обслуживания на центральных усадьбах колхозов неоднократно вспыхивали эпидемии кори и гриппа, «была большая смертность коренного населения всех возрастов»[6].

Конечно, руководство Дальстроя принимало меры по улучшению положения в колхозах, однако последствия коллективизации в рамках сложившейся системы уже приняли необратимый характер.

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 52, л. 80.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 46, л. 24.

[4] Там же. Л. 25.

[5] Там же. Д. 49, л. 32.

[6] Там же. Л. 31.

В 1950 г. начался процесс укрупнения колхозов с целью повышения их эффективности и улучшения социально-бытовых условий колхозников. 20 колхозов были реорганизованы в 9 сельскохозяйственных и 7 рыболовецких артелей.

Требовались кардинальные изменения не только в колхозах, но и в совхозах, эффективность производства которых в начале 50-х гг. очень снизилась.

Руководство Дальстроя признавало, что сельское хозяйство весьма небольшое и не удовлетворяет потребности населения. Так, в 1953 г. жители г. Магадана получали от совхозов и подсобных хозяйств только 17% молока, 10 - мяса и 11 - яиц. Производство сельскохозяйственной продукции в совхозах было убыточным и поддерживалось за счет государственных дотаций (в 1953 г. они составили 65 млн руб.).

Положение резко ухудшилось, когда была объявлена амнистия. Из 145,7 тыс. заключенных было освобождено 84,4 тыс. В совхозах обострилась проблема рабочих кадров. После распада сталинского ГУЛага и образования Магаданской области сельское хозяйство пришлось создавать заново.

В письме на имя Председателя СМ СССР Г.М.Маленкова и секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева от 3 мая 1954 г. сообщалось, что «Магаданская область нуждается в серьезной и неотложной помощи в решении вопросов по сельскому хозяйству. В настоящее время сельскохозяйственное производство в колхозах ведется примитивно, все работы выполняются при помощи ручного труда. В совхозах области недостает рабочей силы, что является серьезным препятствием в развитии сельского хозяйства. Просим передать колхозам области 12 060 чел. специального контингента»[1].

Дальстроевская система сельского хозяйства рухнула.

Катастрофическое положение в сельском хозяйстве Колымы, сложившееся к началу 50-х гг., явилось логичным финалом сталинской аграрной политики.

Почти за четверть века своего развития колхозно-совхозная система, ставшая монополистом, не смогла решить ни продовольственной, ни социальной проблемы.

2.2. Рыбная промышленность Дальстроя

До 1930 г. рыбный промысел на Колыме и Чукотке имел натуральный потребительский характер.

Заготовкой рыбы на Охотском побережье «...занимались ряд организаций, а также частные рыбопромышленники и коренное население»[2].

В 1929 г. промышленный сезонный лов вели АКО и Охотсксоюз. В 1935 г. на базе этих промыслов создан Охотско-Аянский госрыбтрест, не входивший в систему Дальстроя. В 1930 г. основные рыбные промыслы

---

[1] ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 46, л. 14, 17.

[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 551, л. 131.

Колымы были переданы Интегралсоюзу, а в 1933 г. - Охотско-Колымскому Коопсоюзу. Перед последним ставилась задача «по использованию и развитию ресурсов местного и второстепенного значения и реконструкции хозяйства коренного населения»[1] путем образования колхозов и смешанных товариществ.

Коопсоюз в основном опирался на сеть колхозов. Лишь в прилегающих к Нагаево районах имелись небольшие предприятия, им же созданные. Какой-либо системы в организации добычи и переработки рыбы не существовало. К тому же «при приемке колхозно-кооперативной сети от интегралсоюзов оказалось, что колхозы находились в стадии организации и недостаточно оформлены как хозяйственные единицы»[2].

Обработку рыбы и выпуск готовой продукции производил Коопсоюз, а колхозы были заняты в основном ее добычей. «Удельный вес участия колхозов в вылове рыбы составлял за сезон 1933 г. около 80% всего вылова Коопсоюза, в то время как обработанной продукции колхозы сдали не более 10-15%»[3].

Рыбная промышленность в приморских районах Колымы стала развиваться в период организации и становления Дальстроя. С образованием в 1932 г. этого треста добыча рыбы на Охотском побережье стала приобретать более организованный плановый характер.

При острой нехватке продовольствия руководство Дальстроя было заинтересовано в расширении существовавших промыслов и переводе их на промышленную основу. Рыбная путина 1933 г. показала, что «при своевременном снабжении материальными ресурсами и людьми район (Колыма) не только будет обеспечен рыбой, но и даст значительные товарные излишки»[4].

В 1934 г. рыбное хозяйство Коопсоюза было передано в ведение Дальстроя. Промысловый район «охватывал пространство от бухты Шестакова... и до правого берега реки Гижига. Береговая полоса составила около 850 морских миль»[5].

Рыбное хозяйство треста организовывалось на побережье северо-восточной части Охотского моря и в устьях впадающих в него рек: Тауй, Яна, Армань, Ола, Наяхан. «Активный глубинный лов совсем не применялся, а морской лов сосредотачивался на береговых морских участках»[6]. Основным объектом рыбного промысла были рыбы лососевых пород, но уже в 1932-1933 гг. стал быстро развиваться лов нерестовой сельди и в незначительных количествах трески, наваги, корюшки, окуня, камбалы. Кроме этого, в 1933 г. провели опытную заготовку рыбы в районе приисков.

В начале 30-х гг. развитие рыбной промышленности сдерживалось почти полным отсутствием материально-технической базы. На создаваемых промысловых участках не хватало бочек, сетей, неводов, засольных чанов,

---

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 705, л. 14.

[2] Там же. Л. 14 об.

[3] Там же. Д. 405, л. 35.

[4] Там же. Д. 402, л. 3.

[5] Там же. Д. 551, л. 131.

[6] Там же. Л. 134.

промысловых и транспортных судов. Мортран в 1933 г. «опирался в своей работе на плавсредства, которые он получил от Совторгфлота. Чтобы представить себе состояние этих плавсредств, достаточно указать, что 22 принятые единицы... были расценены в сутки 42 750 руб., а некоторые... ввиду значительной их поврежденности были приняты без цены. В необорудованной мастерской, наполовину защищенной от открытого неба, при ветрах, при суровых морозах, в среднем от 35 до 40°, при отсутствии опытных технических сил и квалифицированных рабочих Мортран выполнял свою судостроительную программу»[1].

Таблица 28

Динамика речного транспорта Дальстроя[2]

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Кол-во судов:										
самоходные	1	9	13	29	27	41	57	54	49	57
несамоходные	-	10	23	45	56	71	97	100	100	108

Начиная с 1935 г. и особенно в 1936 г. на промыслах Дальстроя развернулась большая работа по созданию производственной базы. Были «построены ледники-выхода, засольные сараи, икрянки, расширены засольные возможности в целом»[3].

Усиленное внимание к развитию отрасли в середине 30-х гг. было связано в первую очередь с быстрым ростом населения колымских районов. За 1932-1941 гг. на предприятия Дальстроя было «завезено 356 тыс. заключенных, часть которых по освобождению вывозилась с Колымы, другая часть... оставалась работать по вольному найму»[4].

Все это требовало развития собственной продовольственной базы, важное место в которой отводилось рыбной промышленности.

Уже в первые годы своего становления рыбное хозяйство Дальстроя и колхозы значительно повысили добычу рыбы.

Важную роль играли колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов, дававшие более 70% всей добычи.

Таблица 29

Динамика добычи рыбы-сырца (тыс. ц)[5]

	1929 г.	1932 г.	%	1933 г.	%	1934 г.	%	1935 г.	%	1936 г.	%
Всего	22400	67339	100	56538	100	141744	100	108651	100	132045	100
ДС колхозы колонпоселений	-	34316	51	39323	70	100744	76	74451	68,8	96945	73,4
концессии	-	15836	23,5	11083	19,8	19100	13,4	19100	13,8	19100	14,5
др. организации	-	17187	25,5	6132	10,2	15000	10,6	15100	27,4	16000	12,1

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 402, л. 34.
[2] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 12, л. 12.
[3] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 476, л. 202.
[4] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 5, л. 49.
[5] ГАМО. Ф. 23, оп.1, д. 551, л. 132.

Кроме колхозов производственными центрами рыбной промышленности Колымы в рассматриваемый период были колонпоселки. Они явились одной из форм колонизации районов Севера, разработанной ОГПУ в 1932 г. Во Временном положении подчеркивалось, что «в целях осуществления задач колонизации и оседания исправившейся части з/к з/к при лагерях ОГПУ создаются колонизационные поселки. На поселение переводятся только тщательно проверенные заключенные из числа лучших на производстве и в быту, удовлетворяющие следующим требованиям:

а) происхождение из рабочих и крестьян и служащих, осужденных за бытовые, должностные преступления;

б) аграрники (бедняки, середняки, кулаки), осужденные по 58^{10} и 58^{11} ст. УК (ни в коем случае по другим ктр-р статьям)»[1].

Не разрешался перевод на поселение служителей религиозных культов и сектантов-активистов.

На Колыме добыча рыбы была организована в колонпоселках Балаганном, Ударнике, Оле, Веселой, Темпе, Умре, а в Ямске и Наяхане, кроме этого, было налажено бондарное производство.

В 1936 г. колонистами-заключенными было добыто 1807 и обработано 5277 ц рыбы, изготовлено 33 278 бочек и 316 засольных чанов.

В генплане развития Дальстроя в 1937-1947 гг. подчеркивалось: «учитывая необходимость вовлечения коренного населения в рыбное дело и необходимость колонизации края с 1938 г., добыча рыбы сосредотачивалась в колонпоселках и колхозах»[2].

Однако поднявшаяся в 1937 г. волна репрессий повлекла за собой ужесточение лагерного режима, а в 1940 г. началась деколонизация. Расконвоированных заключенных возвратили в лагеря.

В 1938 г. в структуре Дальстроя было создано самостоятельное УРПХ. В его состав вошли рыбпромхозы «Арманский», «Ольский», «Усть-Магаданский», «Ямский», «Наяханский». Два последних были приняты от ликвидированного в 1938 г. Колхозсоюза.

Рыбпромхозы имели 4 основных промысловых района: Тауйский (6 промыслов - Балаганное, Яна, моребазы N 1 и 2, Армань, Окса), Ольский (7 промыслов - Усть-Магадан, Атарган, Бугурчан, Умра, Ола, Сивуч, Сиглан), Ямский (3 речных промысла на рр. Яма, Ireть и Туманы), Наяханский (5 промыслов - Наяхан, Большая Гарманда, Малая Гарманда, Таватум, Вилига).

Перед УРПХ и колхозами была поставлена задача «преодолеть вредительство» арестованного руководства Дальстроя и резко увеличить добычу рыбы, в первую очередь за счет добычи нерестовой сельди. В плане развития подсобных производств в III пятилетке отмечалось, что «запасы сельди еще не тронуты и огромны. Ни в каких других районах ДВК нет такого бурного, массового ее подхода во время нереста»[3].

В Тауйской губе в 1936 г. одним неводом добывали свыше 9000 ц сельди при самой высокой норме в других районах ДВК 2000-3000 ц.

---

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 35, л. 2, 4.

[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 551, л. 140.

[3] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 101, л. 72.

Материально-техническая база рыбпромхозов в 1939 г.[1]

Промысловый флот	Кол-во	Сетеснасти	Кол-во	Чановое хоз-во	Кол-во
Моторные катера и кавасаки	20	Невод ставной	16	Чаны	1092
				Емкость, ц	109,2
Безмоторные кунгасы	125	Невод закидной	100		

Материальная база рыбпромхозов постепенно улучшилась, но в целом она не отвечала потребностям.

Из-за слабой ремонтной базы до «50% промыслового флота в течение путинного и промыслового периода находились на приколе... ...Механизации, хотя бы и примитивной в применении к основным производственным процессам, на промыслах Управления не имеется, и это обстоятельство оказывает свое отрицательное влияние на производительность труда и качество продукции»[2], - отмечалось в отчете Дальстроя за 1939 г.

На производственную деятельность рыбпромхозов отрицательно влияло отсутствие собственного каботажного флота для бесперебойного снабжения промыслов и вывоза готовой рыбопродукции, а также крайняя нехватка транспортных средств. В начале 1941 г. УРПХ имело всего 9 автомобилей ЗИС-5, ГАЗ-АА и 11 тракторов типа ЧТЗ, ХТЗ, СТЗ[3].

Из-за нехватки средств и стройматериалов медленно развивалось складское хозяйство, а созданные базы хранения представляли собой «в буквальном смысле слова кладбище для погребения государственных ценностей. Рыба сваливалась на неблагоустроенной, даже неогороженной территории в порту, в Нагаево, подвергалась действию атмосферных осадков»[4].

Капитальных складов для хранения рыбопродукции «как на промыслах, так и в Нагаево не было вовсе... бочки почти повсеместно находились под открытым небом... рассыхались, тузлук вытекал, продукция ржавела»[5].

Кроме этого, были трудности и объективного характера.

Территориальная отдаленность предприятий УРПХ достигала 1100 км, а связи с ними могло не быть в течение 7-8 месяцев. Например, Наяханский рыбпромхоз имел в своем составе 7 производственно-торговых отделений в радиусе до 200 км без всякой почтовой, телеграфной и какой-либо другой связи. Аналогичное положение было в Ольском и Ямском рыбпромхозах. В результате часто «значительная часть продукции оставалась невывезенной из глубинных пунктов»[6].

Установленные планы в 1938-1940 гг. не выполнялись и в целом «добыча рыбы не получила достаточного размаха»[7].

---

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 4040, л. 20.

[2] Там же, л. 61.

[3] Там же. Д. 853, л. 20.

[4] Там же. Д. 4040, л. 62.

[5] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 101, л. 70.

[6] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 4040, л. 57.

[7] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 101, л. 69.

Таблица 30

Динамика добычи рыбы[1]

	1938 г.	1939 г.	1940 г.	% выпол. плана
Лов рыбы, всего, ц	88074	131962	122483	80,6
Готовая продукция, ц	67621	95681	92722	77,9
Добыто морзверя, гол.	2367	3791	3924	65,4

При относительном росте добычи рыбы и выпуске готовой продукции «население даже таких приморских центров, как Магадан и Нагаево, получало рыбу в ничтожном количестве, население производственных центров, удаленных от моря, не получало ее совсем»[2].

Большая часть рыбопродукции отгружалась на пароходы и доставлялась во Владивосток, а в это время заключенные на Колыме «...стали умирать как мухи»[3].

В предвоенные годы на рыбокомбинатах УРПХ, как и на основном производстве Дальстроя, подавляющее число рабочих составляли заключенные. Их численность на промыслах зависела от общей обеспеченности треста рабочей силой.

В 1940 г. в системе ИТЛ содержались 176 963 человека (111,8% к плану), из них на работах в Дальстрое использовались 139 007 человек. На добыче рыбы применялся труд неквалифицированных и физически ослабленных заключенных категорий «А» и «В», а на рыбообработке - женщин.

В группу «В» входили в основном заключенные-инвалиды, совершенно не пригодные к тяжелому физическому труду. В инвалидном городке близ г. Магадана их содержалось 4950 человек.

В отчете УРПХ за 1940 г. сообщалось, что «использование з/к нельзя признать удовлетворительным, т.к. группа «В» достигает 43 чел. при плане 25 чел. Удельный вес з/к к общей численности персонала группы «А» составляет 67%»[4].

Таблица 31

Использование рабочей силы УРПХ за 1940 г.[5]

Отработано чел/дней		Среднедневной заработок	
з/к	в/н	з/к	в/н
27087	5779	1 руб. 95 коп.	21 руб. 80 коп.

В основе рыбной промышленности Колымы лежал рабский труд заключенных, но главную роль играли национальные колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов. В 1940 г. удельный вес колхозного лова рыбы составлял 53%. Колхозы Ольского района получали от рыболовства 69%

[1] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 8, л. 2.

[2] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 101, л. 71.

[3] Там же. Д. 35, л. 33.

[4] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 8, л. 3.

[5] Там же. Л. 10.

прибыли, а Северо-Эвенского 90%. Валовой доход колхозов в 1935-1940 гг. увеличился с 2247 до 8170 тыс. руб.[1]

Однако внутрихозяйственное положение колхозов оставалось неудовлетворительным. В приказе Главного и Политического управлений Дальстроя N 055 от 17 октября 1940 г. отмечалось, что «колхозы организационно все еще не укреплены и руководят ими плохо. Трудовая дисциплина и производительность труда в колхозах крайне низка. Учет труда... в ряде колхозов находится в состоянии полного развала... ...Колхозы не ведут борьбу за охрану общественной собственности. В колхозах Северо-Эвенского района рыболовное имущество - невода, лодки, бочки после лова оставались на берегах рек, где они подвергались порче и гибели»[2].

Из 5600 тыс. руб., отпущенных в 1940 г. на строительство в национальных районах, к 1 октября 1940 г. было освоено всего 29%. Особенно плохо шло строительство в Северо-Эвенском районе, где из 30 колхозных домов в эксплуатацию в 1940 г. не было сдано ни одного.

Занимая ключевое место в структуре рыбной промышленности Дальстроя, рыболовецкие колхозы влачили жалкое существование.

В предвоенные годы рыбная промышленность Колымы находилась в стадии формирования и организационно-хозяйственного развития. На Охотском побережье сеть рыбпромхозов и колхозов, занятых добычей рыбы, хотя и имела крайне слабую промысловую и перерабатывающую базу, но тем не менее сыграла важную роль в обеспечении продуктами питания в годы войны, когда резко сократилось снабжение с материка.

В условиях военного времени вопрос максимально возможного самообеспечения продуктами питания вольнонаемного населения и заключенных приобрел первостепенное значение.

В 1941-1945 гг., руководствуясь приказом N 00581 народного комиссара внутренних дел Л.П.Берии, Дальстрой свою работу строил, исходя из необходимости жесточайшей экономии расходования материальных ресурсов, денежных средств, трудовых затрат и использования местных ресурсов с тем, чтобы максимально уменьшить завоз из центральных районов Союза[3]. Поставки продовольствия на Колыму резко сократились. Если в 1940 г. они составили 117,7 тыс. т, в 1941 г. - 136,8, то уже в 1942 г. уменьшились до 96,9 тыс. т, из них 47 тыс. т составлял импорт.

В целях увеличения добычи рыбы руководство Дальстроя приняло ряд мер по организационно-хозяйственному укреплению предприятий рыбной промышленности.

В состав Арманского рыбпромхоза было передано хозяйство бывшего колонпоселка Темп УСВИТЛа, а в Ольский рыбпромхоз вошли промыслы «Ударник», «Умра», были освоены новый промысел «Сахарная головка» и участки в устье р. Бугурчан.

В 1941 г. организован новый рыбпромхоз «Сигланский» по добыче лососевых, однако в октябре 1942 г. он был ликвидирован, а его действующие

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 5, л. 58.

[2] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 22, 23, 24.

[3] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 4225, л. 53.

промыслы «Сивуч», «Сиглан» и «Бухта Средняя» переданы Ольскому рыбпромхозу[1].

В первой половине 1943 г. организован Чаун-Чукотский промысел, который в том же году как не дававший результатов был закрыт и передан в ведение Колымснаба[2].

В 1944 г. на основании постановления СНК от 7 мая 1944 г. и приказа по Дальстрою N 421 от 22 августа Наяханский рыбпромхоз (за исключением промысла «Вилига») был передан Наркомату рыбной промышленности[3].

Одновременно от Наркомрыбпрома был принят в систему УРПХ Колымо-Индигирский госрыбтрест Главсибрыбпрома.

В 1945 г. в составе рыбокомбинатов имелось 24 рыбных промысла, которые занимались полной обработкой рыбы.

В условиях войны концентрация рыбопромышленного производства в рамках УРПХ способствовала укреплению централизованного руководства и улучшению координации взаимодействия государственного сектора с колхозами.

Работая в режиме жесткой экономии людских и материальных ресурсов, рыбная промышленность Дальстроя испытывала в 1941-1945 гг. серьезные трудности. Незначительные капитальные вложения в развитие береговой перерабатывающей и добывающей базы в довоенный период, ориентировка на принудительные формы организации труда объективно тормозили процесс ее развития.

В начале 1941 г. материально-техническая база промыслов (и особенно промысловый флот) находилась на крайне низком уровне.

Таблица 32

Наличие и потребности основных средств добычи рыбы[4]

	Наличие на 1/1-1941 г.	Потребность
Рыболовный флот:		
катера	16	45
кавасаки	9	5
кунгасы (8-25 т)	133	202
неводники (5-8 т)	17	20
Орудия лова:		
невод ставной	11	20
невод закидной	4	110
сетки	-	65
вентеря	-	45
моторные лодки	-	12
лодки	76	265
баржи (50 т)	6	20

[1] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 13, л. 4.
[2] Там же. Д. 15, л. 5.
[3] Там же. Д. 18, л. 6.
[4] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 853, л. 6.

Важное значение для развития рыбной промышленности Дальстроя имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», которое обязывало Наркомрыбпром СССР немедленно приступить к организации и расширению рыбных промыслов в этих районах, включая и Охотско-Аянское побережье.

В 1941-1945 гг., несмотря на большие трудности, в рыбпромхозах и на предприятиях Дальстроя было налажено бондарное и тарное производство, наращивались мощности местного судостроения на Арманской судоверфи и ремонтном заводе N 2 в г. Магадане.

В 1943-1945 гг. рыбпромхоз и предприятия Дальстроя для нужд рыбной промышленности изготовили 302 тыс. бочек, 367 деревянных засольных чанов, 122 кунгаса, 215 лодок, 255 ставных и закидных неводов и много другой сетеснастной продукции[1].

По сравнению с довоенным периодом в 1941-1945 гг. изменился состав рабочей силы. В 1941 г. рыбпромхозы перешли на «вольнонаемный состав по всем категориям, кроме рабочих. Удельный вес з/к сократился с 67% в 1940 г. до 45% в 1941 г. ...за счет трудоустройства бывших з/к и найма колхозников»[2].

Таблица 33

Численность занятых на рыбопромыслах Дальстроя[3]

	1940 г.	1945 г.
в/н	990	2010
з/к	1477	535
всего:	2467	2545

Изменение качественного состава рабочей силы было вполне закономерным явлением, вызванным объективными причинами.

В годы войны Дальстрой не получал «свежего пополнения. Численность вольнонаемных за счет освобождения з/к из месяца в месяц увеличивалась, и уже в октябре 1943 г. из 173 851 чел., работающих в Дальстрое (без Приморского управления), 100 000 чел. (57,6%) были вольнонаемными»[4].

Принятые для укрепления материально-технической базы рыбпромхозов меры (использование главным образом труда вольнонаемных), жесткие законы военного времени и высокий патриотизм народа, выразившийся в самоотверженном труде, - все это позволило в 1941-1945 гг. значительно поднять производительность труда в рыбной промышленности.

Таблица 34

Добыча рыбы рыбпромхозами и колхозами Колымы (тыс. т)[5]

1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
12,0	18,4	18,2	16,6	20,1	10,9

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 991, л. 2; д. 1046, л. 56; д. 1085, л. 26.
[2] Там же. Д. 799, л. 62.
[3] Там же. Д. 853, л. 19; д. 1085, л. 26.
[4] Там же. Д. 1013, л. 2.
[5] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 190, л. 50 об.

В годы войны добыча рыбы велась в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях. Например, в 1942 г. ввиду холодной весны и позднего освобождения бухт от льда рыбпромхозы «Арманский» и «Усть-Магаданский» начали лов сельди позднее намеченного, а «Сигланский» и «Ямский» оказались в полном пролове, т.к. бухты не освободились от льда. План добычи рыбы в 1942 г. был выполнен всего на 86,4%[1].

В 1943 г. на промысле «Атарган» при наличии 36 неводов улов составил всего 45% от плана, хотя неводов было поставлено на 17 шт. больше, чем предполагалось по плану. В Ямском рыбпромхозе в период лососевой путины все ставные неводы были сорваны и уничтожены штормом. В Ольском рыбпромхозе ведущие по добыче кеты и горбуши промыслы «Сивуч» и «Сиглан» из-за слабого подхода рыбы не выполнили план и т.д.[2]

Еще более тяжелым положение было в 1945 г., когда установленные орудия лова затопило. В результате план по вылову сельди был недовыполнен на 56,3, по лососевым - на 33%[3].

И тем не менее в годы войны неоднократно отмечалась хорошая работа рыбаков Ольского, Арманского, Усть-Магаданского рыбпромхозов. Во время путины рыбаки и рыбообработчики работали круглосуточно. Лозунг был один: «Все для фронта, все для победы!». Недисциплинированность, халатность, снижение норм выработки рассматривались как саботаж.

В приказе Главного и Политического управлений Дальстроя N 50 от 29 ноября 1941 г. говорилось, что «план должен быть выполнен во что бы то ни стало. Таков закон военного времени... какое-то ни было отставание недопустимо»[4].

На вольнонаемных рабочих рыбпромхозов распространялся указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Материалы на виновных направлялись в «военную прокуратуру не позднее чем на следующий день после установления факта»[5].

В 1941 г. в Ольском рыбпромхозе за нарушение рабочего распорядка и прогулы 18% его состава было отдано под суд[6]. По терминологии НКВД, это был скрытый «саботаж».

А вот в каких условиях работали и жили рабочие-«саботажники» Ольского рыбпромхоза: «Общежития рабочих находятся в антисанитарном состоянии, нет уборщиц, нет ни горячей, ни холодной воды, не имеют постельных принадлежностей, нет никаких культурных развлечений»[7].

Такое же положение было и на других предприятиях рыбной промышленности. Всякое недовольство жестоко подавлялось НКВД. Психологическая обстановка была крайне напряженной.

---

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 4.

[2] Там же. Д. 15, л. 5, 6.

[3] Там же. Д. 26, л. 2.

[4] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 80.

[5] Там же. Д. 1, л. 91.

[6] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 166, л. 134.

[7] Там же. Д. 178, л. 219.

Начальник Дальстроя НКВД комиссар госбезопасности III ранга И.Ф.Никишов говорил на совещании 8 июля 1941 г.: «Если мы не будем сейчас применять мер репрессии, то активизация контрреволюционных элементов может развиваться»[1].

Начальник политуправления И.К.Сидоров подчеркивал, что «дезорганизаторы тыла и носители вражеских настроений есть не только среди заключенных и бывших з/к, они есть и среди договорников и даже среди коммунистов и комсомольцев»[2].

По Колыме поползли слухи.

«Начали говорить о том, что японцы высадились в Гижиге, на Сахалине, в Охотске и скоро высадятся на Колыме ...о передаче американцам Чукотки»[3]. Особенно много говорили о предстоящей эвакуации Магадана. Шла массовая скупка соли и продовольствия. В лагерях «контрреволюционный элемент стал особенно проявлять саботаж в скрытой и открытой форме»[4].

Ответом было усиление режима в лагерях и на предприятиях Дальстроя: «Всякий, кто попытается отлынивать от работы, от выполнения плана, кто не хочет укрепить тыл, кто попытается вносить элементы дезорганизации и паники, - тот враг советского народа, и с ним нужно поступать беспощадно. Партийные организации и политотделы должны помогать органам НКВД, военному суду, прокуратуре в их работе»[5].

Наметившийся отток вольнонаемных с Колымы на «материк» был пресечен суровым приказом N 705, в котором, в частности, говорилось, что «...до окончания войны никто из Дальстроя уволен не будет»[6].

Партийные организации вели усиленную идеологическую обработку рабочих рыбных промыслов, важное место в которой занимали социалистическое соревнование и стахановское движение. В годы войны более 90% рыбаков и рабочих береговых баз были охвачены этой формой организации производства.

В этот период рыбная промышленность Колымы кроме обеспечения собственных нужд Дальстроя выполняла задание по «оказанию помощи центральным районам страны»[7]. В 1941-1944 гг. «Дальстроем в качестве продовольственной помощи было отправлено рыбы и рыбных изделий: в Москву Спецторгу НКВД СССР - 1648 т, в г. Владивосток Горторгу - 318 т и в Хабаровск - 714 т, всего - 2680 т»[8].

Наибольший вклад в добычу рыбы в 1941-1945 гг. внесли рыболовецкие колхозы Охотского побережья. В Ольском и Северо-Эвенском районах добычей рыбы занимались 14 рыболовецких артелей.

В 1942 г. в целях высвобождения рабочей силы для основного производства рыбопромысловое управление передало колхозам Ольского и

---

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 166, л. 150.
[2] Там же. Л. 202.
[3] Там же. Л. 20.
[4] Там же. Д. 178, л. 258.
[5] Там же. Д. 166, л. 205.
[6] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 100.
[7] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 167, л. 32.
[8] Там же. Л. 43.

Северо-Эвенского районов на арендных началах промыслы «Янский», «Сивуч», «Речка», «Туманский», «Вилигинский», «Таватумский», «Наяханский», «Большая Гарманда» и «Малая Гарманда»[1].

Часть рыбопродукции этих промыслов колхозы сдавали на предприятия УРПХ уже в готовом виде.

Добыча рыбы в колхозах осуществлялась «исключительно на мобилизации внутренних ресурсов»[2]. В годы войны многие рыболовецкие бригады значительно перевыполняли плановые задания. В 1941 г. переходящее Красное знамя Главного и Политического управлений Дальстроя было вручено арманскому колхозу «Пробужденный Север», добывшему 9703 ц сельди (121%) и 8157 ц лососевых. В 1942 г. колхозы Северо-Эвенского района выполнили план путины на 111,3%, Ольского на 101,7.

В 1944 г. колхоз «Новый путь» выполнил план добычи рыбы на 146,5%, колхоз «Путь Севера» на 118,4, «Новая жизнь» на 110,7 и т.д. Десятки рыбаков-колхозников были награждены орденами и медалями, среди них А.Трифонов, Н.Скрибикин, Г.К.Бабцев, Н.А.Бушуев и др. Трудовой героизм был массовым явлением.

«Начиная с 1939 г. колхозный лов систематически возрастал и к концу 1944 г. достиг 140 тыс. ц, или 50% всего вылова Дальстроя»[3]. Денежные доходы колхозов от рыболовства в 1944 г. составляли 63%.

Таблица 35

Добыча рыбы колхозами (тыс. ц)[4]

Район	1941 г.	1944 г.
Ольский	84	103
Северо-Эвенский	20	37
Итого:	104	140
% выполнения плана	106	114

В годы войны колхозы по-прежнему арендовали орудия лова и сдавали почти весь улов на переработку рыбпромхозам, которые устанавливали низкие закупочные цены на рыбу-сырец и высокую арендную плату за эксплуатацию промыслового флота.

Запрещая рыбообработку колхозам, рыбпромхозы в то же время были не готовы к приемке большого количества рыбы. Например, в 1941 г. рыбпромхозами и колхозами «было добыто 183 700 ц рыбы, однако значительная часть полуфабриката для копчения и маринадов осталась на промыслах и не была вывезена в Магаданский промхоз, где была сосредоточена переработка рыбы»[5].

Малочисленный буксирно-транспортный флот УРПХ не справлялся с поставленной задачей. Кроме этого, его плавсредства постоянно привлекались на рейдовую разгрузку и погрузку морских судов.

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 90.

[2] Там же. Л. 98.

[3] Там же. Д. 52, л. 85.

[4] Там же.

[5] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 223, л. 51.

Деревянные кунгасы и баржи, не приспособленные для таких работ, часто выходили из строя. В результате срывались графики доставки на промыслы соли, бочек, орудий лова, продовольствия и вывозки рыбы.

Колхозные рыбаки были вынуждены сами доставлять рыбу на переработку за десятки километров. Сколько было выброшено в море испорченной рыбы, никто не знает, но, судя по всему, это количество было велико.

Уделяя главное внимание основному производству, руководство Дальстроя практически не занималось вопросами механизации добычи и переработки рыбы. Ручной труд «господствовал» безраздельно. Особенно тяжелой была работа на выгрузке рыбы из кунгасов и барж. До засольных чанов рыбу доставляли тачками и носилками, а в местах, где было невозможно пристать к берегу, осуществлялась еще и перегрузка в лодки.

Оснащение цехов Усть-Магаданского рыбозавода находилось на самом низком технологическом уровне. Удельный вес деликатесной продукции - рыбы горячего и холодного копчения, маринадов, колбасных изделий - не превышал в 1945 г. 35%. Основная часть сельди и лососевых изготовлялась крепкосоленой.

Таблица 36

Выпуск рыбопродукции (ц)[1]

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Рыба соленая			
кета			
слабосоленая	-	-	-
среднесоленая	1300	5000	500
крепкосоленая	7027	16221	9300
горбуша			
слабосоленая	-	-	-
среднесоленая	4000	5000	5000
крепкосоленая	17206	38294	10319
сельдь			
слабосоленая	-	-	-
среднесоленая	9635	7000	6000
крепкосоленая	25457	30674	24001
Рыба копченая	6850	4022	5004
Маринады	3284	1845	2627
Колбаса рыбная	1017	1285	1441

В 1943-1945 гг. некоторым колхозам Ольского района разрешили рыбообработку, но удельный вес ее в общем количестве был незначительный.

В годы войны рыбная промышленность Дальстроя выполнила поставленную перед ней задачу - население Колымы, кроме заключенных ИТЛ, было полностью обеспечено собственной рыбной продукцией.

В то же время увеличение добычи рыбы в 1941-1945 гг. имело и негативные последствия. В погоне за перевыполнением государственного плана хищнически эксплуатировали нерестовые водоемы. Лов лососевых велся «не только в устье рек и дозволенными способами, но и в верховьях

[1] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 991, л. 2; д. 1046, л. 56; д. 1085, л. 26.

[2] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 39, л. 118.

рек на основных нерестилищах»[2]. Этим занимались не только рыбпромхозы, но и другие организации. Тауйский совхоз, например, вел лов кеты и горбуши в верховьях р. Тауй; Ольская птицефабрика - в верховьях р. Ола, совхоз «Дукча» и другие организации управления сельского хозяйства - в верховьях р. Уптар и т.д. Были совершенно опустошены нерестовые водоемы рр. Дукча, Магаданка, Балахопчан и многие другие. Неоднократно в период путины шел лесосплав по рр. Армань и Хасын, перегораживая реки[1].

В 1946-1953 гг. рыбная промышленность Дальстроя, основанная на экстенсивных формах развития производства и принудительных методах организации труда, находилась в застойном состоянии.

Сложившаяся в годы войны ситуация с финансированием, материально-техническим обеспечением, строительством, в какой-то мере оправданная чрезвычайным положением военного времени, сохранялась и в дальнейшем.

В 1946 г. потребность в рыбной продукции резко возросла, т.к. в Дальстрой прибыло «значительное количество спецпереселенцев и большое пополнение рабочей силы за счет заключенных»[2].

Продовольственное снабжение вольнонаемного населения, и особенно заключенных, ухудшилось, и в 1947 г. произошло «резкое увеличение смертности среди з/к СВИТЛ, значительно ухудшилось их физическое состояние...»[3]

В силу объективных причин в это время Дальстрой не мог рассчитывать на получение сверхнормативного продовольствия, опираясь только на местные ресурсы, развивая сельское хозяйство и промышленное рыболовство. В 1948 г. «в целях лучшего использования рабочей силы, более рентабельной организации производства и использования имеющихся мощностей» на основании приказа начальника ДС МВД СССР N 0180 намечалось «объединить производство Магаданского лагеря, Промкомбината и Управления рыбопромыслового хозяйства в Магаданский производственный лагерь - Маглаг»[4].

Сельскохозяйственные и рыбопромышленные хозяйства преобразовывались в отделения лагеря.

Структура Магаданского лагеря ДС МВД (УРПХ)[5]

Отделение N 3	Рыбозавод промысла Веселая и Марчекан, подсобное хозяйство Маглага
Ольское отделение	Сельхозлагерь «Ола» и Ольский рыбпромхоз
Тауйское отделение	Тауйский сельхозлагерь
Арманское отделение	Арманский рыбпромхоз
Ямское отделение	Ямский рыбпромхоз

В связи с расформированием Маглага 19 ноября 1948 г. был организован рыбопромысловый и сельскохозяйственный лагерь «Рыбсельлаг», объединивший управление рыбопромыслового хозяйства, рыбпромхозы и

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 39, л. 119.
[2] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 188, л. 237.
[3] Там же. Д. 195, л. 158.
[4] Там же. Д. 204, л. 21.
[5] Там же. Л. 22.

сельхозлагеря «Дукча», «Ола», «Тауйск»[1]. Начальником лагеря стал подполковник Баранников.

Реорганизация рыбной промышленности на этом не закончилась.

4 января 1950 г. создано УПХ Дальстроя, в состав которого вошли рыбпромхозы «Арманский», «Ольский», «Ямский», «Усть-Магаданский» и 10 совхозов[2].

Кроме этого, 1 января 1950 г. по решению СМ СССР организован Северо-Охотский госрыбтрест. В него вошли рыбокомбинаты «Гижигинский» и «Наяханский», находившиеся до этого в ведении Охотского треста. Комбинаты объединили 10 рыбозаводов, которые обслуживали 10 колхозов[3]:

Местонахождение	Рыбозавод	Колхоз
Таватум	«Север»	Наяхан
Наяхан	«Путь Ленина»	Гарманда
Большая Гарманда	«Новый путь»	Таватум
Малая Гарманда	«Рассвет»	Камешки
Вархалам	«Путь Севера»	Тополовка
Дресвяная	«Маяк Севера»	Арестово
Гижига	«Расцвет Севера»	Ахавейм
Авеково	«Искра»	Парень
Чайбуха	им. Сталина	Каменское
Тополовка	им. Водопьянова	Каменское

Наяханский комбинат специализировался на добыче сельди, а Гижигинский - лососевых, комбинат в Авеково добывал морзверя, а в Чайбухе и Таловке - сельдь.

На 1 января 1951 г. Северо-Охотский трест имел 18 буксирных катеров типа Ж и БК, 1 малый сейнер, 20 грузовых и 28 промысловых судов, в т.ч. несамоходный флот[4]:

плашкоуты железные	5	кунгасы под рыбонасосными установками	4
кунгасы (50 т)	11	кунгасы рыбные	3
то же (30 т)	1	кунгасы-неводники	3
» (20 т)	1	лодки	22
» (15 т)	12		

Сложившаяся структура рыбной промышленности сохранялась до 1954 г.

В 1946-1953 гг. добыча велась нестабильно и зависела в основном от интенсивности подхода рыбы и состояния рыбных запасов. Из-за отсутствия морских судов для активного лова добыча рыбы осуществлялась по-прежнему пассивными методами в устьях рек и на береговых участках, что значительно сокращало промысловые возможности.

Начальник АГО Дальстроя Д.А.Жучаев докладывал в 1950 г. генералу А.Г.Петренко, что «в Дальстрое, а следовательно, и в колхозах, активный

---

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 204, л. 46.

[2] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 66, л. 8.

[3] Там же. Д. 67, л. 8, 10.

[4] Там же. Л. 39, 41.

лов сельди совершенно не организован, проводится исключительно ставными неводами, для чего необходимо иметь свободные от льда берега, тогда как начиная с 1945 г. по 1948 г. у побережья Охотского района была крайне неблагоприятная ледовая обстановка»[1].

Длительная эксплуатация одних и тех же участков лова в прибрежной зоне и устьях рек привела к резкому сокращению добычи нерестовой сельди в Тауйской губе (с 70 тыс. ц в 1940-1944 гг. до 27 тыс. ц в 1946-1953 гг.) и лососевых в Анадырском заливе и Гижигинской губе. «В результате хищнического лова рыбы лососевых пород реки, впадающие в Охотское море, - Армань, Яна, Ола, Сиглан - были доведены до крайнего истощения. Если в 1944 г. эти реки дали 40 тыс. ц лосося, то в 1949 г. 9,8 тыс. ц»[2].

Таблица 37

Справка о вылове лососевых в реках Ольского района (в ц)[3]

1940 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
24856	40716	4712	3995	9417	5402	9907

В 1948 г. начальник Дальстроя издал приказ N 381 «Об охране и воспроизводстве рыбных запасов в районе деятельности Дальстроя», которым «запрещался лов лососевых рыб в мелких реках, водоемах, заливах: Мотыклей, Амахтонский, Одян, Забияка, Бабушкин и в Ямской губе. Объявлялись запретными нерестовые места на весь период года в реках Тауй, Яна, Ойра, Армань, Хасын, Ола, Яма, Туманы, Вилига»[4]. Однако «при наличии многих приказов по охране нерестилищ нерестилища в таких реках, как Армань, Ола, из года в год хищнически разрушались, что привело к обезрыбию этих рек»[5].

В 1950 г. промысловый лов лососевых в названных реках был полностью запрещен, а в остальных ограничен, но браконьерство продолжалось. В 1952 г. в рр. Ола, Яна, Уптар, Хасын занимались незаконным ловом транзитное отделение 3-го управления Дальстроя, ОЛП N 10, окружной совет «Динамо», пожарная охрана пос. Палатка, Ушосордорлаг Дальстроя 103 км, подрывное хозяйство УМП и др.[6]

В то же время Ямское побережье, наиболее богатое рыбой, предприятиями Дальстроя осваивалось очень плохо. Добычу в новых водоемах сдерживал недостаток промыслового и транспортного флота.

Эффективность пассивных методов добычи, зависевшая от количества выставленных орудий лова, а главное от интенсивности подхода рыбы к берегам, в 1946-1953 гг. неуклонно снижалась.

В 1950 г. основные селедочные промыслы «Атарган», «Сахарная головка», Морбаза N 2, «Пестрая дресва» и др. практически в деле не участвовали из-за отсутствия сельди.

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 52, л. 86.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 114.

[4] Там же. Д. 39, л. 74.

[5] Там же. Д. 52, л. 86.

[6] Там же. Д. 39, л. 6.

Таблица 38

Динамика добычи рыбы колхозами и промхозами УПХ ДС (тыс. т)[1]

Год	Всего	%	лосось	сельдь	прочие
1946	9,1	51,6	4,9	3,0	1,2
1947	8,2	54,4	3,9	3,4	0,9
1948	7,3	43,7	3,9	2,2	1,2
1949	14,3		6,9	5,6	1,8
1950	6,1	63	2,8	3,0	0,3
1951	7,9	80	5,1	2,2	0,6
1952	4,8	48	2,7	1,5	0,6
1953	11,4	117	7,1	3,7	0,6

В 1951 г. неблагоприятная ледовая обстановка и штормовая погода почти полностью сорвали селедочную путину. Колхозы и рыбпромхозы добыли 22 678 ц сельди вместо 51 300 ц по плану.

В 1953 г. с 1 июня прекратился подход сельди и план был выполнен только за счет массового хода горбуши.

Вести добычу рыбы в море рыбпромхозы не могли, т.к. промысловый флот УПХ по своим техническим качествам не мог удаляться от берега далее 5 миль. Имевшийся для активного лова рыбы сейнер на протяжении трех лет (1950-1952 гг.) эксплуатировался без положительных результатов в основном из-за отсутствия квалифицированных кадров.

Аналогичная ситуация складывалась и в Северо-Охотском госрыбтресте. Так, в его отчете за 1950 г. отмечалось: «В настоящее время лов лососевых практически не дает никаких результатов вследствие исчезновения этих пород в местных водоемах. Поэтому основной и единственной промысловой породой Северо-Охотского треста является сельдь»[2].

Таблица 39

Сопоставление добычи рыбы Гижигинским и Наяханским рыбпромхозами 1945-1950 гг. (в ц)[3]

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Гижига: всего	21153	12743	26487	49109	31242	20372
в т.ч. лососевые	2416	4554	3221	2248	2734	703
Наяхан: всего	22922	26272	19082	26471	43126	14092
в т.ч. лососевые	9929	7354	3298	6172	4735	1889
Итого:	44075	39015	45569	75580	74368	34464
в т.ч. лососевые	12345	11908	6519	8420	7469	2536

С образованием Северо-Охотского треста объем добычи рыбы, «несмотря на увеличение количества ловцов, орудий лова и обслуживающего рыбодобычу флота»[4], оставался на низком уровне.

В 1950-1953 гг. потеряли свое значение как основные промыслы «Наяхан», «Таватум», «Вархалам», «Авеково».

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 190, л. 50 об.
[2] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 67, л. 84.
[3] Там же. Л. 14, 18.
[4] Там же. Л. 14.

Таблица 40

Добыча рыбы Северо-Охотским трестом (ц)[1]

	1950 г.		% выполнения плана	1953 г.		% выполнения плана
	план	факт		план	факт	
Всего	105000	34464	32,8	65000	45146	69,4
в т.ч. гослов	10000	4896	48,9	7000	2244	31,1
колхозы	95000	29568	31,1	58000	42902	74,1

В 1953 г. Северо-Охотский трест получил 12 480 тыс. руб. убытков. Одной из причин высокой убыточности явилось низкое качество выпускаемой продукции. Обработка рыбы велась примитивными методами. Например, рыбозаводы в с. Большая и Малая Гарманда (построенные в 1936-1938 гг.), Чайбуха (1936 г.), Тополовка (1949 г.) совершенно не имели стационарных посольных емкостей. В целом по тресту из 1842 чанов емкостью 122 315 ц только 661 имел навесы, а 1181 находился под открытым небом. Во время штормов чаны затоплялись водой, а зимой заносились снегом.

12-13 ноября 1950 г. во время сильного шторма была затоплена вся береговая полоса Гижигинского и Наяханского комбинатов, что привело к гибели 1481 ц рыбопродукции[2]. Ежегодно десятки тысяч центнеров готовой рыбопродукции оставались зимовать на промыслах в открытых чанах, теряя при этом качество.

«Навесы без стен. Засольные цеха имеются только на 2-х заводах. Солехранилищ и складов готовой продукции нет. Соль и рыботовары хранятся под открытым небом»[3]. Ситуация осложнялась неритмичным подходом пароходов, забиравших рыбопродукцию в штормовые осенние месяцы. Борьба за качество в это время велась специфическими (репрессивными) методами: материал на бракоделов направлялся в следственные органы. За отгрузку некачественной продукции в 1950 г. директор Таватумского рыбозавода Мортанов был осужден на 15 лет заключения, а засольный мастер Баранов - на 5 лет условно. Были случаи, когда люди просто бежали в «неизвестном направлении», спасаясь от суда.

Решение вопросов оснащения промыслов современным оборудованием, улучшения жилищно-бытовых условий, повышения материальной заинтересованности подменялось идеологической обработкой и администрированием. Важнейшими недостатками, влиявшим на эффективность труда, признавались «...неудовлетворительное состояние социалистического соревнования и совершенно недостаточная организационно-массовая работа...»[4].

Бедственное положение рыбпромхозов УПХ ДС и Северо-Охотского треста отрицательно сказывалось на экономическом положении колхозов.

В 1946-1953 гг. рыболовецкие колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов полностью зависели от рыбных предприятий. «От государственных поставок колхозы Крайнего Севера были освобождены... ...Они выполняли

---

[1] ГАМО. Ф. 105, оп. 1, д. 67, л. 12; д. 127, л. 5.

[2] Там же. Д. 67, л. 23.

[3] Там же. Л. 21.

[4] Там же. Л. 80.

планы, установленные ГУСДС по вылову рыбы, отстрелу морского зверя и заготовке пушнины»[1].

Внеэкономические методы руководства колхозами, особенно в годы войны, привели к тому, что в 1946 г. «рыболовецкие колхозы Ольского района оказались в катастрофическом финансовом положении»[2].

Положение колхозных рыбаков ухудшилось после принятия Союзнаркомрыбпромом в 1946 г. решения о новом порядке снабжения рыболовецких колхозов. В документе подчеркивалось, что «в целях недопущения разбазаривания государственных и промтоварных фондов на председателей колхозов возлагается ответственность... проверять рыбаков, получивших карточки в части выхода на работу. В случае невыхода снимать со снабжения, а колхозникам, не выполняющим норму выработки, снизить норму до сельхозколхозников. Председателей колхозов, допустивших указанное нарушение, привлекать к уголовной ответственности»[3].

Данное решение совершенно не учитывало ни материально-технических возможностей колхозов, ни изменившейся сырьевой базы промыслов, ни кризисной демографической обстановки среди коренного населения. Данные обследования колымских районов, проведенного в 1948 г., говорили «о катастрофическом положении с естественным приростом коренного населения»[4] и сокращении трудоспособного населения в колхозах.

В 1948 г. СМ СССР принял постановление о выплате надбавок за рыбу, сданную сверх плана, за исключением колхозов Камчатской области и Охотского побережья. Это еще более подорвало экономику национальных колхозов, занятых добычей рыбы.

В решении исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета N 20 от 26 сентября 1952 г. отмечалось, что в Ольском районе «добыча рыбы и морзверя, являющихся важнейшим источником доходов колхозов, в 1951 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилась в 3 раза... ...Колхозы плохо обслуживаются самоходным флотом, неудовлетворительно снабжаются спецодеждой, обувью, продуктами питания на лову. Путинные материалы отпускаются колхозам по повышенным ценам. Рыбпромхозы, являясь второстепенными заготовителями, принимают от колхозов готовую продукцию не по закупочным, а по заготовительным ценам»[5].

Таблица 41

Добыча рыбы колхозами Ольского района (тыс. ц)[6]

	1941 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Всего рыбы	84,0	60,6	43,7	36,9	22,6	36,2

Имея большие потенциальные возможности, рыболовецкие колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов вследствие проводимой политики находились в упадке. Условия труда колхозников на добыче рыбы были

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 13, л. 7.
[2] Там же. Л. 9.
[3] Там же. Д. 39, л. 169.
[4] Там же. Д. 38, л. 25.
[5] Там же. Д. 39, л. 169.
[6] Там же. Д. 1, л. 141.

очень тяжелые. Так, «колхозники Туманского и Тахтоямского колхозов ловили лососевую рыбу вброд в ледяной воде, рыбаки других колхозов на вылове сельди и лососевых не обеспечивались хорошей резиновой обувью и водонепроницаемой спецодеждой»[1], - отмечалось в докладе АГО.

Взаимоотношения рыбпромхозов и колхозов оставались неравноправными. Например, функции Наяханского РПК сводились лишь к скупке готовой продукции у колхозов. В 1947 г. он имел в своем распоряжении всего 5 катеров и 2 тридцатитонных кунгаса, причем катера «Тауйск», «Среднекан» и «Север» были непригодны к эксплуатации.

«Технической оснащенности промыслы не имели, все работы от подачи воды до очистки сточных желобов производились вручную»[2]. Комбинат был не в состоянии выполнять свои задачи, однако рыболовецкие колхозы Северо-Эвенского района были полностью зависимы от произвола дирекции РПК.

«С момента организации рыбокомбината в 1943 г. ни одного года не обошлось без народного суда, причем решения суда на 80% разбираемых дел решались в пользу колхозов»[3].

Работники Наяханского комбината грубейшим образом нарушали договоры и устав колхозов. В 1950 г. «в районе Тайночки был огромный подход сельди... ...Бригада Болдухинова за один замет поймала не одну тысячу центнеров сельди. Рыбу в неводе держали с 7 по 16 июня - несмотря на неоднократные телеграммы комбинат... плавсредств не выделил»[4]. По вине комбината в 1949-1950 гг. только в колхозе «Путь Ленина» было выпущено из ловушек 650 ц сельди, ущерб составил более 400 000 руб.

В 1950 г. при большом подходе сельди колхозы не смогли выполнить план.

Таблица 42

Вылов рыбы колхозами Северо-Эвенского района (ц)[5]

Колхозы	1948 г.	1949 г.	1950 г.	% выполн. плана
Путь Ленина	7546	13910	5747	38,0
Новый путь	2061	9003	675	6,1
Рассвет	7022	11246	2554	24,1
Север	2722	5177	1286	22,4
Всего:	19352	39347	10212	24,3

Снижение добычи рыбы в колхозах и Дальстрое в целом в 1946-1953 гг. отмечалось повсеместно. В 1947 г. колхозы сдали в обработанном виде 24 тыс. ц рыбы, в 1948 г. - 22 тыс. ц, в 1949 г. - 14 тыс. ц и т.д. В результате изменилась структура денежных доходов колхозов: если в 1939 г. удельный вес доходов от рыболовства в колхозах Северо-Эвенского района составлял 90%, Ольского 69, то в 1948 г. в среднем он не превышал 26%[6].

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 49, л. 33.

[2] Там же. Д. 46, л. 64.

[3] Там же. Д. 42, л. 22.

[4] Там же. Д. 49, л. 57.

[5] Там же.

[6] Там же. Д. 52, л. 85, 97.

В 1950 г. начальник АГО писал, что «рыбное хозяйство Дальстроя, оснащенное примитивной техникой, топчется на одном месте и за последние 5 лет находится в состоянии большой запущенности. Из анализа работы рыболовецких колхозов необходимо сделать только такой вывод, что их дальнейшее экономическое укрепление находится в прямой зависимости от развития рыбной промышленности Дальстроя»[1].

Реорганизация рыбной промышленности Дальстроя и создание Северо-Охотского треста положения колхозов не изменили. Кроме производственных проблем на развитие рыбной промышленности отрицательно влияли нехватка квалифицированных кадров и тяжелое социально-бытовое положение колхозников и рабочих рыбпромхозов.

В рыбпромхозах процветали семейственность и назначения на руководящие должности по принципу личной преданности. Контрольные комиссии политуправления Дальстроя ежегодно вскрывали растраты финансовых средств и факты преступной халатности должностных лиц. В колхозах были «плохая трудовая дисциплина, массовые невыходы на работу, распространенное пьянство... случайный подбор безграмотных, безынициативных председателей»[2]. Например, на должность председателя колхоза «Путь Ленина» Северо-Эвенского района был назначен Бондаренко, бондарь по специальности, член ВКП(б), который, причинив колхозу огромный материальный ущерб и лично задолжав, сбежал. Председатель колхоза «Новый путь» Воденеев присвоил 4245 руб. за сверхплановую рыбу. Председатель колхоза «Рассвет» Баков, он же секретарь парткома, чувствовал себя в колхозе безподотчетным хозяином»[3], - сообщалось в справке АГО от 25 сентября 1950 г. начальнику политуправления полковнику В.Ф.Шевченко.

В послевоенные годы в социально-бытовом обустройстве госпромыслов и колхозов практически ничего не изменилось. Рабочие рыбпромхозов жили в землянках и засыпных бараках постройки 30-х гг. Планы по строительству больниц, бань, пекарен, столовых и жилья не выполнялись из-за отсутствия средств.

Еще более тяжелое положение было в тех колхозах, где начиная с 30-х гг. проводилась политика оседания кочевого населения. По состоянию на 1 января 1950 г. в Ольском и Северо-Эвенском районах 300 хозяйств совершенно не имели жилья.

Руководство Дальстроя, имея в виду весь комплекс проблем, признавало, что «задачи, связанные с развитием рыбной промышленности, решаются совершенно недостаточно»[4].

Результаты анализа развития рыбной промышленности Дальстроя в 1932-1953 гг. показали, что созданная структура рыбопромыслового хозяйства и принципы хозяйственных отношений оказались неэффективными и требовали коренной перестройки.

---

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 52, л. 86.

[2] Там же. Д. 49, л. 56.

[3] Там же. Л. 64.

[4] Там же. Д. 52, л. 86.

Глава 3. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАМЧАТКИ

Центральные и южные районы полуострова являлись единственным и по своему уникальным местом на Северо-Востоке, где существовали наиболее благоприятные условия для развития основных отраслей сельского хозяйства.

Природа и климат Петропавловского, Мильковского, Усть-Камчатского и Большерецкого районов способствовали развитию молочного животноводства, полеводства и растениеводства.

В то же время из-за резких перепадов температур и частых заморозков эти районы совершенно справедливо относили к зоне рискованного земледелия. Средняя продолжительность безморозного периода в Большерецком районе, например, составляла 90-116 дней, в Елизовском - 96, Мильковском - 64[1].

Еще в 1909 г. академик В.Л.Комаров, рассматривая перспективы развития сельского хозяйства на Камчатке, отмечал: «Чтобы сделать Камчатку настоящей земледельческой страной, надо ни больше ни меньше как осушить Охотское море, этот колоссальный холодильник, подавляющий камчатское лето своим близким соседством»[2].

Досоветский опыт развития сельского хозяйства на Камчатке традиционными методами указывал на то, что для поднятия эффективности сельскохозяйственного производства необходима не приспособленная к местным условиям система ведения земледелия и животноводства, а особая

Первые попытки развития сельского хозяйства на Камчатке относятся к XVIII в. В 1733 г. местной администрацией было «предписано завести здесь земледелие... но усилия власти привить сельскохозяйственные навыки населению были неудачны, и тогда с берегов реки Лены были привезены на Камчатку 20 русских крестьянских семей, привезших с собою зерно, инвентарь и прочее. Указанные крестьяне акклиматизировались в южной части полуострова - Большерецкий, Мильково»[3].

При Карле фон Веме (1772-1780) «огородничество распространилось по всему полуострову: сеяли репу, морковь, капусту, свеклу»[4].

В период деятельности адмирала Е.Завойко (1850-1854), когда «занятие сельским хозяйством было объявлено обязательным, населению раздавались орудия обработки земли, семена, скот, лошади», были достигнуты наибольшие успехи. Однако, «будучи одним из элементов колониальной политики, насаждаемой сверху путем административных мероприятий, оно прививалось среди населения очень слабо... не имело товарного значения и очень незначительное потребительское»[5]. В 1906 г. начальник Камчатки писал,

---

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 302, л. 205.

[2] *Сергеев М.А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 605, 606.

[3] ГАКО. Ф. 340, оп. 1, д. 1, л. 411.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 412.

что «во времена Завойки существовало принудительное хлебопашество при помощи батогов нерадивым»[1].

В XVIII-XIX вв. предпринимались неоднократные, но неудачные попытки (1740 г., 1804 г. и 1836 г.) развить на Камчатке молочное животноводство и коневодство. С этой целью из Якутии перегонялись (4000 верст) большие стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Животные просто гибли в пути.

Все попытки организовать на Камчатке сельскохозяйственное производство для создания собственной продовольственной базы в досоветский период не увенчались успехом.

В годы гражданской войны население главным образом занималось добычей рыбы и пушного зверя, т.е. наиболее выгодным делом, «сельское хозяйство было заброшено»[2].

После окончательного восстановления советской власти в течение 1923-1927 гг. положение в сельском хозяйстве несколько улучшилось. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 3200 до 5470 голов, лошадей - с 1600 до 2391 головы; посевные площади расширились с 14,7 до 91 га.

Несмотря на определенный прогресс, сельское хозяйство в этот период по-прежнему оставалось натуральным и малопродуктивным. Молочное животноводство и коневодство развивались естественным путем, не удовлетворяя даже внутрихозяйственных потребностей; что же касается земледелия, то оно находилось на уровне огородничества.

Сельское хозяйство как отрасль экономики стало развиваться только в период коллективизации.

Процесс формирования и развития социалистического сектора в сельском хозяйстве центральных районов Камчатки вобрал в себя все основные черты сталинской аграрной политики, но имел по ряду причин и свои специфические особенности.

В отличие от национальных округов и районов, где коллективизация преследовала в основном политические цели, в центральных и южных районах Камчатки, так же, как и на Колыме, создание собственного сельскохозяйственного производства было обусловлено в первую очередь экономической необходимостью, хотя и проводилось теми же принудительными методами.

С развитием на Камчатке в конце 20-х - начале 30-х гг. рыбодобывающей, рыбообрабатывающей, а также лесной и местной промышленности резко увеличился приток мигрирующего и оседающего населения, что обострило продовольственную проблему.

Только за 1926-1937 гг. постоянное население Петропавловского района возросло с 2806 человек до 24 409, Усть-Большерецкого района - с 2435 до 19 538, Усть-Камчатского - с 2177 до 10 434. В целом на Камчатке (включая КНО и ЧНО) в 1926-1945 гг. население увеличилось с 36 300 человек до 145 289. К 1953 г. Петропавловск-Камчатский превратился в крупный полити-

---

[1] *Огрызко И.И.* История развития животноводства на Камчатке в XIX - начале XX вв. // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток. 1973. С. 201.

[2] ГАКО. Ф. 340, оп. 1, д. 1, л. 412.

ческий и экономический центр Северо-Востока, где было сосредоточено свыше 60% населения области(124 335 человек)[1].

Рост населения в центральных районах Камчатки был связан, во-первых, с экстенсивными методами развития промышленности, основанными на примитивной технологии и требовавшими постоянного увеличения рабочей силы, и, во-вторых, с претворением в жизнь решений партии и правительства о создании на Северо-Востоке мощного форпоста социализма.

Естественно, что обеспечить продовольствием такое количество людей за счет постоянного роста внешних поставок было невозможно, поэтому задача создания собственной продовольственной базы диктовалась объективной необходимостью. Методы заселения и освоения Камчатки наложили свой отпечаток и на процесс коллективизации. Колхозы и совхозы создавались в основном за счет русских крестьян - переселенцев из Приморья, Сибири, Центральной России - и демобилизованных солдат РККА.

Таблица 43

Динамика населения Камчатской области за ряд лет[2]

Районы	1926 г.	1936 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Петропавловский	2806	22655	44248	45187	46743	45151	42785	44430
Мильковский	1434	2072	3150	3840	3543	4127	3513	3748
У-Большерецкий	2435	16162	25020	25930	26981	32918	30995	32412
У-Камчатский	2171	8581	14385	14670	14930	18128	18378	18197
Алеутский	368	338	430	454	478	491	496	487
Быстринский	464	615	810	880	954	1132	1320	919
КНО	11638	16442	24738	24510	24510	24879	24518	25200
ЧНО	14979	17082	21050	20888	20758	20228	20169	19896
Всего:	36295	83927	133831	135859	138897	147054	142174	145289

Переселение преследовало две цели: создание местной рабсилы для обеспечения камчатской промышленности постоянными работниками и организация колхозов и совхозов. Одновременно сельское население являлось важным резервом для выполнения сезонных работ на рыбопромыслах.

Переселенческая политика не была изобретением советской власти и имела глубокие исторические корни. В 1849 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев разработал проект правительственной программы о переселении на Камчатку 1000 крестьянских семей, однако не получил полной поддержки. Во второй половине XIX в. было переселено только несколько десятков крестьянских хозяйств.

Поток переселенцев значительно увеличился в период Столыпинской аграрной реформы 1907-1912 гг. В 1916 г. на Камчатке уже имелось 25 крестьянских новопоселений, в т.ч. Авача, Верхнекамчатск, Жупаново, Кресты, Ключи, Мильково, Микино, Паратунка и др.[3] Однако планомерное, крупномасштабное переселение началось только в годы советской власти.

В 30-50-е гг. господствовала точка зрения о том, что сельское хозяйство, несмотря на его важную роль, всегда будет отставать от промышленности,

[1] ГАМО. Ф. 67, оп. 1, д. 4, л. 25.

[2] То же. Л. 36; д. 48, л. 6.

[3] *Огрызко И.И.* Указ. соч. С. 190, 191.

выполняя подсобные функции и являясь бездонным резервуаром материальных и людских ресурсов.

Прибывающие из разных районов страны люди, не имевшие представления о реальных условиях жизни на Камчатке и часто просто обманутые вербовщиками, сталкивались с серьезными социально-бытовыми проблемами. Что касается демобилизованных из РККА, то их судьба решалась в приказном порядке.

Не имея возможности на новом месте без помощи государства создать свое хозяйство, переселенцы были вынуждены идти в колхозы, надеясь улучшить свое положение. Кроме этого, подавляющее большинство переселенцев не имели паспортов и были ограничены в правах. Наиболее охотно они шли в рыболовецкие колхозы, где заработки от лова рыбы были значительно выше, чем в сельскохозяйственных артелях.

В 1931-1933 гг. для обустройства переселенцев в новых, совершенно не привычных для них природных и хозяйственных условиях правительство выделило 8,4 млн руб. (на одну семью - около 2200 руб.). Кроме этого, Акционерное Камчатское общество дополнительно ассигновало 2,9 млн руб.[1]

Коллективные хозяйства в центральных районах формировались компактно, создавая сельскохозяйственную зону вокруг Петропавловска-Камчатского. Это способствовало развитию межколхозных экономических связей и созданию социальной инфраструктуры полуострова. В результате такой концентрации промышленного производства, роста населения и благоприятных природных условий складывалась пригородная система сельского хозяйства.

Было и прямое указание XVII съезда ВКП(б): «Создать... вокруг городов Дальнего Востока... картофельно-овощные и животноводческие базы»[2].

Колхозно-совхозная система в центральных районах развивалась в более тесном контакте с другими отраслями экономики, которые оказывали положительное влияние на развитие в селах социальной и бытовой сферы.

Отличительной чертой коллективизации в районах явилось то, что сельское хозяйство как отрасль экономики создавалось сразу на социалистической основе в форме колхозов и совхозов. Здесь полностью была воплощена генеральная линия партии по аграрному вопросу, сформулированная И.В.Сталиным на XVI съезде ВКП(б). Впереди пойдут совхозы как становой хребет перестройки старого уклада деревни. За ними потянутся многочисленные колхозы как опорные пункты нового движения в деревне.

Уделяя основное внимание совхозам, развитию колхозно-кооперативной сети первоначально отводили вспомогательную роль переходной ступени к созданию единой государственной формы собственности в сельском хозяйстве. Однако низкая эффективность совхозного производства приостановила этот процесс до середины 50-х гг., когда началось плановое преобразование сельскохозяйственных колхозов в совхозы.

В 1929 г. на базе сельхозартели АКО был создан первый на Камчатке совхоз «Петропавловский», а в 1930 г. - «Козыревский» и «Большерецкий». В 1938 г. за счет разукрупнения совхоза «Петропавловский» был организован

---

[1] *Большаков М.* Камчатская область. М.; Л., 1934. С. 121.

[2] *Камчатская* правда. 1940. 29 янв.

совхоз «Начикинский», а в 1950 г. в соответствии с постановлением СМ СССР N 4626 от 15 декабря 1948 г. - «Соболевский». Совхозное производство специализировалось на развитии молочного животноводства, картофелеводства и овощеводства.

Что касается сельскохозяйственных колхозов, то уже в 1932 г. их было 50, и только 5 из них являлись товариществами.

В Петропавловском районе на 1 января 1934 г. колхозы объединяли 290 хозяйств (65,3%), в Мильковском - 264 (83%), в Усть-Камчатском - 309 (60%)[1].

Большое число колхозов не должно вводить в заблуждение, т.к. колхозами их можно было назвать лишь условно и только для отчета. Малочисленные по составу (3-4 двора - уже колхоз!), практически без инвентаря и рабочего скота (а об экономической эффективности говорить вообще не приходится), они являлись на самом деле простейшими объединениями. Например, в колхозе села Пущино Мильковского района было всего 6 человек трудоспособных. В то же время на них распространялись все положения устава сельхозартели.

Создание таких колхозов проводилось директивными методами - село объявляли колхозом, а переселенцы вливались в него плановым порядком. Бывшие военнослужащие селились компактно, создавая так называемые красноармейские колхозы.

Сопротивление коллективизации было отмечено только в Петропавловском и Усть-Камчатском районах, где имелись зажиточные старожильческие хозяйства - колхозы «Николаевский», «Вилюйский», «Козыревский» и некоторые другие.

С целью поднять эффективность сельского хозяйства, укрепить экономику колхозов в 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение об освобождении колхозов Камчатки сроком на 10 лет от всех госпоставок, а единоличников на 5 лет. Решение было очевидным, т.к. колхозы товарной продукции в этот период не производили и работали в основном на себя. Исключение составляли хозяйства Мильковского района, валовой доход которых в 1932-1934 гг. вырос в 4 раза.

Таблица 44

Валовой доход колхозов Мильковского района (руб.)[2]

	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Всего по колхозам района	176790	520651	753883
Стоимость 1 тр/дня	2,73	5,57	5,51

В то же время «рост выплаты на трудодень отмечался только в колхозах «Пушкинский», «Мильковский», «Начикинский», в остальных уменьшался»[3].

Для непосредственного руководства коллективизацией на Камчатке 20 октября 1932 г. создается ОблЗУ, которое просуществовало до 1936 г., а в 1936 г. его преобразовали в земельный отдел Камчатского облисполкома (ОблЗО), в структуру которого входили отделы агротехники, механизации,

[1] *Камчатская* правда. 1935. 2 авг.

[2] Там же. 8 апр.

[3] Там же.

животноводства и землеустройства. В 1946 г. из ОблЗО в самостоятельное подразделение был выделен отдел животноводства. В 1947 г. ОблЗО и областной отдел животноводства объединяют в Камчатское областное управление сельского хозяйства. В июне 1953 г. областное управление сельского хозяйства и заготовок было вновь реорганизовано в областное управление сельского хозяйства.

Вопросами коллективизации до 1940 г. занимался также сельхозотдел АКО, на который возлагалось руководство и совхозами Камчатки.

В 1940 г. на основании приказа Наркомата совхозов СССР от 5 сентября 1940 г. создается управление уполномоченного Наркомата совхозов на Камчатке, а на основании постановления Экономического совета при СНК СССР N 150 от 2 июля 1940 г., совместного приказа Наркомрыбпрома СССР и Наркомсовхозов СССР N 347/278 от 30 июля 1940 г. камчатские совхозы «Начикинский», «Козыревский», «Петропавловский», «Большерецкий», «Карагинский» 30 ноября 1940 г. передаются из состава АКО в управление совхозов.

В 1946 г. управление уполномоченного Наркомата совхозов реорганизуется в Камчатский трест животноводческих совхозов.

Формирование широко разветвленного, многоуровневого бюрократического аппарата в сельском хозяйстве было связано с усилением директивного управления и дальнейшим огосударствлением колхозно-кооперативной собственности.

В то же время в системе государственного регулирования определяющую роль играли не отраслевые структуры управления, а стоявший над ними партийно-советский аппарат, являвшийся стержнем административно-командной системы.

Определив главным направлением повышения эффективности сельского хозяйства контроль и учет («нужно навести железную дисциплину и ответственность»[1]), органы советской власти взяли под полный контроль внутреннюю жизнь колхозов и совхозов, лишая их всякой самостоятельности.

Для иллюстрации директивного планирования экономической жизни колхозов приведем лишь перечень пунктов (не вдаваясь в их детализацию) одного из постановлений Камчатского обкома ВКП(б) от 3 января 1935 г.:

«1. Установить на 1935 г. общий план сева - 2185 га.

2. Установить урожайность: картофеля - 10 т с 1 га, капусты - 13,9 т с 1 га.

3. Установить для районов контрольные цифры вывоза навоза на поля.

4. Установить сроки полевых работ.

5. Обязать райкомы ВКП(б), РИКи, председателей РИКов, правления колхозов и директоров совхозов и МТС безотлагательно пересмотреть планы ремонта сельхозмашин и тракторов. Установить сроки ремонта: до 1 марта - 50% и до 15 мая - 50%.

6. ...Вся советская общественность должна по-серьезному и безотлагательно заняться вопросами подготовки к весенней посевной, оказывая конкретную помощь каждому отдельному колхозу, сельсовету, совхозу, промыслу.

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 11, л. 19.

7. Начальнику ОблЗУ т. Лескову установить строжайшую отчетность о ходе подготовки сева.

Секретарь обкома ВКП(б) В.Орлов.

Зам. пред. облисполкома А.Степанов»[1].

Дело дошло до того, что крайком и обком ВКП(б) обязали заверять сводки о ходе посевной тремя подписями - председателя райисполкома, секретаря райкома ВКП(б) и завРайЗО[2].

В связи с «борьбой за урожай» II пленум Далькрайкома ВКП(б) в своей резолюции, в частности, отмечал: «Пленум предлагает неуклонно руководствоваться указаниями ЦК о том, что во время работы комбайнер подчиняется директору МТС и остановить комбайн может только директор МТС, а комбайнеру подчиняется помощник комбайнера и тракторист. Поле считается убранным только после его приемки от бригадира председателем колхоза, а в совхозах управляющими отделениями или фермой»[3].

Резко возросли проверки и инспекции, на колхозы, совхозы и МТС обрушилась лавина отчетности.

14 июля 1934 г. президиум Далькрайисполкома издал примечательное постановление, отрывки из которого, на наш взгляд, не требуют комментариев: «В связи с выявлением контрольными обходами утайки скота согласиться с предложениями УНХУ о повышении процента контрольных обходов до 15% в среднем по краю и поручить Крайфу отпустить на расходы, связанные с этим, Крайнархозучету 10 тыс. руб. Установить 20 краевых премий на общую сумму 5 тыс. руб. для премирования работников в районах, своевременно и точно проведших учет скота, и хозяйств, обеспечивающих действительную борьбу с утайками»[4]. В 1938 г. СНК СССР отменил распоряжение Наркомзема СССР и Наркомфина СССР о ежегодной отчетности МТС по 10 формам и 1637 показателям.

В условиях низкой производительности труда в сельском хозяйстве при возрастающих потребностях главным рычагом повышения эффективности колхозно-совхозной системы в 30-40-е гг. являлось администрирование, которое осуществлялось и через налоговую политику.

На IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР в 1939 г. был принят закон о сельскохозяйственном налоге, статьи которого гласили: «Статья 1: Сельскохозяйственным налогом облагаются доходы личных хозяйств колхозников - членов сельскохозяйственных артелей и коммун, смешанных и рыболовецких артелей, а также членов товариществ (ТОЗов)... ...Статья 2: Налоги исчисляются с каждого хозяйства по доходу от следующих источников: полеводства, от мяса скота всех видов, сенокосов, огородничества и т.д. А также с доходов единоличников и других не членов колхозов, получаемых в сельской местности от полеводства, животноводства и других отраслей сельского хозяйства... ...Статья 33: За укрытие источников доходов... привлекаются к уголовной ответственности»[5].

---

[1] *Камчатская* правда. 1935. 10 янв.

[2] Там же. 14 июня.

[3] *Камчатская* правда. 1937. 2 авг.

[4] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 12, л. 122.

[5] *Камчатская* правда. 1939. 6 сент.

Кроме этого, на единоличников распространялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1938 г. «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств», в котором, в частности, отмечалось: «Местные партийные и советские органы допускают положение, при котором единоличники фактически уклоняются от уплаты налогов, поэтому надо «покончить с противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника...»[1].

Для усиления контроля за личным хозяйством в 1940 г. Далькрайисполкомом было принято постановление «О запрещении самовольного убоя скота», в котором предлагалось «установить, что забой скота, находящегося в личном пользовании колхозников, единоличников, рабочих и служащих проводится только с разрешения земельных органов и ветперсонала в исключительных случаях и в период массовой выбраковки с разрешения специальных комиссий, создаваемых при сельских Советах, с обязательным участием в них представителей райисполкомов»[2].

Проследим динамику роста налогообложения сельского хозяйства на Камчатке.

В 1939 г. к госпоставкам привлекались единоличники, рабочие и служащие, имевшие скота больше, чем положено колхознику по уставу, а также подсобные хозяйства государственных кооперативных организаций и совхозы АКО.

Единоличники сдавали мясо, молоко, картофель; рабочие и служащие - мясо, молоко; совхозы АКО - мясо.

В 1940 г. вводят дополнительные обязательные поставки кожсырья, которые распространяются на сельскохозяйственные колхозы, колхозников и единоличников. В 1941 г. в связи с передачей совхозов АКО Наркомсовхозу совхозам устанавливаются государственные централизованные планы по сдаче мяса и молока. В 1942 г. вводятся обязательные поставки картофеля и овощей, к которым кроме единоличников стали привлекаться сельскохозяйственные колхозы, колхозники, рабочие, служащие, подсобные пригородные хозяйства государственных и кооперативных организаций.

В 1942 г. постановлением СНК и ЦК ВКП(б) для колхозов Крайнего Севера обязательные поставки кожсырья были заменены обязательной продажей кожсырья и введены дополнительные поставки мяса в фонд РККА.

В 1944 г. в связи с истечением срока льгот для колхозов и колхозников вводят обязательные поставки мяса, молока, шерсти, яиц. Для поставок этих видов привлекались сельскохозяйственные колхозы, колхозники, единоличники. В 1945 г. восстанавливают обязательные поставки кожсырья колхозами. В этом же году рабочих и служащих рыбной промышленности освобождают от обязательных поставок всех видов, на 50% снижены поставки колхозам, находящимся в 15-километровой пограничной зоне.

Учитывая бедственное положение колхозов Камчатки, в 1946 г. постановлением СНК N 3566 от 13 марта по поставокам всех видов, кроме молока, норма была уменьшена на 50% сроком на два года.

---

[1] *Камчатская* правда. 1938. 22 апр.

[2] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 38, л. 14.

В дальнейшем госпоставки постоянно увеличивались, однако налоговое бремя этим не ограничивалось - существовали еще местные налоги, которые включали в себя не только натуральную оплату, но и налог со строений, земельную ренту, налог с транспортных средств (лошадей), со скота, регистрационный сбор с владельцев собак и т.д.

Строгой регламентации подвергалось не только содержание хозяйства в целом, но и материальное положение каждого колхозника и рабочего совхоза. Только 5 января 1934 г. Далькрайисполком «дал распоряжение не препятствовать рабочим совхозов перевозить принадлежащие им дома на территории совхозов, где они работают»[1].

В то же время в распоряжении отмечалось, что «перенос строения может иметь место лишь в случаях действительной нужды и исключительно в отношении рабочих, закрепляющихся на работе в совхозах на продолжительное время»[2]. Бесправным человеком, не имеющим даже своего жилья, было легче управлять, держа его в постоянной зависимости.

В 1935 г., стремясь выйти из тупика, система «делает маневр» с введением нового устава сельхозартели, и в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1934 г. с камчатских колхозов списали задолженность по ссудам Госбанка[3]. Устав разрешал крестьянину иметь в личном пользовании приусадебный участок в 1 га, 4-5 коров, 30-40 овец и коз, 2-3 свиноматки.

Содержание устава создавало видимость экономической свободы. На самом же деле этот документ являлся инструментом эксплуатации, а сталинский лозунг «Сделать колхозников зажиточными, а колхозы большевистскими!» - обманом крестьянства.

На основании нового устава и постановления VII Всесоюзного съезда Советов «местным советам и исполнительным комитетам, земельным органам было приказано «развернуть работу по ликвидации бескоровности и бесскотности хозяйств колхозников»[4].

Массовые обобществления скота в 1930-1935 гг. не дали результатов. На 1 января 1938 г. в колхозах Петропавловского, Большерецкого, Мильковского, Усть-Камчатского районов состояли 1777 хозяйств, из них имели коров 799[5].

Колхозы не только не обеспечивали население сельскохозяйственной продукцией, но и самих колхозников приходилось снабжать продуктами. В 1939 г. на Камчатку было завезено 120 000 т сельхозпродуктов, и почти одна треть из них пошла в сельскую местность. «Вместо того, чтобы везти уголь, соль, снаряжение... в силу необходимости были вынуждены везти продукты»[6]. Причем объемы поставок возрастали.

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 12, л. 84.

[2] Там же.

[3] *Камчатская* правда. 1935. 18 мая.

[4] Там же. 15 февр.

[5] *Камчатская* правда. 1937. 9 июня.

[6] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 45.

Таблица 45

Завозная с/х продукция (тыс. т)[1]

	1938 г.	1939 г.	% роста
Зернофураж	25,9	32,9	127
Мясопродукты	3,7	5,2	140
Овощи	1,1	1,3	118
Итого:	30,7	39,4	128

Положение не улучшалось и в дальнейшем. Например, в 1941 г. в центральные районы полуострова завезли 664 000 банок мясных консервов, в т.ч. 56 000 для сельской местности, 45 т молока концентрированного, в т.ч. 5 т в колхозы, 223 т масла, из них 14 т в колхозы и т.д.[2]

Экономические «выгоды» устава сельхозартели не оказали положительного влияния на экономическую эффективность колхозного производства. В чем же был выход? Вопрос решился просто: «Необходимо с этим делом покончить и покончить навсегда, немедленно заставить наши колхозы животноводством заниматься по-настоящему. Прекратить завоз сельхозпродуктов в колхозы»[3], - читаем в архивных материалах тех лет.

Неэффективно развивалось не только колхозное животноводство, но и земледелие, хотя посевные площади значительно расширились.

Таблица 46

Динамика посевных площадей (га)[4]

	1928 г.	1933 г.	1937 г.	1939 г.
Картофель	71	444	1115	1512
Капуста	3	144	133	201
Прочие овощи	26	220	138	185
Кормовые	-	578	452	286
Зерновые	-	44	42	568
Всего:	100	1430	2260	2744

Некоторые колхозы добивались неплохих результатов. Например, колхоз «Безбожник» (Мильковского района) в 1939 г. получил с 1 га по 33,5 ц овса и 190 - картофеля. Колхоз «Красное знамя» имел урожайность пшеницы 19,8 ц/га, ржи - 21,6, картофеля - 203. В совхозе «Козыревский» было собрано по 110 ц/га картофеля, 201 - капусты, 406 - турнепса. Список можно продолжить, однако не в этом суть, поскольку случаи таких урожаев были единичными, и они никак не влияли на общую ситуацию.

В колхозах Петропавловского района урожайность картофеля составила 30-45 и капусты 25 ц/га. Совхоз «Большерецкий» в 1937-1939 гг. снизил урожайность картофеля с 43 до 17 ц/га.

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 7, л. 203.

[2] Там же. Д. 11, л. 20 об.

[3] Там же. Л. 20 об.

[4] Там же. Д. 7, л. 24.

Таблица 47

Динамика урожайности в колхозах и совхозах (ц/га)[1]

	1930 г.	1933 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Картофель	21	60	50	78	49
Капуста	24	68	86	126	141
Прочие овоши	23	32	40	62	30
Зерновые	-	-	3,6	8,2	8,7
Кормовые	-	84	96	149	214

Эффективность социалистического сектора сельского хозяйства можно определить и через очень чувствительный организм - рынок. Так вот, в 1939 г. на Петропавловском рынке цена 1 кг картофеля составляла 5-6 руб. (весной - 10), мяса - 25-35, молока - 6-7, яиц (10 шт.) - 25-30 руб.[2]

В конце 30-х - начале 40-х гг. задачу резкого подъема эффективности социалистической системы хозяйствования пытались решить за счет усиления экстенсивных факторов.

В резолюции IV Петропавловской горрайпартконференции 1939 г. по тезисам доклада В.М.Молотова на XVIII съезде ВКП(б) отмечалось, что «основной задачей в развитии земледелия и животноводства поставить превращение Камчатской области из потребляющей в производящую... ...Каждый район, область должен иметь свою собственную овощную базу»[3].

В конце III пятилетки (1942 г.) планировалось довести общую посевную площадь до 40 тыс. га, увеличив ее в 16 раз (в т.ч. в Петропавловском районе до 10 754, в Мильковском до 11 533 и в Усть-Камчатском до 11 506 га)[4], чтобы население этих районов обеспечивалось своим собственным хлебом. Для выполнения столь масштабной задачи было необходимо организовать 4 новых совхоза (в т.ч. 2 зерновых), 3 МТС и переселить более 7000 колхозных семей. На первый план выступала стратегия большого скачка, в основе которой была не объективная реальность, а «железная воля партии». Политика авантюризма в экономике была характерной чертой сталинского периода. Сельское хозяйство не располагало ни силами, ни средствами для выполнения этого плана.

В 1937 г. социалистический сектор представляли 31 сельскохозяйственный и 3 овощеживотноводческих совхоза, 25 пригородных подсобных хозяйств, рыбокомбинатов и предприятий. Две маломощные МТС могли обслуживать, и то не в полном объеме, только 9 колхозов.

В колхозах, совхозах, подсобных хозяйствах было обобществлено 85,2% посевных площадей, 73,7% лошадей, 48,4% крупного рогатого скота, 42,4 свиней и 29,7% оленей[5].

Социалистический сектор сельского хозяйства испытывал серьезные трудности в материально-техническом обеспечении, практически не велось

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 7, л. 25.

[2] Там же. Л. 203.

[3] *Камчатская* правда. 1939. 12-14 февр.

[4] *Камчатская* правда. 1937. 28 июля. ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 7, л. 4.

[5] Там же. 6 нояб.

капитальное строительство. Выделяемые средства на развитие колхозов и совхозов по объективным причинам не осваивались и часто использовались не по назначению.

Курс на самообеспечение серьезно повлиял на структуру отраслей сельского хозяйства.

Колхозам и совхозам директивными методами предписывалось комплексно развивать мясо-молочное животноводство, птицеводство, полеводство, растениеводство, парниковое хозяйство и, кроме этого, садоводство, и даже пчеловодство.

Садоводство насаждалось в колхозах Петропавловского, Большерецкого и Усть-Камчатского районов на том лишь основании, что в совхозе «Петропавловский» в 1937 г. пятилетняя яблоня все же дала 5 спелых плодов, а в с. Николаевке колхозник Чудин в течение ряда лет выращивал клубнику и смородину.

Большое внимание уделялось зерновым культурам, но из-за сложных природно-климатических условий их развитие не имело здесь реальной перспективы.

В колхозах и особенно в совхозах постоянно расширяли площади под посевы пшеницы, ржи, овса, которые, за редким исключением, давали очень низкие урожаи или не созревали совсем. Увеличение посевов зерновых шло за счет сокращения площадей под картофель, урожаи которого как раз были неплохими, и он занимал важное место в питании населения.

Многоотраслевая структура колхозов и совхозов не способствовала повышению экономической эффективности социалистического сектора сельского хозяйства, приводила к распылению материальных и трудовых ресурсов.

Причину нежизнеспособности колхозов и совхозов, а значит, и социалистического способа производства искали в ослаблении руководства, в неправильном подборе и расстановке кадров, в недостатке ассигнований и т.д., т.е. во всем, но только не в самой системе, формах и методах ведения сельского хозяйства.

В довоенный период этот провал объяснялся деятельностью «врагов народа».

Партийно-советский аппарат, истязая себя, вовлек и колхозное крестьянство в волну репрессий и идеологического террора. Газеты того времени клеймят позором «двурушников-предателей», взывают к правосудию и требуют расстрелов, создавая обстановку страха и неуверенности. 1937 г. стал пиком террора, а предшествующие годы были периодом его идеологического обоснования, причем зачастую дело доходило до абсурда. Так, например, 28 января 1935 г. в совхозе «Петропавловский» состоялся траурный митинг в связи со смертью В.В.Куйбышева, на котором рабочие заявили: «Мы скорбим о преждевременной утрате стойкого ленинца и обязуемся досрочно отремонтировать весь инвентарь к посевной кампании и досрочно выкупить заем Второй Пятилетки»[1].

В 1937 г. газета «Камчатская правда» писала: «Облплан проводил политику стабилизации посевных площадей, удерживая их рост. Враги народа,

---

[1] *Камчатская* правда. 1935. 28 янв.

в чьих интересах было развалить, а не развивать животноводство, проводят вредительские теории о нерентабельности камчатского животноводства, одним из защитников которой был начальник Южно-Камчатской землеустроительной экспедиции Рыков, принимают все меры для осуществления своих гнусных замыслов. Они срывали кормозаготовки, обрекая скот на голодовку... ...В землеустроительстве, как и других отраслях сельского хозяйства, проводилась гнусная вредительская работа, возглавляемая врагами народа Никитиным и Павловым. Их работа задержала выдачу государственных актов колхозам на вечное владение землей»[1].

В 1937 г. были арестованы руководители АКО, которым вменялась в вину, в частности, пропаганда «вредительской теории о «достижении пределов» по посевным площадям совхозов... ...Они стремились доказать, что теперешние площади едва ли под силу, что они не справляются с обработкой»[2]. «Разоблачение» троцкистов и бухаринцев усилило волну политического психоза. Рабочие совхоза «Петропавловский», заслушав информацию о процессе «троцкистского параллельного центра», вынесли резолюцию: «Просим пролетарский суд расстрелять этих взбесившихся псов»[3].

В Мильковском районе громили врагов народа в МТС и районном управлении сельского хозяйства. «Заведующий РайЗО Мартынюк и старший агроном МТС Смыгунов привели колхозы к развалу, к сокращению конного поголовья и количества собак, к систематическому невыполнению планов развития животноводства, упорно проводили контрреволюционную работу среди колхозников, вооружая их против МТС»[4]. Вина Смыгунова заключалась в том, что он «вредительски» организовал сев, спланировав пахотные участки таким образом, что трактора имели массу холостых переходов.

Пробравшиеся в руководство враги народа Науменко, Денисов и другие развалили колхоз им. XVI партсъезда. Правление синельниковского колхоза им. Жданова «специально поставило охранять пшеницу бежавшего из ссылки кулака Тищенко, осужденного в 1933 г. как заклятого врага колхозов»[5]. В колхозе «Быстринский» колхозное «имущество растаскивалось, враги действовали безнаказанно...»[6].

Работники сельхозотдела АКО «ссылались на выдуманные ими «особенности» Камчатки, разваливали работу в совхозах и пригородных хозяйствах, губили скот, преступно тормозили создание на Камчатке собственной продовольственной базы».

Все эти разоблачения были следствием целенаправленной репрессивной политики, которая не обошла стороной и Северо-Восток.

XII краевая партийная конференция заверяла И.В.Сталина: «Мы развертываем глубокую беспощадную корчевку врагов народа, суровую борьбу за ликвидацию троцкистских и иных двурушников и обещаем очистить советский Дальний Восток от японо-германских, троцкистских и бухаринских агентов фашизма»[7].

---

[1] *Камчатская* правда. 1937. 6 нояб.
[2] Там же. 27 июля.
[3] Там же. 28 янв.
[4] Там же. 18 окт.
[5] Там же. 18 окт., 28 янв.
[6] Там же. 23 июля.
[7] Там же. 6 мая.

Выступая на III областной партконференции, секретарь Камчатского обкома ВКП(б) Кутейников отмечал, что «особенно много навредили эти мерзавцы в сельском хозяйстве... ...Они портили сельскохозяйственные продукты, не давали возможности колхозникам реализовать продукты среди населения. В Мильковском районе колхозники ежегодно оставляли овощи у себя, не имея возможности вывезти их. В районе за 1936 и 1937 гг. пало свыше 500 гол. скота, в Большерецком колхозе им. Блюхера - 65 гол., а в Петропавловском совхозе только за август 1937 г. погибло 80% всего скота»[1]. Председатель Мильковского райисполкома Мосолов, проводя «вражескую» политику, ликвидировал 2 колхоза.

Террор в колхозах и совхозах Камчатки был прекращен только после выхода постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1938 г. «О запрещении исключения колхозников из колхозов», в котором, в частности, говорилось о необходимости «запретить проведение чистки колхозов под каким бы то ни было предлогом»[2].

«Постановление» примечательно и по тону, и по смыслу. Например, пункт шестой гласил: «Предупредить председателей и членов правления колхозов, а также районных партийных и советских работников, что за нарушение настоящего постановления виновные будут привлекаться к суду, как уголовные преступники. Установить, что решение общего собрания членов колхоза об исключении не вступает в силу... до основательного рассмотрения этого решения райисполкомом. Запретить исключение из колхозов за нарушение правил внутреннего распорядка». И.В.Сталин. В.Молотов[3].

Постановление входило в прямое противоречие с демократическими принципами нового устава сельхозартели, закрепляя колхозников в колхозах навсегда.

Разгромом «врагов народа», который создавал обстановку политического психоза, повышения эффективности сельского хозяйства не добились, а, наоборот, дезорганизовали колхозно-совхозное производство.

Истинные причины кризиса сельского хозяйства Камчатки были вскрыты на специальном совещании в крайкоме ВКП(б) 19 марта 1940 г.: «По вопросу сельского хозяйства надо прямо сказать, что сельское хозяйство в Камчатской области не развивается, а стоит на месте. Если мы имеем прирост посевных площадей, то главным образом за счет индивидуальных посевов, за счет отдельных хозяйственных организаций. А если взять колхозы, то они с 1934 г. повысили свою посевную площадь на 27%, совхозы по преимуществу АКО посевную площадь увеличили только на 10%. В совхозах урожайность из года в год падает, потому что качеством работы не занимаются. Совхоз «Большерецкий» в 1937 г. имел урожай картофеля 4,5 тыс. т... в 1939 г. - 1,7 тыс. т. Животноводство в совхозах в состоянии застоя»[4]. В то же время в Мильковском и Усть-Камчатском районах совершенно не осваивалось около 1000 га земли и 112 тыс. га сенокосных угодий, сено завозили с материка.

---

[1] *Камчатская* правда. 1938. 21 мая.

[2] Там же. 22 апр.

[3] Там же.

[4] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 43.

Постоянная нехватка семян сдерживала развитие овощеводства и растениеводства. «Нам не завезли семена: редиса, турнепса, репы, капусты, но нам в северные районы завезли: дыни, арбузы, фасоль, горох, цветную капусту»[1]. В 1940 г. для сева в совхозах не хватало 740 т семенного картофеля.

Неэффективной оказалась и вновь созданная централизованная система управления сельским хозяйством. «Зав. отделов края и не только зав. отделов крайисполкома, а и отдельных главков не знают действительного положения на Камчатке»[2], - отмечалось на совещании 1940 г.

АКО, «в ведении которого находились рыболовство, добыча угля, сельское хозяйство, занималось всем понемногу, а капитально ничем»[3].

В 1937 г. руководство Мильковского района было арестовано за саботаж в снабжении колхозной продукцией г. Петропавловска, а в 1940 г. вскрыли настоящую причину - нет дороги. В связи с этим принимается решение «создать дорогу к тому, чтобы дать возможность получать эти сельхозпродукты. Связать Мильковский район с Петропавловском, а сейчас что получается: в Мильковском районе имеется 200 т картофеля, 80 т ржи, более 100 т овощей, а вывезти не можем»[4].

В колхозах и совхозах царила вопиющая бесхозяйственность: «нередки случаи, когда на животноводческие фермы ставят людей, которым делать нечего, или лодырей за наказание посылают на фермы... ...Только в последнее время начали судить нерадивых людей, а то в большинстве случаев оканчивалось разговорами»[5]. За 5 месяцев 1941 г. в четырех районах пало 369 голов крупного рогатого скота. Средний удой молока составлял всего 1925 кг в год.

В целом отдача социалистического сектора сельского хозяйства была на очень низком уровне: «Если взять общесоюзную норму потребления на душу (1940 г.), то она составляет по картофелю 165 кг, а на Камчатке 21 кг. Отсюда цинготные заболевания. По овощам норма 75 кг, а на Камчатке - 6 кг; капуста - 71 кг, на Камчатке - 6 кг»[6].

Характерная деталь - индивидуальный сектор, располагая менее 15% посевных площадей, давал около 60% валового производства картофеля и овощей. А в общественном производстве приходилось «выращивать маяков». Семья Ворошилова, например, из колхоза «Безбожник» заработала в 1941 г. 2304 кг картофеля, 975 зерна и 1321 рыбы, отработав 1057 трудодней(!). «Но, к сожалению, не все работали так, как передовые люди. В числе позорно отстающих колхоз им. XVI партсъезда Петропавловского района, колхоз «14 лет Октября», «II пятилетка» Мильковского района, колхоз «Заря» Большерецкого района, совхоз «Начикинский», Усть-Камчатская МТС, которые работали очень плохо»[7], - читаем в документах того времени.

Высокая эффективность индивидуальных крестьянских хозяйств, в основе которой лежала личная заинтересованность, уже в начальный период

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 51.
[2] Там же. Л. 52.
[3] Там же. Л. 43.
[4] Там же. Л. 46.
[5] Там же. Д. 11, л. 19, 18.
[6] Там же. Д. 6, л. 45.
[7] Там же. Д. 11, л. 16.

коллективизации указывала на явное противоречие между теорией и практикой социалистических отношений в сельском хозяйстве. Причем устойчивая в принципе тенденция роста производительности этих хозяйств сдерживалась только в результате целенаправленного усиления налогового давления или введения других искусственных ограничений, направленных на ликвидацию единоличных хозяйств.

В колхозно-совхозном секторе «капиталистическая» заинтересованность и предприимчивость, равно как и свобода владения и распоряжения результатами труда, подменялись «лукавыми социалистическими» отношениями: труд как обязанность каждого, а капитал - достояние общества, базирующимися на мощной идеологической основе. И тем не менее внеэкономическое принуждение: социалистическое соревнование, стахановское движение, ударничество и т.д. - не стало определяющим фактором.

В 1940 г. в Петропавловском районе из 228 трудоспособных колхозников 67 выработали до 50 трудодней, 55 - от 50 до 100, 99 - от 100 до 200, 52 - от 200 до 300 и только 16 человек отработали 300-302 трудодня[1]. В Усть-Камчатском районе из 300 трудоспособных колхозников одна треть не выработала и 50 трудодней. Фактически более 50% колхозников тихо «саботировали» общественное производство.

В то же время «руководители колхозов, совхозов и отдельные председатели райисполкомов все недостатки в сельском хозяйстве объясняли нехваткой рабочей силы»[2]. На самом деле рабочих рук в колхозах было более чем достаточно, не было лишь хороших условий труда, быта и заинтересованности.

В сельскохозяйственных колхозах четырех южных районов (Петропавловского, Большерецкого, Усть-Камчатского, Мильковского) на 01.01.1941 г. было 1090 колхозных дворов (2180 человек), а на 01.01.1942 г. - 1424 (2890 человек), «т.е. ...на 720 чел., или на 32,6%, больше, чем в 1941 г. Отсюда выводы, что не рабочих рук в колхозах не хватает, а у... председателей райисполкомов и работников земельных органов не доходят руки до колхозов... Дисциплина и организация труда в колхозах остается низкой»[3].

Однако единожды запущенная машина переселения продолжала действовать. Развитие сельского хозяйства тормозили «главным образом недостаток рабочей силы в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах, трудности освоения новых земель и отсутствие кормовой базы для животноводства, отсюда первым вопросом должен быть решен - это вопрос о переселении в существующие колхозы, так и в организации новых»[4].

Но, во-первых, такой подход к развитию сельского хозяйства заранее программировал экстенсивность на основе примитивной технологии и ручного труда. Во-вторых, создание мелких колхозов в труднодоступных, не имеющих хорошо развитых транспортных связей районах было совершенно неоправданно и в данный период бесперспективно. В-третьих, пересе-

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 48.

[2] Там же. Д. 11, л. 16.

[3] Там же. Л. 16 об.

[4] Там же. Д. 29, л. 83.

ленческая программа из года в год не выполнялась, так как не имела под собой материальной основы.

Установить точное число переселенцев практически невозможно из-за высокого уровня их миграции.

В соответствии с планом массовое переселение в колхозы центральных районов Камчатки должно было начаться в 1937 г. Однако в 1937-1938 гг. колхозы, за небольшим исключением, пополнились в основном не за счет крестьян, а за счет приема рабочих, задержавшихся с рыбных промыслов.

В 1938-1939 гг. колхозы Усть-Камчатского района «ни одного переселенца не получили», в Петропавловском районе в 1938 г. «обещали... не привезли, в 1939 г. обещали, не привезли... У нас подряд два года переселение срывается»[1]. Документы 40-х гг. свидетельствуют: «До самого последнего времени нам организованно ни одной семьи не переселили. К нам переселили, но что это за люди, которых изгнали с рыбозаводов и других предприятий как бездельников и прогульщиков, их приняли в колхозы, они пробиваются изо дня в день, лишь набрать средства и уехать с Камчатки»[2].

Такие деклассированные «колхозники» разлагающе действовали на трудовые коллективы, способствовали раскрестьяниванию камчатской деревни. А с другой стороны, эта ситуация служила для руководителей колхозов, совхозов и председателей райисполкомов обоснованием для списывания всех недостатков сельского хозяйства на нехватку рабочих рук и социальный состав колхозников.

Постепенно поток переселенцев возрастал. В 1939-1943 гг. на Камчатку прибыло 2230 хозяйств (7733 человека), которые были распределены в 22 сельскохозяйственных колхоза, 25 р/б колхозов и на 29 предприятий Главкамчатрыбпрома. В сельское хозяйство направили 518 хозяйств (2017 человек)[3].

	С/х артели	Р/б колхозы	Главкамчатрыбпром	Прочие	Всего
Кол-во хозяйств переселено	518	286	1373	55	2232
Население, чел.	2017	1064	4411	204	7733

Предметами обихода переселенцев не обеспечивали, а деньги (по 1000 руб. каждой переселенческой семье) были израсходованы не по назначению[4].

Положение складывалось тяжелым, в основном из-за отсутствия жилья.

Для того чтобы точнее воспроизвести условия жизни переселенца, приводим письмо крестьянина Н.Н.Калинина начальнику оргбюро:

«Прошу Вашего вмешения и выяснить, почему мне задерживают получение денег в размере 600 руб. на одного иждивенца. Документы я передавал в горисполком г. Мурома уполномоченному, когда отправлялись с Мурома, и он обещал, что пока Вы доедете до Камчатки деньги будут на месте, а приехали ничего не известно и вот я прошу Вас, чтобы Вы помогли

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 6, л. 33, 40.

[2] Там же. Л. 47.

[3] Там же. Д. 8, л. 367.

[4] Там же. Л. 367, 368.

мне и моей семье, потому что семья большая - 6 человек, а приехали ничего нет. Да и вообще как Вы или Ваши уполномоченные нам разъяснили, что как приедете будут квартиры с надворными постройками, а на самом деле этого не оказалось, квартиры очень плохие, двориков никаких нет, печек нет, железные маленькие печки стоят и все окна одинарные, зимой жить невозможно, сейчас бы мы об этом знали, то конечно еще подумали как сюда ехать. Вообще условия созданы очень плохие. Вот поэтому прошу Вашего способства посодействовать во всем этом»[1].

В решении Камчатского облисполкома N 314 от 3 октября 1952 г. «О мероприятиях по обеспечению хозяйственного устройства прибывших в область переселенцев» говорилось, что «устройство переселенцев, прибывших в 1941-1952 гг. в совхозы и колхозы, проходит совершенно неудовлетворительно. Особенно плохо устроены переселенцы в совхозах области. Из 232 семей переселенцев, прибывших в 5 совхозов области в 1951 г., имеют собственные дома только 39 семей, а остальные живут временно в неблагоустроенных квартирах, комнатах... не обеспечены скотом и отдельными приусадебными участками»[2].

Направленные в 1952 г. в сельскохозяйственные колхозы Елизовского, Мильковского, Большерецкого районов 74 семьи переселенцев получили только 67 домов[3]. «В колхозах Елизовского района из 45 запланированных домов числились подготовленными 33, а фактически имелось только 5 домов. Остальные 27 домов почти все были заселены случайными людьми и требовали капитального ремонта. В колхозе «II пятилетка» дома превратили в складские помещения, в колхозе «XVI партсъезда» имелся лишь один свободный дом»[4].

Были проблемы и другого порядка. Вербовка кадров велась без всякого разбора. Главное - выполнить установленные планы по «завозу рабсилы». В результате «в число переселенцев попадали лица, не имеющие отношения к сельскому хозяйству. ...Среди переселенцев наблюдался большой отсев»[5].

Практика обеспечения сельского хозяйства рабочей силой путем массовых переселений продолжалась и в 50-60-е гг., обостряя социальный кризис.

В период войны в результате перенапряжения внутренних ресурсов были достигнуты некоторые успехи. Посевные площади в 1940-1945 гг. возросли в 1,5 раза, 1250 га было занято огородами.

Расширение посевных площадей шло за счет освоения новых земель. За 1940-1945 гг. колхозы, совхозы и подсобные хозяйства ввели в оборот свыше 2000 га. Это позволило поднять производство картофеля на душу населения до 150, а овощей до 50 кг.

---

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 306, л. 58.

[2] Там же. Д. 55, л. 122.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 177.

[5] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 124, л. 27.

Таблица 48

Динамика посевных площадей[1]

	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	1320	1867	2047	2197	2848
Совхозы	903	860	949	989	882
Подсобные хозяйства	567	983	1328	1467	1543
Итого:	2790	3710	4324	4653	5273

В годы войны в колхозах и совхозах было налажено собственное семеноводство многих овощных культур и кормовых корнеплодов. Резко возросло поголовье крупного рогатого скота, но главным образом за счет индивидуального сектора.

Таблица 49

Динамика поголовья КРС[2]

	На 1/1-1941 г.	На 1/1-1945 г.
Всего по области	10658	16881
в т.ч. совхозы	1074	1404
колхозы	3076	3272
Подсобные хозяйства	2240	3248
Колхозники	1898	2829
Рабочие и служащие	2370	6128

Таблица 50

Мясопоставки (ц)[3]

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Подсобные хозяйства	758	830	757	548	470
С/х колхозы	-	-	495	157	142
Фонд РККА	-	-	-	545	522
Рыбартели	-	-	-	78	47
Колхозники	-	13	8	633	332
Единоличники	306	322	556	152	167
Рабочие, служащие	128	15	17	991	566
Совхозы	4434	8004	6880	6679	4738
Всего:	5626	9184	8713	9783	6984

Картофелепоставки в эти годы возросли с 1155 ц в 1942 г. до 13808 ц в 1945 г., овощей соответственно с 541 до 10274 ц. «Резкое увеличение заготовок мяса и молока с 1941 г. произошло за счет введения госсдачи мяса и молока совхозами, такое же повышение начиная с 1942 г. имеется по заготовке картофеля, это объясняется тем, что в 1942 г. впервые были введены обязательные поставки картофеля колхозами, колхозниками, рабочими, служащими и пригородными подсобными хозяйствами, государственными и кооперативными организациями»[4].

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 9.
[2] Там же. Л. 10.
[3] Там же. Л. 317.
[4] Там же. Л. 320.

Подъем сельского хозяйства был, однако, кратковременным и закончился спадом: «Если в 1943-1945 гг. совхозы выполнили планы... и дали государству 5 615 400 руб. прибыли, то в 1946 г. не выполнили планов по урожайности, по развитию животноводства и дали 790 300 рублей убытков. В 1947 г. положение не изменилось»[1].

Таблица 51

Валовое производство (ц)[2]

	Картофель				Овощи			
	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Колхозы	59373	26082	39089	66375	14021	4978	11402	14501
Совхозы	17025	8363	6472	11480	14244	7429	5297	9181
Подсобные хозяйства	24190	17276	11055	31054	8429	8528	8399	10320

Производство картофеля и овощей на душу населения в 1947-1948 гг. снизилось по сравнению с производством 1945 г. в несколько раз[3].

	Картофель, кг		Овощи, кг	
	1947 г.	1948 г.	1947 г.	1948 г.
По южным районам	30	66	24	27
КНО	21	26	15	14
ЧНО	-	1	1	1,5

От колхозов и совхозов директивно требовали постоянно наращивать производство продукции, не считаясь с тем, что их материально-техническая база оставалась на довоенном уровне и приходила в упадок.

В 1940 г. совхозы Камчатки «имели совершенно недостаточно капитальных жилых и производственных построек, были слабо укомплектованы основным сельскохозяйственным оборудованием, тракторами и автомашинами»[4]. А за годы войны «не было совершенно завоза стройматериалов, оборудования и тракторов. Все работы совхозов происходили за счет мобилизации внутренних ресурсов»[5]. Положение складывалось действительно тяжелое. На молочно-товарных фермах не было специальной посуды, бидонов, молокомеров, сепараторов, центрифуг и другой необходимой аппаратуры.

В период летних работ 1947 г. обеспеченность совхозов рабочей силой составляла 25-30%. Тарифные ставки рабочих оставались «на крайне низком уровне - от 10 до 14 руб., что не создавало стимула для увеличения производительности труда»[6].

«Вследствие отсутствия завоза спецодежды рабочие вынуждены на заболоченных сенокосах в ледяной воде работать в полуразвалившейся обуви... под холодным дождем и в пургу без плащей и теплой одежды - сапоги, валенки, плащи, телогрейки, шубы - завозятся крайне редко, мало»[7].

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 50 об.
[2] Там же. Д. 29, л. 65.
[3] Там же.
[4] Там же. Д. 8, л. 50.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 50 об.
[7] Там же.

«В колхозах была большая нужда в веревках для привязи скота, кольцах, крючках, строительных скобах и т.д. В большинстве скотопомещений рамы не вставлены, а забиты досками или заделаны мешковиной»[1].

Из-за отсутствия необходимых материалов, в частности стекла, приходило в запустение парниковое хозяйство, количество парников сократилось с 11 000 рам в 1943 г. до 7562 рам в 1948 г.[2]

Повысить эффективность сельского хозяйства в конце 40-х гг. планировалось за счет экстенсивных факторов, т.е. продолжалась аграрная политика периода коллективизации.

В 1949 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) А.Ефимов писал И.В.Сталину: «Мероприятия предусматривают (в очередной раз. - **И.Б.**) создание на Камчатке собственной продовольственной базы, обеспечивающей полное удовлетворение населения картофелем и овощами и в значительной мере молоком и мясом. Необходимо организовать 7 новых колхозов, 2 МТС, 4 овощных и мясных совхозов... а также материальное укрепление существующих колхозов, МТС, совхозов»[3].

План требовал новых огромных затрат, а факты свидетельствовали, что колхозы и совхозы не могли рационально использовать уже освоенные ресурсы: «Планирование так поставлено, что не только не имеется возможности ликвидировать допущенные ошибки 7-8 лет назад, но даже усугубляется существующее положение»[4].

Земледелие велось «неквалифицированно, с нарушением даже элементарных правил»[5], и особенно это проявлялось в колхозах и совхозах. В 1953 г. в связи с нарушениями агротехники из севооборота было выведено 510 га пашни как полностью непригодных.

Все это отрицательно отражалось на сельскохозяйственном производстве. Так, за 1950-1953 гг. посевные площади возросли с 3666 до 4799 га, но из-за низкой урожайности ежегодный валовой сбор картофеля в колхозно-совхозном секторе составлял лишь 3940-4500 ц из 30 702-35 000 ц урожая хозяйств всех категорий[6].

Таблица 52

Динамика урожайности картофеля (ц/га)[7]

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1953 г.
Колхозы	73,1	37,0	48,6	71,6	31,6	22,0	37,1	26,4
Совхозы	58,1	28,0	19,0	38,0	31,0	31,4	32,8	33,0

Урожайность капусты в совхозах колебалась от 80 ц/га в 1945 г. до 42 в 1950 г. и 57 в 1953 г.

Основными причинами низкой эффективности полеводства (по мнению руководства) являлись: «малочисленность колхозов и совхозов и острый недостаток рабочей силы в них, отсутствие свободных земель,

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 29, л. 77.
[2] Там же. Д. 38, л. 63.
[3] Там же. Д. 69, л. 175.
[4] Там же. Л. 69.
[5] Там же. Л. 175.
[6] Там же. Л. 172.
[7] Там же. Д. 44, л. 41, 42; д. 29, л. 65.

пригодных для сельского хозяйства, отсутствие севооборотов во всех хозяйствах, необеспеченность сельского хозяйства механизацией»[1].

Напряженное положение складывалось и в молочном животноводстве. Несмотря на относительный рост поголовья крупного рогатого скота, молочное животноводство оставалось убыточным и низкопродуктивным.

Таблица 53

Динамика поголовья КРС в колхозах и совхозах за 1946-1953 гг.[2]

	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Колхозы	3322	3527	4300	5519	5872	6117	6118	5784
Совхозы	1477	1448	1732	1881	2002	2263	2418	2574

Кроме этого, в подсобных хозяйствах Главкамчатрыбпрома, облрыболовпотребсоюза, треста «Камчатлес» и городского хозяйства содержалось 3256 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 1153 дойные коровы.

Серьезно сдерживали развитие молочного животноводства два основных взаимосвязанных фактора: постоянное наращивание поголовья низкоудойных коров и слабая кормовая база. Только за 1949-1953 гг. из-за отсутствия кормов и болезней в колхозах пали 3983 головы КРС и 988 лошадей, а в совхозах соответственно 924 и 164[3].

Не уделяя постоянного внимания животноводству, но строго выполняя плановые задания, за 1949-1953 гг. сельскохозяйственные колхозы на закупку скота израсходовали 2506, а рыболовецкие 3427 тыс. руб. практически без отдачи. Средний удой молока в 1953 г. составлял всего 1000, а в колхозах Усть-Камчатского района - 684, Мильковского - 708 кг [4].

Почти во всех хозяйствах доходы от животноводства были несравненно ниже затрат в целом по отрасли и почти равнялись расходам на закупку нового скота. В Усть-Камчатском районе, например, в 1949-1953 гг. от животноводства были получены доходы в сумме 972 тыс. руб., а расходы на приобретение скота составили 795,5 тыс. руб. Размер денежных доходов в сельскохозяйственных колхозах в 1950 г. составили 10 025,7 тыс. руб., в 1951 г. - 7343 тыс. руб., в 1952 г. - 9179,7 тыс. руб., в 1953 г. - 9389 тыс. руб.[5]

Дебиторская задолженность колхозов на 1 сентября 1953 г. была равна 1730 тыс. руб., а задолженность по переполучению авансов 1076,2 тыс. руб.[6] Основные фонды колхозов в 1953 г. достигли 21 158 тыс. руб., но преимущественно за счет животноводства, в целом же материально-техническая база оставалась на уровне 1940 г.

В постановлении СМ СССР от 25 апреля 1950 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию народного хозяйства Камчатской области» подчеркивалось, что «...сельское хозяйство области слабо механизировано, испытывает большой недостаток в рабочей силе, вследствие чего крайне медленно

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 20.
[2] Там же.
[3] Там же. Д. 69, л. 181.
[4] ГАКО. Ф. 88, оп. 1, д. 356, л. 3; ф. 237. оп. 1, д. 296, л. 56.
[5] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69, л. 183.
[6] Там же. Л. 184.

расширяет посевные площади, дает низкие урожаи и не обеспечивает население картофелем и овощами»[1].

В колхозах преобладал ручной труд, хотя на протяжении 30-40-х гг. проблему механизации сельскохозяйственных работ пытались решить за счет развертывания сети МТС, которые являлись государственными предприятиями.

В 1932 г. в с. Хутор организовали первую на Камчатке Петропавловскую МТС, в 1935 г. - Мильковскую, в 1940 г. - Усть-Камчатскую и в 1944 г. - Большерецкую. В 1937 г. в регионе открылось постоянное представительство Сельхозснаба, которое занималось распределением техники и материальных ресурсов.

В 1951 г. по решению Камчатского облисполкома N 401 от 1 октября 1950 г. была организована машинно-мелиоративная станция в с. Долиновке.

При отсутствии техники в колхозах на МТС возлагались задачи по раскорчевке и мелиорированию площадей под пашню, вспашке и уборке урожая. За годы своей деятельности МТС сыграли важную роль в развитии на полуострове полеводства и растениеводства. За счет расширения посевных площадей колхозы получили возможность, хотя и на экстенсивной основе, наращивать производство картофеля, овощей и кормовых культур, необходимых для развития молочного животноводства.

Отмечая положительное значение МТС, нельзя забывать, что договорные отношения их с колхозами носили кабальный характер. Используя свое монопольное право владения и распоряжения техникой, работники МТС завышали оплату объемов выполняемых работ и ставили тем самым колхозы в безвыходное положение.

При малом валовом и товарном производстве, низком уровне закупочных цен на сельхозпродукцию колхозы часто не имели средств, чтобы расплатиться с МТС, и попадали в разряд безнадежных должников.

Периодически по распоряжению правительства долги колхозов МТС списывались. Например, в 1951 г. Камчатский облисполком принял решение о «списании задолженности за прошлые годы по госпоставкам, ссуде и натуральной оплате за работы МТС»[2]. С колхозов было списано 790 ц зерна, 1129 - картофеля, 237 - мяса, 317 - молока и другой продукции[3].

Договорные обязательства МТС с колхозами в полном объеме не выполнялись. Качество подготовки полей было очень низким, что, естественно, сказывалось на урожайности, а следовательно, и на доходах колхозов.

Кроме этого, уже в первые годы в работе МТС проявились элементы, присущие государственным предприятиям, - уравниловка, обезличка, небрежное отношение к технике. Например, на 1 января 1935 г. в Петропавловской МТС числилось 16 тракторов, а на самом деле работали только 8, и то не в полном объеме, 4 трактора требовали серьезного ремонта, а остальные были разобраны по винтику и разбросаны по всей территории МТС[4]. В

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 69, л. 54.

[2] ГАКО. Ф. 88, оп. 1, д. 237, л. 7.

[3] Там же.

[4] *Камчатская* правда. 1935. 22 авг.

с. Паратунке «машины лежат под снегом, часть сельхозинвентаря и даже трактор продолжают валяться на улице и к весне будут непригодны»[1], - писала Камчатская правда в 1935 г.

Может быть, картина нетипична? Но нет, в отчете за 1941 г. читаем: «Вследствие плохого использования тракторов МТС не выполнили плана работ. Договорная дисциплина между МТС и колхозами не соблюдается»[2].

Были, конечно, и объективные причины недостаточно эффективной работы МТС - это нехватка запчастей, бензина, новой техники. Так, например, начиная с 1940 г. и до окончания войны тракторный парк и прицепной инвентарь МТС не обновлялись. Несмотря на это, наиболее эффективно МТС работали как раз в эти годы. Именно в этот период удалось увеличить среднюю выработку на 1 трактор с 51 до 510 га, правда, за счет большого износа техники. «Переданные в 1946 г. трактора из воинских частей требовали капитального ремонта»[3], а из трех МТС только Петропавловская имела ремонтную базу. Аналогичное положение наблюдалось и в совхозах, а подсобные хозяйства совершенно не имели тракторов. Кроме того, не хватало горючего, масел, автола[4]. Образовался своего рода порочный круг: количество тракторов в МТС возрастало, но работы не выполнялись из-за их простоя. В 1953 г. МТС имели 101 трактор, 10 комбайнов, в т.ч. 2 картофелеуборочных, а всего - свыше 200 сельскохозяйственных машин[5]. В докладе Камчатского облисполкома за 1953 г. отмечалось, что «МТС пока активно не влияют на хозяйственную деятельность колхозов... не выполняют договорных обязательств»[6].

Объективные трудности в работе МТС на Камчатке понятны и объяснимы, но главное, на наш взгляд, заключается в форме собственности, определяющей отношение человека к средствам производства и степень его личной заинтересованности в результатах труда.

Аналогичное положение с использованием техники было и в совхозах. В 1953 г. их тракторный парк насчитывает 43 единицы, но «вследствие неудовлетворительного снабжения нефтепродуктами часть парка не работает»[7]. В 1953 г. в Большерецком совхозе трактора простаивали 700 тракторо-дней, в Соболевском - 750. План тракторных работ был выполнен всего на 44,5%, из 25 автомашин 10 подлежали списанию. «Пока совхозы не являются образцовыми хозяйствами и мало в чем могут служить примером для колхозов», - констатировалось в 1953 г. в отчете облисполкома[8].

Для повышения урожайности сельскохозяйственных культур и выведения новых сортов семян, адаптированных к местным условиям, на Камчатке были организованы опорные научные пункты и участки. В 1933 г. в с. Мильково создается областная опытная станция, а в 1939 г. в с. Хутор

---

[1] *Камчатская* правда. 1935. 22 авг.

[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 11, л. 17.

[3] Там же. Д. 29, л. 69.

[4] Там же.

[5] Там же. Д. 69, л. 172.

[6] Там же. Л. 178.

[7] Там же. Л. 178, 179.

[8] Там же. Л. 179.

Елизовского района на базе колхоза им. XVI партсъезда - Государственный сортоиспытательный участок по выращиванию картофеля и овощей.

Елизовский район, расположенный вблизи г. Петропавловска, стал центром сельскохозяйственной науки на Камчатке. В с. Хутор в 1938 г. был организован плодово-ягодный питомник, а в 1952 г. на территории колхоза «Путь Ильича» - сортоиспытательный участок по селекции зерновых культур.

В середине 40-х гг. предпринимается очередная попытка оживить колхозное производство на основе устава сельхозартели. Формально колхозы были переведены на новый устав в 1938 г., но главные положения этого важного документа если и реализовывались, то весьма ограниченно.

В 1946 г. СМ СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели». 13 марта 1947 г. в г. Петропавловске состоялось областное совещание партийного, советского и колхозного актива, на котором секретарь обкома ВКП(б) Скипренко докладывал о ходе выполнения вышеупомянутого постановления. В 140 из 173 колхозов (62 колхоза из Петропавловского, Большерецкого, Мильковского, Усть-Камчатского, Быстринского, Соболевского районов и 111 колхозов КНО и ЧНО) впервые за долгие годы были заслушаны годовые отчеты, в 110 проведены отчетно-перевыборные собрания, в т.ч. в 38 переизбраны председатели и правления, а еще в 38 работа признана неудовлетворительной.

На основании постановления правительства восстанавливалось положение устава о том, что «назначение и смена председателей колхозов без решений общих собраний колхозников категорически запрещаются»[1]. «Во всех колхозах были восстановлены уставы и в большинстве вновь зарегистрированы»[2]. Началась работа по инвентаризации колхозных земель, т.к. «горизонтальные съемки проводились в 1939-1945 гг. некачественно вплоть до пантографирования с военно-топографических планшетов... ...Никакой документации о границах полей в натуре не сохранилось»[3].

Однако землеустройство было не главным. Важнее было конфисковать земли у иных владельцев, что и сделали: в 1946 г. изъяли и передали колхозам 1799 га пашни, в т.ч. у 644 хозяйств колхозников - 33, у 367 хозяйств рабочих и служащих - 121 га приусадебных земель. На практике это означало, что из сельскохозяйственного оборота изъято было 1799 га обрабатываемой земли, которая давала львиную долю урожая. Колхозы сами передавали земли в аренду, не имея возможности их обрабатывать. В результате в 1953 г. в приусадебном владении (вместе с дворами и надворными постройками) в целом по области находилось 0,15 га на одно колхозное хозяйство, в южных районах - 0,21 га[4].

В процессе чистки сократили колхозный управленческий аппарат на 85 человек. Это сокращение коснулось избачей, письмоносиц, телефонистов (!!!), а районные и областное управления сельского хозяйства остались нетронутыми.

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 231.

[2] Там же. Д. 29, л. 81.

[3] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 53, л. 81.

[4] Там же. Д. 54, л. 59.

Признавался преступным «существовавший в колхозах порядок, при котором одни и те же продукты продавались по разным ценам по усмотрению председателя - принося огромный вред колхозному хозяйству...»[1].

В 1950 г. Камчатский облисполком в своем решении N 189 от 26 мая отмечал, что «особенно большое распространение в 1949 г. получила практика сдачи правлениями колхозов сенокосных угодий и земель разным организациям и частным лицам на договорных началах»[2].

Приоритет колхозной собственности (государственной), хотя и в ущерб сельскому хозяйству, соблюдался неукоснительно. Что касается демократических принципов, то административная система, борясь за них, фактически подавляла всякую самостоятельность. Характерно, что действия, направленные вроде бы на восстановление устава, на самом деле ухудшали положение колхозов и колхозников. Для подтверждения процитируем два документа.

13 октября 1951 г. Камчатский облисполком принимает решение N 288, в котором говорится: «Произведенной представителями Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Хабаровскому краю проверкой установлено, что постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. в с/х колхозах Мильковского и Елизовского районов выполняется неудовлетворительно... ...В колхозах имеют место случаи самовольного ухода колхозников из колхозов, что приводит к сокращению колхозных хозяйств... ...Органы суда и прокуратуры недостаточно оказывают помощь колхозам в борьбе с нарушителями устава артели и лицами, самовольно ушедшими из колхозов»[3]. Кроме этого, серьезным нарушением признавалось «выделение приусадебных участков рабочим и служащим на условиях обязательной выработки определенного количества трудодней в колхозе»[4]. Постановление от 19 сентября «отменяло право... передавать колхозные земли без разрешения Совета Министров СССР, а пунктом пятым устанавливало, что «работники советских, партийных и земельных органов и председатели колхозов, виновные в расхищении и незаконных распоряжениях колхозных земель, будут сниматься с постов и отдаваться под суд как нарушители закона и враги колхозного строя»[5].

Передача во временное и постоянное пользование пахотных и сенокосных угодий только по решению общего собрания колхозников, но без утверждения СМ СССР(!!) является незаконной и подходит под пункт N 5 постановления[6].

В постановлении СМ СССР N 2627 от 21 июня 1948 г. указывалось, что «посевы... на незаконно занятых колхозных землях должны убираться колхозами в свою пользу без возмещения затрат»[7].

С целью ужесточения мер по выполнению правительственного постановления 1946 г. 14 декабря 1952 г. по Министерству сельского хозяйства

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 230.
[2] ГАКО. Ф. 88, оп. 1, д. 192, л. 10.
[3] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 67, л. 3.
[4] Там же. Л. 4.
[5] Там же. Д. 54, л. 5.
[6] Там же.
[7] Там же.

Союза СССР издан приказ N 188, в котором говорилось, что «лица, нарушающие Устав сельхозартели, а равно и лица, попустительствующие нарушениям Устава, будут привлекаться к ответственности как уголовные преступники»[1].

СМ СССР и ЦК ВКП(б) обязали Генерального прокурора СССР Сафонова и министра юстиции СССР Горилкина провести работу по «сокращению сроков рассмотрения дел о нарушителях Устава сельхозартели»[2].

Несмотря на грозные директивы, устав не выполнялся, да и не мог выполняться, потому что кардинально ничего не менял. Партийно-советский аппарат устранял по команде «сверху» собственные нарушения, создавая предпосылки для дальнейших перегибов в рамках «незыблемой системы».

Так, например, 26 мая 1950 г. Камчатский облисполком принял решение N 189 «О неудовлетворительном выполнении в Елизовском районе постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IX-1946 г.», в котором снова отмечалось, что «во многих колхозах распределение доходов производится с нарушением устава, в ряде хозяйств грубо нарушаются демократические основы управления. Собрания проводятся нерегулярно, правления не отчитываются»[3].

В отчете за 1953 г. говорилось, что «в колхозах продолжают иметь место грубые нарушения устава сельхозартели»[4].

Не улучшалось и материальное положение колхозников: «Выдача денег колхозам на трудодень по большинству районов в 1952 г. по сравнению с 1949 г. почти не увеличилась. В Елизовском районе рост составил 59 коп., в Мильковском - 30 коп., Усть-Камчатском - 10 коп.»[5].

Из 2740 хозяйств колхозников в 1952 г. 1248 (45%) не имели домов на центральных усадьбах. И, как следствие, «несмотря на некоторое увеличение в 1953 г. выработки трудодней на одного трудоспособного, тем не менее участие членов совхозов и их семей в общественном производстве и колхозников остается все еще неудовлетворительным»[6].

Так что идеализация сталинского времени - была дисциплина и все работали - не имеет под собой почвы. Работали под страхом наказания. В 1949 г. в Усть-Камчатском районе за невыполнение минимума трудодней к судебной ответственности были привлечены 22 человека, в т.ч. 13 многодетных женщин, но ничего не изменилось[7]. Это касалось не только рядовых крестьян, но и квалифицированных кадров. В 1953 г. из 228 специалистов сельского хозяйства, проживавших в области, в колхозах работали только 3 человека[8].

В документах тех лет находим такое объяснение названным фактам: «Неудовлетворительное снабжение колхозников промышленными товарами

---

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 54, л. 5.
[2] Там же. Д. 67, л. 30.
[3] ГАКО. Ф. 88, оп. 1, д. 192, л. 11, 12.
[4] Там же. Д. 356, л. 32.
[5] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 70, л. 184.
[6] ГАКО. Ф. 88, оп. 1, д. 356, л. 33.
[7] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 54, л. 40.
[8] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 70, л. 185.

способствует текучести кадров, т.к. значительная часть колхозников Камчатки состоит из лиц, которые пришли в колхозы в недавнее время. Очень сильно повлияло на текучесть кадров колхозников снятие в сентябре 1946 г. сельхозколхозников со снабжения продуктами питания и установление в ноябре 1946 г. пайкового снабжения, а также продажа промтоваров по сельским (коммерческим) ценам, завышенным против розничных»[1]. И далее читаем: «В 1950 г. в колхозы прибыло 600 чел., а убыло 400 чел. Из 59 председателей рыболовецких и сельскохозяйственных колхозов имели среднее образование 5, специальное - 3, семилетнее - 8, пять-шесть классов - 10, начальное - 38, в т.ч. 1-2 класса - 9 человек. Стаж работы: до 5 лет - 4 чел., до 1 года - 25 чел., до 2 лет - 13 чел.»[2].

Кризисные явления были налицо. Социалистический сектор сельского хозяйства не удовлетворял потребности населения. Душевое потребление картофеля и овощей по-прежнему отставало от установленных норм и составляло соответственно 70 и 30 кг.

Таким образом, за 1929-1953 гг. в центральных районах Камчатки, как и в целом на Северо-Востоке, под руководством партийно-советского аппарата, последовательно проводившего политику экономического принуждения и прямого террора, был создан социалистический сектор сельского хозяйства с централизованной структурой управления.

В 1953 г. в Петропавловском, Мильковском, Усть-Камчатском и Большерецком районах имелись 37 сельскохозяйственных колхозов, 5 овоще-животноводческих совхозов, 4 МТС и 74 подсобных хозяйства при предприятиях и организациях.

Замена экономического стимулирования административно-директивными методами управления в организации сельскохозяйственного производства, огосударствление всех форм земельной собственности при усилении планового регулирования и контроля со стороны партийных советских и земельных органов власти за экономической деятельностью колхозов и совхозов не дали положительного результата.

Ужесточение аграрного законодательства, многочисленность постановлений и распоряжений правительства и ЦК ВКП(б), принятых в конце 40-х - начале 50-х гг., указывали, во-первых, на глубокий экономический и социальный кризис в сельском хозяйстве и, во-вторых, на то, что командные методы принуждения полностью себя исчерпали.

В результате проведения экстенсивной аграрной политики, основанной на применении примитивной технологии развития всех ведущих отраслей, уже к 1953 г. на Камчатке сложился целый комплекс социальных и экономических проблем, отрицательно влиявших на эффективность сельскохозяйственного производства и материальное состояние колхозников и рабочих совхозов.

---

[1] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 233.

[2] Там же. Д. 69, л. 164.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический опыт создания и развития сельского хозяйства Северо-Востока в рамках жестко централизованной административно-командной системы показал полную бесперспективность такой аграрной политики.

Процесс развития сельского хозяйства Дальстроя в 1932-1953 гг. подтверждает, что, во-первых, административно-командная система неэффективна даже в военно-полицейских структурах и, во-вторых, что подневольный труд является самой примитивной и низкопроизводительной формой организации производства.

За годы деятельности Дальстроя, несмотря на большие масштабы сельскохозяйственного освоения и усиление эксплуатации заключенных, в районах Колымы так и не удалось создать высокопродуктивное сельскохозяйственное производство. Более того, с распадом сталинского ГУЛАГа сельское хозяйство оказалось в глубоком социально-экономическом кризисе.

В центральных и южных районах Камчатки государственный сектор сельского хозяйства при всем его внешнем отличии от концлагерной системы Дальстроя являлся ее разновидностью.

Экономическое и правовое закабаление переселенцев, ограничение права передвижения, идеологический и физический террор в период борьбы с «врагами народа», ужесточение уголовного и административного законодательства в послевоенный период - все это говорит о том, что определяющими методами развития сельского хозяйства, на которые опиралась партийно-государственная власть, были репрессивные.

Социалистический сектор сельского хозяйства Камчатки после кратковременного подъема в начале 30-х гг. уже в 1940 г. находился на грани экономического краха.

В условиях сверхцентрализации управления, жесткого учета и контроля эффективность колхозно-совхозной системы продолжала снижаться. При отсутствии материальной заинтересованности, подмененной идеологической обработкой, колхозники и рабочие совхозов под разными предлогами «саботировали» общественное производство.

Демократические принципы социалистических отношений, декларированные в сталинском уставе сельхозартели, никогда не выполнялись и служили идеологической ширмой, скрывающей сущность колхозной системы. Вся внутрихозяйственная деятельности колхозов находилась под жестким контролем партийных и советских органов власти.

Советское законодательство о земле 1930-1953 гг., направленное на подавление предпринимательства и инициативы, не способствовало развитию сельского хозяйства, а являлось политическим инструментом, закреплявшим господство административно-командной системы на основе государственной формы собственности.

В процессе коллективизации в центральных и южных районах Камчатки к 1953 г. создается государственный сектор сельского хозяйства, который

лишь по форме и уровню обобществления средств производства был социалистическим. Таким образом, была выполнена не экономическая, а политическая задача коллективизации, которая, впрочем, являлась определяющей.

Политическая направленность коллективизации в еще большей степени проявилась в национальных округах и районах. И если на Колыме создание национальных колхозов можно было объяснить необходимостью обеспечения транспортных и продовольственных нужд Дальстроя, то в Чукотском и Корякском округах какая-либо экономическая необходимость создания коллективных хозяйств отсутствовала.

Неспособность партийно-советских органов власти взаимовыгодно развивать экономику народов Севера, искусственное разжигание классовой борьбы в бесклассовом обществе, массовые конфискации и обобществление средств производства и собственности - все это привело к катастрофическим последствиям.

В период сплошной коллективизации серьезный ущерб был нанесен не только оленеводству, собаководству и промысловому хозяйству, но и национальной культуре, и самобытности развития народов Севера, в сознание которых «вколачивали» социалистическое мировоззрение.

С экономической точки зрения (учитывая очаговый характер размещения промышленности и населения, огромные расстояния, неразвитость транспортных связей и отсутствие перерабатывающей базы) создавать в кратчайшие сроки коллективные хозяйства социалистического типа в Чукотском и Корякском национальных округах было вообще бессмысленно.

Вся беда в том, что национальные колхозы Северо-Востока, созданные в 1930-1953 гг., нужны были лишь как атрибуты социалистической системы. И вполне логично и закономерно, что колхозно-совхозная система, основанная на государственной собственности, за четверть века не смогла решить ни экономической, ни социальной задачи развития сельского хозяйства.

Огромный потенциал оленеводства и промыслового хозяйства, скованный административно-директивными рамками, имел лишь потребительское значение, а молочное животноводство и полеводство отличались крайне низкой продуктивностью. Авантюрный курс на обеспечение продуктами питания за счет собственного производства провалился.

В то же время было бы неверным отрицать необходимость развития сельскохозяйственной базы на Северо-Востоке. Местное сельское хозяйство имело исключительно важное значение, и предпосылки для его развития даже в условиях Севера были, но в концепцию аграрного освоения в основном закладывались не экономическая целесообразность и рациональность, а задача политической реконструкции общества на социалистических принципах, которая и определяла формы и методы коллективизации, а также направление дальнейшего развития сельского хозяйства Северо-Востока.

Альтернатива коллективизации существовала. В национальных округах наиболее приемлемой формой взаимовыгодного развития, показавшей свою эффективность, была интегральная кооперация, а на Камчатке - частный сектор.

Личные хозяйства колхозников, рабочих и служащих (особенно на Камчатке), развиваясь с колхозами и совхозами в одних и тех же природно-климатических условиях, но основанные на иных принципах, давали стабильно высокие урожаи и являлись важным источником продовольствия. Жесткие методы налогового и идеологического давления, грубое администрирование не смогли искоренить притягательность личной заинтересованности.

В то же время попытки внедрить ограниченные формы экономического стимулирования в общественное производство не давали результатов, т.к. колхозно-совхозная система создавалась главным образом на принципах внеэкономического принуждения и подавления инициативы.

С 1953 г. сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока вступило в длительный период поиска оптимальных форм развития с целью совместить административную систему управления с возможностью повышения эффективности сельскохозяйственного производства. На первый план выходила задача экономическая. Однако все реформы сельского хозяйства в этот период носили ограниченный характер и были направлены лишь на ослабление, а не на ликвидацию административных методов управления при упрочении государственной формы собственности на землю.

В 50-е гг. складывались благоприятные условия для успешного реформирования социализма на демократических принципах, но руководство КПСС, начавшее процесс развенчания культа Сталина и демократизации, оставалось на позициях сталинизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКО - Акционерное Камчатское общество
АГОДС - административно-гражданский отдел Дальстроя
ГПУ - Главное политическое управление
ГУСДС - Главное управление строительства Дальнего Севера
ГУСМП - Главное управление Северного морского пути
ДВК - Дальневосточный край
ДЗП - Дальзаготпушнина
ДС - Дальстрой
З/к - заключенный каналоармеец
ИТЛ - исправительно-трудовой лагерь
КИРП - Колымо-Индигирское речное пароходство
КНО - Корякский национальный округ
КРС - крупный рогатый скот
КУСПХ - Колымское управление сельского и промыслового хозяйства
МЗС - морская (моторная) зверобойная станция
МРЗС - морская рыболовецко-зверобойная станция
МРС - морская (моторная) рыболовецкая станция
МРРКС - межрайонный рыболовецкий колхозный союз
МТС - машинно-тракторная станция
НКЗ - народный комиссариат земледелия
ОИК - окружной исполнительный комитет
ОЛП - отдельный лагерный пункт
ОблЗУ - областное земельное управление (с 1936 г. - ОблЗО)
ПУСПХ - Приморское управление сельского и промыслового хозяйства
РайЗО - районный земельный отдел
РИК - районный исполнительный комитет
РПК - рыбопромышленный комбинат
РИС - районный интегральный союз
СГПУ - Северное горнопромышленное управление
СНК - Совет народных комиссаров
СВИТЛ - Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь
УРПХ - Управление рыбопромыслового хозяйства
УПХ - Управление подсобных хозяйств
УМР - Управление местных ресурсов
УМП - Управление местной промышленности
ЧНО - Чукотский национальный округ
ЧЧГПУ - Чаун-Чукотское горнопромышленное управление

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Колхозы Чукотского национального округа (1/1-1934 г.)[1]

Район	Кол-во колхозов	Хозяйств	Население
	Зверобойные		
Анадырский	7	73	365
Марковский	-	-	-
Чукотский	24	429	2465
Чаунский	9	103	380
Восточной Тундры	-	-	-
Всего:	40	605	3210
	Рыболовецкие		
Анадырский	5	102	385
Марковский	2	-	-
Чукотский	-	-	-
Чаунский	-	-	-
Восточной Тундры	-	-	-
Всего:	7	183	816
	Оленеводческие		
Анадырский	6	67	286
Марковский	3	76	336
Чукотский	1	5	20
Чаунский	-	-	-
Восточной Тундры	3	104	462
Всего:	13	152	1104

Приложение 2

Сводка о коллективизации в районах Колымы на 1 апреля 1933 г.[2]

Район	Всего хоз-в	Оседлые	Кочевые	Колхозы	Тов-ва	% коллективизации		
						всего	оседлые	кочевые
С-Эвенский	349	26	323	1	3	26,3	69,2	22,9
Ольский	363	169	194	3	5	73,8	92,9	57,2
Тауйский	216	137	79	3	1	43,5	45,2	40,5
Колымский	340	140	200	-	5	35,6	86,4	-
Итого:	1268	472	796	7	14	45,3	75,8	27,3

[1] ГАМО. Ф. 91, оп. 1, д. 2, л. 215, 216.
[2] ГАМО. Ф. 23, оп. 1, д. 405, л. 35.

Приложение 3

Колхозы Колымы на 1 января 1939 г.[1]

Колхозы	Местонахождение	Вид	Тип	Устав
I. Ольский район				
1) Путь Севера	Ола	оседлые	артель	с/х р/б
2) Новый путь	Маякан	»	артель	р/б олен. охота
3) Новая жизнь	Гадля	»	артель	с/х
4) 1 мая	Сиглан	»	»	олен. охота
5) Пятилетка	Ямск	»	»	звероб. пром.
6) Рассвет	Гаданжа	кочевые	тов-во	олен.охота
7) Рассвет	Тауйск	оседлые	артель	р/б с/х
8) Пробужденный Север	Армань	»	»	»
9) Рыбак	Култук	кочевые	тов-во	р/б олен. охота
10) Красный Октябрь	Уптар	»	»	»
11) Талая	Талая	»	»	»
12) Рыбак	Туманы	»	»	»
Всего едоков в колхозах 2025 чел., мужчин 599				
II. Среднеканский район				
1) Красный богатырь	Таскан	оседлые	артель	жив-во охота
2) Искра	Сеймчан	»	»	»
3) Красная звезда	Оротук	кочевые	тов-во	»
4) II пятилетка	Балыгычан	оседлые	»	»
5) Новый путь	Коркодон	»	»	р/б »
6) Светлая жизнь	Нелемский	»	»	»
7) Красный Бугчан	Эсган	кочевые	тов-во	олен. охота
Всего едоков в колхозах 694 чел., мужчин 122 чел.				
III. Северо-Эвенский район				
1) Север	Наяхан	оседлые	артель	арт. р/б звероб.
2) Путь Ленина	Наяхан	кочевые	тов-во	р/б олен. охота
3) Эликчан	Гарманда	»	»	»
4) Рассвет	Камешки	»	»	»
5) Новый путь	Таватум	»	»	»
6) Красный луч	Вилига	»	»	»
Всего едоков в колхозах 1192 чел., мужчин 722 чел.				

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 4.

Приложение 4

Экономические показатели колхозов Колымы[1]

	Ольский район		Среднеканский		Северо-Эвенский	
	1940 г.	1952 г.	1940 г.	1952 г.	1940 г.	1952 г.
Неделимые фонды, тыс. руб.	3699	18878	599,6	14524	676	10179
Денежные доходы, тыс. руб.	5072	6918	802	5418	1325	3557
в т.ч.:						
животноводство	587	897	170	2047	42	262
оленеводство	242	1714	48	995	47	689
растениеводство	263	441	70	644	9	83
КРС, гол.	118	334	242	909	17	114
в т.ч. коров	46	134	86	385	17	40
лошади	160	300	222	702	13	52
свиньи	80	-	13	98	2	172
олени	5889	24568	527	12658	1812	20556
Посевные площади, га:						
картофель	38	46	2	11	2	1,0
овощи	5	10	5	17	-	2,0
Олени индивидуального пользования (гол.): 1940 г. 21188 1952 г. 2923						

Приложение 5

Справка о количестве колхозов Колымы после укрупнения[2]

На 1 января 1950 г.	На 1 января 1953 г.	Местонахождение
1	2	3
1. Ольский район		
Путь Севера	Путь Севера	Ола
Новая жизнь	им. Сталина	
Новый путь		
1 Мая		
Пробужденный Север	Пробужденный Север	Армань
Рассвет	Рассвет	Тауйск
Пятилетка	Ленинское знамя	Ямск
Рассвет		
Оленевод	Победа	Тахтоямск
Вперед		
2. Среднеканский район		
Красный богатырь	Красный богатырь	Таскан
23 год Октября		

[1] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 48.

[2] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 64, л. 78.

1	2	3
Искра	**Искра**	Сеймчан
Сталинец	**Сталинец**	Оротук
3-я Пятилетка	**3-я Пятилетка**	Балаганное
Светлая жизнь	**Светлая жизнь**	Нелемное
3. Северо-Эвенский район		
Путь Ленина	Путь Ленина	Гарманда
Север		
Новый путь	Новый путь	Таватум
Рассвет	Рассвет	Камешки

Приложение 6

Численность коренного населения Колымы, чел.[1]

Районы	на 1/1-1939 г.	на 1/X-1945 г.	на 1/1-1949 г.	на 1/1-1952 г.
Ольский	2400	1669	1765	1581
С-Эвенский	1365	979	819	789
Среднеканский	919	790	727	764

Приложение 7

Рыболовецкие колхозы Чукотского района[2]

Зарегистрированы на устав рыбартели	Название колхоза	Местонахождение
14 февраля 1949 г.	им. Сталина	с. Инчоун
5 июня 1949 г.	Новая жизнь	с. Чаплино
18 июня 1949 г.	Красная заря	с. Уэлен
4 июля 1949 г.	Красная звезда	с. Акканий
10 августа 1949 г.	Красная заря	с. Нунямо
19 августа 1949 г.	Новая заря	с. Яндракинот
4 августа 1949 г.	Ленинский путь	с. Наукан
19 октября 1949 г.	Красный Север	с. Яндогай
23 января 1949 г.	Нешкан	с. Нешкан
То же	Нутепельмен	с. Нутепельмен
»	Вперед	с. Энурмино
»	Сешан	с. Сешан

[1] ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 3, л. 9; д. 10, л. 25, 109.

[2] ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 11, л. 33.

Приложение 8

Данные о коллективизации в КНО (на 1 июля 1940 г.)[1]

Районы	Кол-во колхозов	В них хозяйств	% коллективизации
Олюторский	11	481	84,6
Карагинский	10	326	98,4
Пенжинский	17	435	60,4
Тигильский	16	673	87,7
Итого:	54	1915	80,2

Колхозы Камчатского рыбакколхозсоюза (на 1/1-1944 г.)[2]

Пенжинский район
Маяк Севера
Рассвет Севера
Усть-Большерецкий район
Ленинский путь
им. 17 партконференции
им. Калинина
им. Микояна
1 Мая
Пионер запада
Октябрь
им. Каманина
Сталинская конституция
III райсъезда Советов
им. XVIII партсъезда
Октябрьская революция
им. Кирова
Труженик
Красный труженик
Усть-Камчатский район
им. Сталина
Николаевской
Новая жизнь
им. Ворошилова
Олюторский район
им. Ленина
Тумгутум
Сталинец
им. Горького
им. Тимошенко
им. Кирова
Тигильский район
Красный Октябрь
им. Сталина
Ительмен
Петропавловский район
им. Кирова
Красная связь
им. Сталина
Вилюй
Декабрист
Красный партизан
Карагинский район
им. Левченко
Коммунар
13 годовщина Октября
Рыбак
10 лет нацокругов
Ударник
Новая жизнь
Турвинэ
Тумгутум
Красная звезда

---

[1] ГАКО. Ф. 164, оп. 1, д. 3, л. 224.
[2] ГАКО. Ф. 67, оп. 1, д. 3, л. 98.

Приложение 9

Поголовье оленей в хозяйствах всех категорий (КНО и Быстринский район)[1]

Категории хоз-в	1940 г.	1950 г.	1953 г.
Всего, гол.	144477	194199	167020
в т.ч. совхозы	37119	60927	52707
с/х колхозы	-	94058	42622
р/б колхозы	11080	-	43022
подсобные хоз-ва	2920	13060	12175
индивидуальные	93352	26154	17444

Приложение 10

Посевные площади (га)[2]

Камчатская область	1940 г.	1950 г.	1953 г.
Совхозы	854	1138	1670
Подсобные хоз-ва	570	1475	1072
С/х колхозы	1165	2136	2600
Р/б колхозы	221	355	510
Население	463	1719	1747
Все категории	3273	6923	7599

Приложение 11

Численность занятых в Дальстрое (тыс. чел.)[3]

	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Промышленность:							
всего	107,4	92,7	102,8	106,0	104,6	110,6	121,2
в т.ч. вольнонаемные	57,4	54,0	56,5	63,3	60,1	58,3	58,6
Сельское хозяйство:							
всего	11,9	9,9	11,1	12,0	12,8	12,5	11,0
в т.ч. вольнонаемные	4,9	4,8	5,1	5,6	4,4	4,2	3,9

[1] ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 47, л. 226.
[2] Там же. Д. 296, л. 65.
[3] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 12, л. 1.

Совхозы УПХ Дальстроя (1952 г.)[1]

Наименование	Местонахождение
1) «Дукча»	п. Дукча
2) «Свиносовхоз»	23 км трассы
3) «Ольский»	п. Ола
4) «Тауйский»	п. Тауйск
5) «Сеймчан»	п. Верхний Сеймчан (отд. в п. Н. Сеймчан)
6) «Эльген»	п. Эльген (отд. в п. Мылга)
7) «Сусуман»	п. Сусуман (отд. в п. Курахан-Салы)
8) «Алдан»	п. Хандыга (ЯССР)
Оленеводческие	
9) «Талая»	п. Талая, Упр. ИТЛ и УПХ
10) «Челбанья»	п. Нетуха, то же
11) «Андыгычан»	п. Андыгычан (ЯССР)
12) «Зырянка»	п. Зырянка, Упр. КИРП
13) «Омолон»	п. Щербаково
14) «Н.Колымский»	п. Петушки (ЯССР), Упр. КИРП
15) «Буксунда»	п. Буксунда, Омсукчанский ИТЛ и ГПУ
16) «Певек»	п. Усть-Чаун, ЧЧГПУ

[1] ГАМО. Ф. 23сс, оп. 1, д. 338, л. 89, 92, 95, 97.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Д.Бацаев

СЕЛЬСКОЕ И ПРОМЫСЛОВОЕ ХОЗЯЙСТВО
СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ 1929-1953 гг.

Ответственный редактор
чл.-кор. РАН Н.Н.Диков

Редактор **Н.А.Агеенко**
Технический редактор **Л.М.Русакова**
Корректор **Р.И.Исаева**
Компьютерная верстка **Л.А.Литвиновой**

Подписано к печати 30.06.97. Формат 70×100/16.
Объем 11,9 уч.-изд. л., 11,93 усл. п. л. Заказ 18. Тираж 250.

Отпечатано в МПО СВНЦ ДВО РАН.
Магадан, Портовая, 16.